

Генрик

СЕНКЕВИЧ

Камо грядеши

Лучшая мировая
классика

Лучшая мировая классика

Генрик Сенкевич

Камо грядеши

«Издательство АСТ»

1896

УДК 821.162.1-311.6
ББК 84(4Пол)-44

Сенкевич Г.

Камо грядеши / Г. Сенкевич — «Издательство АСТ»,
1896 — (Лучшая мировая классика)

ISBN 978-5-17-157187-0

Самый прославленный роман Сенкевича, переведенный более чем на 40 языков. Первый век нашей эры, время деяний апостолов и становления христианства. Безжалостное правление полубезумного императора Нерона, погрязший в пороках Вечный город, массовые казни и гонения на новую религию... Именно здесь, на фоне драматических событий Древнего Рима, навсегда изменивших облик западной цивилизации, разворачивается трагическая история любви молодого патриция Марка Виниция к прекрасной варварке Лигии.

УДК 821.162.1-311.6
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-157187-0

© Сенкевич Г., 1896
© Издательство АСТ, 1896

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	14
III	24
IV	26
V	30
VI	32
VII	35
VIII	49
IX	53
X	57
XI	60
XII	66
XIII	71
XIV	76
XV	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Генрик Сенкевич

Камо грядеши

Henryk Sienkiewicz
QUO VADIS

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая

I

Петроний проснулся около полудня и, как всегда, чувствовал себя очень усталым. Накануне он был у Нерона на пиру, затянувшемся далеко за полночь. За последнее время здоровье его стало ухудшаться. Он замечал сам, что по утрам просыпается изнуренный и не в силах собрать мысли. Но утренняя ванна и тщательный массаж всего тела при помощи приученных к этому рабов постепенно возвращали ленивой его крови жизнь, и она быстрее текла по его жилам, будила его, придавала бодрость и силу, – так что после натирания благовонным маслом, последней стадии утреннего туалета, он словно воскресал окончательно; глаза его блестели остроумием и весельем, он молодел, исполненный жизни, изящный и несравненный, так что сам Оттон не мог соперничать с ним, – словом, он был подлинный, как его называли, «*arbiter elegantiarum*»¹.

В общественных банях он бывал редко: лишь в том случае, если там выступал какой-нибудь удивительный ритор, о котором все говорили в городе, или когда в эфебеях² происходили исключительно интересные состязания. В его доме были свои бани, которые знаменитый Целер, товарищ Севера, перестроил для него, расширил и отделал с таким вкусом, что даже сам Нерон признавал их превосходство над цезарскими, хотя те и были значительно больше и несравненно пышнее.

И вот после пира, на котором он, заскучав от шутовских выходок Ватиния, затеял беседу с Нероном, Сенекой и Луканом о том, имеет ли женщина душу, – теперь поздно встал и принимал обычную утреннюю ванну. Потом два сильных банщика положили его на кипарисном столе, покрытом белой египетской тканью, и, смочив руки в благовонном масле, стали растирать его холеное тело. С закрытыми глазами лежал он и ждал, пока теплота масла и горячих ладоней рабов не перейдет в него и не развеет усталости.

Немного спустя он заговорил, открыв глаза, и стал расспрашивать про погоду, потом о геммах, которые ювелир Идомен обещал прислать сегодня к нему на дом для осмотра...

Оказалось – погода прекрасная при легком ветре с Альбанских гор, а геммы не присланы еще. Петроний снова закрыл глаза и велел перенести себя в тепидарий³; из-за занавеса показался раб и доложил, что молодой Марк Виниций, только что прибывший из Малой Азии, желает видеть его.

Петроний велел провести гостя в тепидарий, куда был перенесен и сам. Виниций был сын его старшей сестры, вышедшей за Марка Виниция, консулария времен Тиберия. Молодой Марк служил в настоящее время под начальством Корбулона и воевал против парфян, и теперь, после окончания войны, вернулся в Рим. Петроний чувствовал к нему некоторую слабость, похожую на любовь, – Марк был красивый, атлетически сложенный юноша, и в то же время он умел сохранять известную эстетическую меру в проявлениях римской испорченности, а это Петроний ценил выше всего.

– Привет Петронию! – сказал молодой человек, легкими шагами входя в тепидарий. – Пусть все боги будут благосклонны к тебе, а в особенности Асклепий и Киприда, – под их двойной опекой ничто дурное не может тебя встретить.

¹ Законодатель изящного вкуса (*лат.*).

² *Эфебии* – площадки для гимнастических состязаний эфебов (юноши от 16 до 20 лет).

³ *Тепидарий* – теплая баня, предназначенная для разогрева тела.

– Привет тебе в Риме, и пусть будет сладок твой отдых после войны, – ответил Петроний, протягивая руку из складок мягкой ткани, в которую был завернут. – Что слышно в Армении? Живя в Азии, не побывал ли ты в Вифинии?

Петроний был когда-то правителем этого города и, что удивительно, правил умело, энергично и справедливо. Это было в противоречии с характером человека, известного своей изнеженностью и любовью к роскоши. Потому-то он любил вспоминать те времена, что его успешное управление служило показателем, чем он мог бы и сумел бы стать, если бы ему этого захотелось.

– Мне случилось побывать в Гераклее, – ответил Виниций. – После меня Корбулон собирал там вспомогательные войска.

– А, Гераклея!.. Я знал там девушку из Колхиды, за которую отдал бы всех здешних разведенных жен, не исключая Поппеи. Но это старые истории. Скажи лучше, что слышно у парфян? Мне надоело, сказать правду, все эти Вологезы, Тиридаты, Тиграны и прочие варвары, которые, по уверению молодого Арулена, ходят у себя дома на четвереньках и лишь в нашем присутствии стараются быть похожими на людей. Теперь о них много говорят в Риме, хотя бы потому, что говорить о чем-то другом опасно.

– Война идет без успеха, и если бы не Корбулон – легко могла бы стать нашим поражением.

– Корбулон! Клянусь Вакхом, он подлинный бог войны, настоящий Марс: великий полководец, дикий, вспыльчивый и глупый. Люблю его хотя бы за то, что Нерон боится его.

– Корбулон – не глупый человек.

– Может быть, ты и прав, а впрочем, это безразлично. Глупость, говорит Пиррон, несколько не хуже мудрости и ничем не отличается от нее.

Виниций стал рассказывать о войне, но, заметив, что Петроний закрыл глаза, молодой человек переменил тотчас тему разговора и, видя перед собой усталое осунувшееся лицо друга, стал с беспокойством расспрашивать его о здоровье.

Петроний снова открыл глаза.

Здоровье?.. Плохо. Он не чувствует себя здоровым. Правда, он не дошел до состояния, в каком находится молодой Сиссен, который до такой степени перестал ощущать окружающее, что, когда его переносят в баню, он спрашивает: «Я сижу или лежу?» Но Петроний все же чувствует себя больным. Виниций отдал его под покровительство Асклепия и Киприды. Но он не верит в Асклепия. Неизвестно даже, чьим он был сыном, этот Асклепий, – Арсиной или Корониды? А если нельзя точно назвать матери, то что же говорить об отце! Кто в настоящее время может быть уверен даже в своем отце!

Петроний засмеялся и продолжал:

– Правда, два года тому назад я послал в Эпидавр щедрый дар, но знаешь, почему я сделал это? Я сказал себе: поможет, не поможет, – во всяком случае, не повредит. Если вообще люди приносят еще жертвы, то, думаю, они рассуждают так же, как я. Все, за исключением разве погонщиков мулов, которые поджидают путешественников у Капенских ворот! Кроме Асклепия я имел также дело и с его жрецами, когда в прошлом году у меня разболелся мочевой пузырь. Они совершили инкубацию⁴ ради моего выздоровления, я же, хотя и знал, что они обманщики, говорил себе: разве это мне повредит? Мир стоит на обмане, жизнь – пустое самообольщение. Такое же самообольщение и наша душа. Но нужно иметь настолько ума, чтобы отличить обольщение приятное от неприятного. В моей уборной я велю жечь кедровые дрова, посыпая их амброй, потому что предпочитаю благоухание вони. Что касается Киприды, которой ты поручил меня, то я достаточно почувствовал на себе ее покровительство, испытывая

⁴ *Инкубация* – обычай проводить ночь в храме с целью увидеть вещий сон.

стрельбу в правой ноге. Впрочем, эта богиня не злая! Думаю, что и ты рано или поздно отнесешь к ее алтарю белых голубей.

– Да, – сказал Виниций, – меня не достали стрелы парфян, но неожиданно ранил дротик Амура, и это случилось недалеко от ворот Рима.

– Клянусь белыми ножками харит⁵, что ты расскажешь мне об этом на досуге, – сказал Петроний.

– Я пришел, чтобы просить у тебя совета, – ответил Марк.

В это время вошли банщики, которые и занялись Петронием, а Марк, следуя приглашению Петрония, сбросил с себя тунику и погрузился в теплую ванну.

– Я даже не спрашиваю, пользуешься ли ты взаимностью, – говорил Петроний, разглядывая молодое, словно высеченное из мрамора, тело Виниция. – Если бы тебя увидел Лисипп, то ты украшал бы теперь ворота Палатина в качестве статуи юного Геркулеса.

Молодой человек улыбнулся и, довольный, стал плескаться в ванне, разбрызгивая желтую воду по мозаике, изображавшей Геру в то мгновение, когда она просит Морфея усыпить Зевса. Петроний рассматривал его восхищенным взором художника.

Когда Марк кончил купаться и перешел в распоряжение банщиков, вошел чтец с бронзовым ящиком, наполненным свитками.

– Хочешь послушать? – спросил Петроний.

– Если это твоё произведение, то охотно, – ответил Виниций, – если же нет, то предпочитаю беседовать. Поэты ловят теперь слушателей на всех перекрестках.

– Да, да! Нельзя пройти мимо базилики, мимо бань, библиотеки или книжной лавки, чтобы не увидеть жестикулирующего, как обезьяна, поэта. Агриппа, приехавший с Востока, принял их за сумасшедших. Но теперь такое время. Цезарь⁶ пишет стихи, поэтому все делают это. Но нельзя писать стихов лучших, чем пишет цезарь, поэтому я немного боюсь за Лукана... Но я пишу прозой, которой не угощаю, Впрочем, ни себя ни других. Чтец должен был читать записки бедняги Фабриция Вейентона.

– Почему «бедняги»?

– Потому что ему велено сидеть в Одиссе и не возвращаться к домашнему очагу впредь до нового распоряжения. Эта «одиссея» будет ему лишь постольку легче, чем настоящему Одиссею, поскольку жена его не похожа на Пенелопу. Не нужно говорить тебе, что все это очень глупо. Но здесь никто не задумывается глубоко. Это довольно посредственная и скучная книга, которую стали жадно читать тогда лишь, когда автор был изгнан. Теперь отовсюду слышится: «Скандал! Скандал!» – возможно, что Вейентон кое-что приврал, но я хорошо знаю наших отцов и наших женщин и уверяю тебя, что все это бледнее, чем в действительности. Каждый ищет со страхом себя в этих записках и с тайной радостью – своих друзей. В книжной лавке Авируна сто писцов пишут под диктовку – успех книги обеспечен!

– На тебя намеки там есть?

– Да, но автор промахнулся, потому что я в одно и то же время и хуже и менее пошел, чем он представил меня. Мы здесь давно потеряли сознание того, что хорошо и что дурно, – и мне порой, право же, кажется, что между этими понятиями вообще нет разницы, хотя Сенека, Музоний и Трасей притворяются, что видят ее. Мне это безразлично. Клянусь Геркулесом, я говорю, что думаю! Но я сохранил за собой одно преимущество, я знаю, что безобразно и что красиво, а этого хотя бы наш меднобородый поэт, наездник, певец, танцор и лицедей не понимает.

– Мне жаль Фабриция! Он был прекрасный товарищ.

⁵ Хариты – в греческой мифологии три дочери Зевса (Аглая, Евфросина и Талия), богини юности, изящества и красоты; тождественны римским грациям.

⁶ Цезарь – один из титулов-имен правителей Римской империи.

– Его погубило самолюбие. Все его подозревали, но никто не знал наверняка, а он сам не мог удержаться и говорил всем о своем авторстве под величайшим секретом. Ты слышал об истории Руфина?

– Нет.

– Перейдем в прохладную комнату, мы там остынем, и я расскажу ее тебе.

Посреди фригидариума⁷ светло-розовый фонтан разносил запах фиалок.

Усевшись в нишах на шелковых простынях, они остывали. Некоторое время молчали. Виниций задумчиво смотрел на бронзового фавна, который, перегнув к себе через плечо нимфу, жадно искал губами ее губ. Потом он сказал:

– Этот фавн прав. Вот лучшее в жизни.

– Приблизительно! Но ведь кроме этого ты любишь еще войну, которой я не люблю, потому что в походных шатрах ногти ломаются и перестают быть розовыми. Впрочем, у каждого свое пристрастие. Меднобородый⁸ любит пение, особенно свое собственное, а старый Скавр – свою коринфскую вазу, которую он целует, если не может заснуть. Края этой вазы уже лоснятся от его поцелуев. Скажи, ты не пишешь стихов?

– Нет, я не написал ни одного гекзаметра.

– И не играешь на лютне? Не поешь?

– Нет.

– На колеснице ездешь?

– Когда-то состязался в Антиохии, но без особого успеха.

– Тогда я спокоен за тебя. К какой партии принадлежишь в цирке?

– К зеленым.

– В таком случае я могу окончательно успокоиться. Хотя у тебя большое состояние, но все же ты не так богат, как Сенека и Палладий. Потому что у нас теперь хорошо: писать стихи, петь под аккомпанемент лютни, декламировать и состязаться на ипподроме, но еще лучше и, главное, безопаснее: не писать, не петь, не состязаться. Лучше всего удивляться, как искусно все это делает Меднобородый. Ты красив, и тебе может быть опасной Поппея, если влюбится в тебя. Но она слишком опытна в этом. Достаточно узнала любовь, будучи два раза замужем; в третьем браке ее интересует нечто иное. Знаешь, этот глупый Оттон безумно влюблен в нее до сих пор... Бродит в Испании по скалам и тяжело вздыхает; утратил свои старые привычки и перестал заботиться о своей наружности настолько, что теперь у него на прическу уходит лишь три часа в день. Кто бы мог ожидать этого от Оттона?

– Я понимаю его, – ответил Виниций. – Но на его месте я сделал бы нечто иное.

– Что же именно?

– Собрал бы верные себе легионы из тамошних горцев. Иберийцы – великолепные солдаты!

– Виниций, Виниций! Мне думается, что ты не был бы способен на это. И знаешь почему? Потому что такие вещи делают, но о них не говорят, даже условно. А я на его месте смеялся бы над Поппеей, смеялся бы над Меднобородым и собирал бы легионы не иберийцев, а ибериек. Самое большее – писал бы эпиграммы, которых, впрочем, не читал бы никому, как это делал бедный Руфин.

– Ты хотел мне рассказать о нем.

– Расскажу в унктуарии⁹.

Но и там внимание Виниция было отвлечено прекрасными рабынями, которые ожидали их. Две из них, негритянки, похожие на великолепные статуи из черного дерева, стали нати-

⁷ Фригидариум – прохладная комната в бане.

⁸ Меднобородый (лат. Ahenoburbus) – родовое прозвище фамилии Домициев, к которой принадлежал Нерон.

⁹ Унктуарий – комната в бане, предназначенная для растираний.

рать тела патрициев аравийскими благовониями, другие, искусные фригийки, держали в мягких и гибких, как змеи, руках полированные стальные зеркала и гребни; две божественно прекрасные гречанки ждали минуты, когда они смогут правильно сложить складки на тогах своих господ.

– Клянусь Зевсом Громовержцем, – воскликнул Марк Виниций, – у тебя великолепный выбор.

– Я предпочитаю качество количеству, – ответил Петроний. – Моя «фамилия» в Риме не превышает четырех сотен голов, и я полагаю, что для личных услуг только выскочки нуждаются в большем числе.

– Более прекрасных девушек не имеет даже Меднобородый, – раздувая ноздри, говорил Виниций.

На это Петроний добродушно сказал:

– Ведь ты мой родственник, кроме того, я и не так истаскан, как Басе, и не такой педант, как Авл Плавтий.

Виниций, услышав последнее имя, забыл тотчас о прекрасных гречанках и оживленно спросил:

– Почему тебе пришел на ум Авл Плавтий? Знаешь, я повредил себе руку недалеко от Рима и принужден был провести несколько дней в его доме. Случайно он приехал туда и, видя мои страдания, оставил меня у себя, а его раб Мерион, врач, вылечил мою руку. Я об этом и хотел поговорить с тобой.

– О чем же? Уж не влюбился ли ты в Помпонию? В таком случае мне жаль тебя: она немолода и добродетельна! Не представляю себе худшего сочетания. Брр...

– Увы! Не в Помпонию! – ответил Виниций.

– В кого же?

– О если бы я знал! Я даже хорошо не знаю, как ее зовут: Лигия или Каллина. В доме ее зовут Лигией, потому что она родом лигийка, но ее варварское имя – Каллина. Станный дом Плавтиев. Людей много, и тихо, как в рощах Субиакума. В продолжение нескольких дней я даже не подозревал, что живет там богиня. Однажды на рассвете увидел я ее, когда она мылась у фонтана в саду. Клянусь той пеной, из которой вышла Афродита, что свет зари пронизывал ее тело насквозь. И я подумал, что, когда солнце взойдет, она растает в лучах, как тает утренняя заря. Потом я видел ее два раза, и с тех пор не знаю покоя, нет у меня другого желания, не хочу смотреть на Рим, не хочу женщин, золота, коринфской бронзы, янтаря, жемчугов, вина, пиров, ничего, – хочу лишь ее одну: Лигию. Я говорю тебе искренне, Петроний, что тоскую по ней, как тосковал изображенный на мозаике в твоей бане Морфей по Пасифее... Я тоскую по ней и днем и ночью...

– Если она рабыня, то купи ее.

– Нет, она не рабыня.

– Кто же? Вольноотпущенница?

– Не была рабыней – как может она быть вольноотпущенницей?

– Кто же?

– Не знаю: царская дочь или что-то в этом роде.

– Ты возбуждаешь мое любопытство, Виниций!

– Если хочешь выслушать меня, я тотчас удовлетворю его. История не слишком длинная. Ты, вероятно, знал Ванния, изгнанного короля свевов¹⁰, который долго жил в Риме и стал даже знаменит своей счастливой игрой в кости и богатством. Цезарь Друз вернул ему трон. Ванний был человек сильный, сначала правил хорошо, удачно воевал, но потом стал драть шкуру не только с соседей, но и со своих свевов. Тогда Вангий и Сидон, его племянники, сыновья

¹⁰ *Свевы* – собирательное название ряда германских племен.

Вибилия, царя германдуров¹¹, решили принудить его снова отправиться в Рим... испытывать счастье в игре в кости.

– Помню, помню, это было недавно, во времена Клавдия.

– Да! Вспыхнула война. Ванний призвал на помощь язигов¹², а его племянники – лигийцев, которые, услышав о богатстве Ванны, жадные до добычи, прибыли в таком громадном количестве, что сам цезарь Клавдий стал беспокоиться за целостность своих границ. Цезарь не хотел вмешиваться в борьбу варваров, однако он написал Ателию Гистру, вождю дунайских легионов, чтобы тот внимательно следил за ходом войны и не допустил нарушения мира у нас. Тогда Гистр потребовал от лигийцев обещания не переходить наших границ, на что те согласились и даже дали заложников, в числе которых были жена и дочь их вождя... Ты ведь знаешь, что варвары берут с собой в поход своих жен и детей... Так вот моя Лигия и есть дочь этого вождя.

– Откуда ты все это знаешь?

– Мне рассказал об этом сам Авл Плавтий. Лигийцы действительно тогда не перешли границы, но ведь варвары налетают как ураган и так же быстро исчезают. Исчезли и лигийцы со своими турьими рогами на шлемах. Разбили полчища Ванны, и свевов и язигов, но в битве погиб их царь, а потом ушли с добычей, оставив заложников у Гистра. Мать вскоре умерла, а дочь была отослана к правителю Германии Помпонию, так как Гистр не знал, что ему с ней делать. Помпоний после окончания войны с коттами¹³ вернулся в Рим, где Клавдий, как тебе известно, позволил ему устроить триумф. Девушка шла за колесницей вождя, но после окончания торжества, так как заложницу нельзя было считать пленницей, и Помпоний, в свою очередь, недоумевал, что ему с ней делать; в конце концов, он поручил ее Помпонии Грецине, своей сестре, жене Плавтия. В доме, где все, начиная с господ и кончая цыплятами в курятнике, добродетельны, девушка стала – увы – такой же, как сама Помпония, и столь прекрасной, что даже Поппея в сравнении с нею кажется осенней фигой рядом с гесперидским яблоком.

– Итак, что же?

– Повторяю, что с мгновения, когда я увидел, как свет зари проникнул ее тело насквозь, я влюбился в нее без памяти.

– Значит, она так же прозрачна, как молодая сардинка?

– Не шути, Петроний, и если тебя удивляет та легкость, с которой я говорю тебе о своем чувстве, то знай, что часто яркая одежда прикрывает глубокие раны. Должен тебе еще сказать, что, возвращаясь из Азии, я провел одну ночь в храме Мопса, чтобы увидеть вещий сон. И вот мне в сновидении явился сам Мопс и сказал, что в жизни моей произойдет большая перемена благодаря любви.

– Я слышал, как Плиний говорил, что он не верит в богов, но верит снам, – и, может быть, он прав. Мои насмешки не мешают мне иногда думать, что в самом деле существует некое единое божество, вечное, всемогущее и творческое, – Венера-Родительница. Она родит души, родит тела, родит весь видимый мир. Эрос вывел мир из хаоса. Хорошо это или плохо, но мы должны признать его могущество, хотя бы и не благословляли его...

– Ах, Петроний, легче в жизни услышать философию, чем добрый совет.

– Скажи мне, чего ты, собственно, хочешь?

– Хочу обладать Лигией. Хочу, чтобы мои руки, которые теперь обнимают воздух, обняли бы ее и могли прижать к груди. Хочу дышать ее дыханием. Если бы она была невольницей, я дал бы за нее Авлу сто девушек с ногами, выбеленными мелом, в знак того, что их в первый раз

¹¹ *Германдуры* – германское племя, обитавшее на территории современной Баварии и Тюрингии.

¹² *Язиги* – сарматское племя, обитавшее между Дунаем и Тиссой.

¹³ *Котты* – германское племя, обитавшее в верхнем течении р. Везер.

вывели на продажу. Хочу иметь ее в своем доме до тех пор, пока моя голова не станет такой же белой, как вершина горы зимой.

– Она не рабыня, но все-таки принадлежит к дому Плавтия, а так как у нее нет родных, то ее можно считать невольницей. Плавтий мог бы уступить ее тебе, если бы захотел.

– Значит, ты не знаешь Помпонию Грецины. Впрочем, оба они привязались к ней, как к собственной дочери.

– Помпонию я знаю. Подлинный кипарис. Если бы не была женой Авла, была бы великолепной похоронной плакальщицей. После смерти Юлии не снимает черных одежд, вообще у нее такой вид, словно при жизни она ходит по полям, покрытым асфоделями¹⁴. Кроме того, она «*imivira*» – женщина, имевшая только одного мужа, – и между нашими матронами, побывавшими в браке раз пять, может сойти за феникса. Кстати, слышал ли ты, говорят, феникс в самом деле возродился где-то в Верхнем Египте, что случается не чаще как один раз в пятьсот лет?

– Петроний, Петроний! Мы поговорим о фениксе когда-нибудь в другой раз.

– Что мне сказать тебе, мой Марк? Я знаю Авла Плавтия, который, хотя и бранит мой образ жизни, все же питает ко мне некую слабость, может быть, даже уважает больше, чем других, потому что знает, что я не способен быть доносчиком, подобно Домицию Афру, Тигеллину и всей шайке друзей Агенобарба. Не выдавая себя за стойка, я, однако, не раз морщился от таких выходок Меднобородого, на которые Сенека и Бурр смотрели сквозь пальцы. Если ты думаешь, что я могу быть тебе чем-нибудь полезен у Авла, – я весь к твоим услугам.

– Думаю, что можешь. Ты имеешь влияние на него, твой ум необыкновенно остр. Если бы ты вник в положение, поговорил с Плавтием...

– У тебя преувеличенное мнение о моем влиянии и уме, но, если дело лишь за этим, я охотно поговорю с ним, как только они переедут в город.

– Они переехали два дня тому назад.

– В таком случае пойдем в триклиний¹⁵, где нас ждет завтрак, а потом велим себя отнести к Плавтию.

– Ты всегда был мне мил, – с живостью заговорил Виниций, – но теперь я велю поставить твоё изображение среди моих домашних лар¹⁶, вот такое прекрасное, как это, и буду приносить ему жертвы.

И с этими словами он повернулся к стене, у которой стояли статуи, и показал рукой на изображение Петрония в виде Гермеса с посохом в руке. Потом он прибавил:

– Клянусь светом Гелиоса, что божественный Парис был похож на тебя, поэтому нечего удивляться Елене.

И в этом возгласе слышалась неподдельная искренность, потому что Петроний хотя был старше и менее мускулист, но казался красивее Виниция. Женщины в Риме удивлялись не только его гибкому уму и вкусу, что давало Петронию право называться «*arbiter elegantiarum*», но также и его телу. И этот удивленный восторг отразился на лицах гречанок, которые приводили в порядок складки его тоги; одна из них, по имени Евника, была тайно влюблена в него и смотрела на него с обожанием и любовью.

Но он не обратил на это внимания и с улыбкой стал цитировать в ответ Виницию слова Сенеки о женщинах:

«*Animal impudens*»¹⁷, – и т. д.

Потом, обняв его, он повел Виниция в триклиний.

¹⁴ Т.е. в царстве мертвых.

¹⁵ Помещение, в котором находится обеденный стол с ложами.

¹⁶ Лары – боги – хранители домашнего очага.

¹⁷ Бесстыдное животное (лат.).

В бане гречанки, фригийки и негритянки стали убирать сосуды с благовониями. Но в ту же минуту из-за занавеса показались головы банщиков и раздалось тихое: «Псс!..» На этот призыв одна из гречанок, фригийки и обе негритянки тотчас исчезли за занавесом. В банях была минута полной свободы и разврата, чему не мешал надсмотрщик, и сам не раз принимавший участие в подобных похождениях. Догадывался об этом и Петроний, но, как человек великодушный и не любивший прибегать к наказаниям, смотрел на все сквозь пальцы.

В комнате осталась одна Евника. Некоторое время она прислушивалась к удалявшимся голосам и смеху, потом, подняв инкрустированную янтарем и слоновою костью скамью, на которой только что сидел Петроний, осторожно поставила ее перед его статуей.

Комната была залита солнечным светом, переливавшимся на многоцветном мраморе, которым были выложены стены.

Евника встала на скамью и вдруг закинула руки вокруг шеи статуи, отбросив назад золотые свои волосы, – прижимаясь розовым телом к белому мрамору, она с волнением прижала свои губы к каменным губам Петрония.

II

После трапезы, которая называлась завтраком и за которую два друга сели тогда, когда простые смертные давно уже пообедали, Петроний предложил немного вздремнуть. По его мнению, рано было идти в гости. Есть люди, которые навещают своих знакомых тотчас после восхода солнца, считая это старым римским обычаем. Но он, Петроний, считает это варварством. Наиболее удобно послеобеденное время, когда солнце перейдет в сторону храма Юпитера Капитолийского и станет сбоку взирать на Форум. Осенью бывает еще очень жарко, и люди охотно спят после еды. Приятно послушать журчанье фонтана в атриуме¹⁸ и после обязательной тысячи шагов подремать в багряной тени, под наполовину затянутым пурпурным велариумом¹⁹.

Виниций признал правоту слов Петрония, и они стали прохаживаться, ведя легкий разговор о том, что слышно нового на Палатине и в городе, и немного философствуя о жизни. После этого Петроний отправился в спальню, но спал недолго. Через полчаса он вышел и, велел принести вербену, стал нюхать ее и натирать себе руки и виски.

– Не поверишь, – сказал он, – как это освежает... Теперь я готов.

Лектика – носилки – давно ждала их. Они сели и приказали отнести себя на улицу Патрициев в дом Авла Плавтия. Инсула Петрония лежала на южном склоне Палатина, поэтому кратчайшая дорога проходила ниже Форума, но так как Петроний хотел побывать у ювелира Идомена, то приказал нести себя через Форум, в сторону Злодейской улицы, где было множество всякого рода таверн.

Огромные негры подняли лектику и понесли ее, впереди расчищали дорогу рабы. Петроний время от времени молча подносил к лицу свои руки, пахнущие вербеной, и, казалось, о чем-то глубоко размышлял. Потом он сказал:

– Мне приходит в голову, что если твоя лесная богиня не невольница, то она могла бы покинуть дом Плавтия и перейти в твой. Ты окружил бы ее любовью и богатством, как я свою божественную Хризотемиду, которая, говоря между нами, надоела мне так же, как и я ей.

Марк покачал головой.

– Нет? – спросил Петроний. – В худшем случае дело дошло бы до цезаря, и можешь быть уверен, что наш Меднобородый, хотя бы вследствие моего влияния, был бы на твоей стороне.

– Ты не знаешь Лигии! – ответил Виниций.

– Тогда позволь мне спросить. Знаешь ли ты ее? Говорил ли ты с ней? Признался ли в своей любви?

– Я увидел ее впервые у фонтана, потом встречался с ней два раза. Вспомни, что во время моего пребывания в доме Авла я жил в боковом помещении для гостей и, страдая от боли в руке, не мог принимать участия в общей трапезе. И лишь накануне своего отъезда я встретил Лигию за ужином – и не мог сказать ей ни слова. Пришлось слушать Авла, который рассказывал о своих победах в Британии, потом об упадке мелких хозяйств в Италии, против которого боролся еще Лициний Столон. Вообще, я не знаю, может ли Авл говорить о чем-нибудь другом, и ты не думай, что мы сумеем избежать этого, разве только ты захочешь слушать его жалобы на нынешнее безвременье и упадок нравов. У них фазаны в птичнике, но они их не едят, полагая, что каждый съеденный фазан приближает нас к концу римского могущества. Во второй раз я встретил ее около цистерны в саду с тростником в руке, который она погружала в воду и брызгала растущие вокруг ирисы. Посмотри на мои колени. Клянусь щитом Геракла,

¹⁸ *Атриум* – внутренний световой двор, откуда имелись выходы во все остальные помещения.

¹⁹ *Велариум* – тент или навес от солнца.

что они не дрожали, когда на наши манипулы²⁰ шли с воем тучи парфян, но они дрожали около этой цистерны. Смущенный, как мальчик, который носит еще буллу²¹ на шее, я одними глазами молил о ласке, не будучи в состоянии вымолвить ни слова.

Петроний посмотрел на него с завистью.

– Счастливый! Пусть мир и жизнь будут злыми, одно в них останется вечным благом – молодость!

Потом он спросил:

– Ты заговорил с ней?

– Да. Придя немного в себя, я сказал, что возвращаюсь из Азии, что в дороге повредил себе руку и очень страдал, но в ту минуту, когда мне приходится покинуть этот гостеприимный кров, я вижу, что страдания здесь стоят гораздо больше, чем наслаждение в другом месте, болезнь лучше, чем где-либо здоровье. Она слушала меня также смущенная, с опущенной головой, чертя тростником что-то на песке. Потом она подняла глаза, посмотрела еще раз на знаки на песке, потом снова на меня, словно желая о чем-то спросить, и вдруг убежала, как дриада от глуповатого фавна.

– У нее, должно быть, красивые глаза.

– Как море, и я утонул в них, как в море. Поверь, что Архипелаг²² не такой голубой. Потом прибежал маленький Плавтий и стал меня о чем-то расспрашивать. Но я ничего не понимал, ничего не слышал.

– О Афина! – воскликнул Петроний. – Сними этому юноше повязку с глаз, которую надел ему Эрот, потому что он рискует разбить себе голову о колонну храма Венеры.

Потом он обратился к Виницию:

– Ты – весенняя почка на дереве жизни, ты – первый зеленый побег виноградной лозы! Тебя следовало бы вместо Плавтиев отнести в дом Гелочия, где обучают неопытных в жизни мальчиков.

– Что ты, собственно, хочешь сказать?

– Что она чертила на песке? Не имя ли Амура, не сердце ли, пронзенное его стрелой? И разве нельзя по этому узнать, что сатиры уже нашептали этой нимфе на ухо разные тайны жизни? Как можно было не рассмотреть этих знаков.

– Я надел тогу раньше, чем ты думаешь, – ответил Виниций, – и прежде чем прибежал маленький Авл, я внимательно рассмотрел знаки. Я ведь знаю, что и в Греции и в Риме девушки часто чертят на песке признания, которых не в силах произнести уста... И угадай, что она начертила?

– Если не то, что я сказал, – не угадаю.

– Рыбу.

– Как ты говоришь?

– Говорю: рыбу! Значит ли это, что в жилах ее пока течет холодная кровь, – не знаю! Но ты, назвавший меня весенней почкой на древе жизни, ты, наверное, лучше меня разгадаешь этот знак.

– Мой милый, об этом спроси лучше Плиния. Он понимает толк в рыбах. Если бы жив был старый Апиций, он также, вероятно, сумел бы рассказать тебе это, потому что в продолжение своей жизни съел столько рыбы, сколько не сможет вместить в себя Неаполитанский залив.

Дальнейшая беседа была прервана, потому что их вынесли на людную улицу, где мешал громкий говор прохожих. Через Аполлонову улицу они свернули на Форум, на котором в ясные дни перед закатом солнца сновали толпы праздного народа, разгуливали у колонн, передавали

²⁰ *Манипул* – боевое подразделение римской армии.

²¹ *Булла* – шейный амулет в виде шарика или кружка.

²² *Архипелаг* – Эгейское море.

друг другу новости и сплетни, глазели на знаменитых людей, которых проносили в лектиках, наконец, заглядывали в ювелирные и книжные лавки, толпились около менял – всего этого было очень много в части рынка, расположенного против Капитолия. Половина Форума была в тени, тогда как колонны и крыши лежащих выше храмов сияли в солнце и лазури. Стоявшие ниже колонны отбрасывали длинные тени на мраморные плиты, повсюду их было так много, что взор терялся среди них, как в лесу. Казалось, что зданиям и колоннам здесь очень тесно. Громоздились одно над другим, бежали вправо и влево, вздымались кверху, прижимались к крепостной стене или одно к другому; колонны были похожи на большие и малые, толстые и тонкие, золотистые и белые стволы деревьев, расцветших под архитравами цветами аканта, скрученных в ионийские рога или увенчанных простым дорийским квадратом. Над этим лесом разноцветные триглыфы, из тимпанов²³ виднелись изваянные изображения богов, а на крышах крылатые золотые квадриги, казалось, готовы были улететь в воздух, в эту лазурь, которая спокойно распростерлась над тесным городом храмов. По середине рынка и по краям струился поток людей: римляне гуляли под сводами базилики Юлия Цезаря, иные сидели на ступенях храма Кастора и Поллукса, иные ходили вокруг небольшого храма Весты, похожие на этом огромном мраморном фоне на разноцветных бабочек или жуков. Сверху, по ступеням от храма, посвященного «Jovi Optimo Maximo»²⁴, наплывали новые толпы; около роств слушали каких-то ораторов; повсюду слышались крики продавцов фруктов, вина или воды, подслащенной фиговым соком; сновали лекаря, предлагавшие чудодейственные снадобья, гадалышники, толкователи снов. Среди громких разговоров и криков слышались порой звуки систра, греческой флейты или египетского самбука²⁵. Больные, богомолы или люди, впавшие в несчастье, несли жертвы в храм. Среди людей виднелись на каменных плитах жадные, похожие на подвижные синие пятна, стаи голубей, то взлетающие с шумом вверх, то снова опускавшиеся на свободное место. Иногда толпа расступалась перед лектикой, в которой виднелось красивое женское лицо или патрицианская голова сенатора. Разноязычная толпа громко называла их имена, сопровождая их прозвищами, насмешками или похвалами. Между беспорядочными толпами народа иногда проходили сомкнутым строем солдаты или стража, наблюдающая за уличным порядком. Греческий язык слышался повсюду так же часто, как и латинский.

Виниций, давно не бывший в Риме, с любопытством рассматривал разноплеменную толпу и Форум, царивший над миром и в то же время полоненный его многообразием. Петроний, угадав мысль Виниция, назвал его «гнездом квиритов без квиритов»²⁶. В самом деле римская стихия растворилась здесь, в этой толпе, состоявшей из представителей самых разнообразных народов и рас. Здесь были эфиопы, светловолосые великаны севера, бритты, галлы и германцы, косоглазые жители Серикума²⁷, люди с Евфрата и из Индии, с красными крашеными бородами, сирийцы с берегов Оронта, с лукавыми черными глазами; худощавые и гибкие сыны аравийских пустынь; египтяне с вечной равнодушной улыбкой на лице, нумидийцы, афры; греки из Эллады, которые вместе с римлянами властвовали над городом, но власть их заключалась в знании, искусстве, уме и ловкости; греки с островов, из Малой Азии, из Египта, Италии, Галлии. В толпе рабов с проколотыми ушами было немало свободных бездельников, которых цезарь кормил, развлекал, даже навещал, много было здесь и пришельцев, которые искали в огромном городе легкой жизни и счастья; множество торговцев, жрецов Сераписа с пальмовыми ветвями в руках, жрецов Изиды, к алтарям которой приносилось больше жертв, чем в храм капитолийского Юпитера; жрецов Кибеллы, державших в руках золотистые кисти

²³ Тимпан – треугольное поле фронтона (верхней части торцевого фасада), украшенное рельефами и скульптурными изображениями.

²⁴ Юпитеру Наилучшему Величайшему (лат.).

²⁵ Самбук – античный струнный щипковый инструмент, разновидность арфы.

²⁶ Квири́т – полноправный римский гражданин.

²⁷ Серику́м – Китай.

риса, бродячих жрецов, восточных танцовщиц в ярких шляпах; продавцов амулетов, укротителей змей; халдейских магов, людей всевозможных занятий, которые еженедельно осаждали склады хлеба на Тибре, дрались из-за билетов у цирка, проводили ночи в развалинах домов по ту сторону Тибра, а солнечные и теплые дни под портиками Форума, в грязных тавернах Субурры, на мосту Мильвия или перед домами знатных людей, где им время от времени бросали крохи со стола рабов.

Петроний был известен этой толпе. До слуха Виниция все время долетало имя Петрония и крики: «Вот он!» Его любили за щедрость, особенно же популярность Петрония возросла с того времени, когда стало известно, что он упрямил цезаря отменить смертный приговор всей фамилии, то есть без различия пола и возраста рабам префекта Педания Секунда за то, что один из них убил в минуту отчаяния своего жестокого господина. Правда, Петроний уверял, что ему это дело совершенно безразлично и что он говорил с цезарем как частный человек, как *arbiter elegantiarum*, эстетическое чувство которого было возмущено предполагавшейся варварской бойней, достойной каких-либо скифов, а не римлян. И все-таки простой народ, поднявший волнение по поводу приговора, с той поры полюбил Петрония.

Но тот мало заботился об этом. Он помнил, что этот народ любил также Британика, которого Нерон отравил, и Агриппину, которую велел убить, и Октавию, задушенную на Пандатарии после того, как предварительно ей были открыты жилы в горячей ванне, и Рубелия Плавта, который был изгнан, и Трасея, которому каждый день мог быть днем казни. Любовь народа служила скорее дурным знаком, а скептик Петроний был все-таки немного суеверен. Толпу он презирал вдвойне и как аристократ и как художник. Люди, от которых пахнет жареными бобами, спрятанными за пазухой, охрипшие и вечно потные от игры в свайку на перекрестках и перистильях²⁸, не заслуживали в его глазах имени людей.

Не отвечая на приветствия и посылаемые некоторыми поклонниками воздушные поцелуи, он рассказывал Марку дело Педания, смеясь над предательством уличной сволочи, которая на другой день после бурного возмущения уже рукоплескала Нерону, проезжавшему в храм Юпитера Статора. У книжной лавки Авирна он велел рабам остановиться и, выйдя из лектики, купил прекрасно оправленную рукопись, которую подал Марку.

– Это мой подарок тебе.

– Благодарю! – ответил Виниций. Взглянув на титул, он спросил: – «Сатирикон»? Это новость. Чье это?

– Мое. Но я не хочу следовать ни примеру Руфина, историю которого собирался тебе рассказать, ни Фабриция Вейентона, – поэтому никто об этом не знает, и ты никому не говори.

– Ты говорил, что не пишешь стихов, – сказал Виниций, заглянув в середину рукописи, – а я вижу, что твоя проза сплошь пересыпана ими.

– Когда будешь читать, обрати внимание на пир Тримальхиона. Что касается стихов, то они мне стали противны с того времени, как Нерон занялся эпосом. Вителлий, желая вызвать тошноту, употребляет палочку из слоновой кости, которую засовывает себе в горло; иные пользуются перьями фламинго, смоченными оливковым маслом или отваром душицы, – а я читаю стихотворения Нерона, и результат следует немедленно. Потом я могу хвалить их если не с чистой совестью, то, по крайней мере, с очищенным желудком.

Сказав это, он снова велел рабам остановиться у ювелира Идомена и, заказав несколько гемм, приказал нести лектику в дом Авла Плавтия.

– Я расскажу тебе историю Руфина, чтобы наглядно показать, что такое авторское самлюбие, – сказал он.

Но прежде чем он успел начать, они свернули на улицу Патрициев и скоро очутились перед домом Авла.

²⁸ Перистиль – колоннада, портик, галерея, окружающие площадь, двор, сад.

Молодой, сильный привратник открыл перед ними дверь, ведущую в остиум; сорока, висевшая в клетке над дверью, хрипло приветствовала их резким криком: «Salve!»²⁹

Когда они шли из остиума³⁰ собственно в атриум, Виниций сказал Петронию:

– Заметил ли ты, что здесь привратник не закован в цепи.

– Это какой-то странный дом, – вполголоса ответил Петроний. – Тебе, должно быть, известно, что Помпонию Грецину подозревали в принадлежности к какой-то восточной суеверной секте, основанной на почитании некоего Христа. Кажется, этому слуху она обязана Криспинилле, которая не может простить Помпонии, что та удовольствовалась одним мужем в продолжение всей своей жизни. *Univira!*...³¹ В Риме немного найдется таких. Ее судили семейным судом...

– Ты прав, это действительно странный дом. Я потом расскажу тебе, что здесь слышал и видел.

Они вошли в атриум. Был послан раб, чтобы возвестить приход гостей, которым другие рабы придвинули кресла и скамейки под ноги. Петроний, полагая, что в этом суровом доме царит вечная печаль, никогда не бывал здесь, – и теперь он с удивлением и словно разочарованием осматривал атриум, который производил скорее веселое впечатление. Сверху падал сноп солнечного света, преломляющийся тысячей искр в фонтане. Квадратный бассейн с фонтаном посередине, предназначенный для собирания дождевой воды и называемый имплювиум, был окружен анемонами и лилиями. По-видимому, в доме особенно любили лилии – их было множество, белых, красных; много было и голубых ирисов, нежные лепестки которых серебрила водяная пыль. Среди мокрого мха, в котором были скрыты горшки с лилиями, среди густой зелени видны были бронзовые статуэтки, изображавшие детей и птиц. А в одном углу бронзовая лань склонила свою зеленую от сырости голову к воде, словно хотела пить. Пол атриума был украшен мозаикой; стены отчасти облицованы розовым мрамором, отчасти расписаны изображениями деревьев, рыб, птиц и грифов. Яркие краски радовали глаз. Двери в соседние комнаты были отделаны черепахой и даже слоновой костью, по стенам, между дверями, стояли статуи предков Авла. Повсюду виден был спокойный достаток, далекий от излишеств, но благородный и уверенный в себе.

Петроний, который жил пышнее и роскошнее, не нашел, однако, ни одной вещи, которая показалась бы ему безвкусицей, и он сказал об этом Виницию как раз в ту минуту, когда раб-веларий открыл завесу, отделявшую атриум от таблинума³², и в глубине дома показался быстро идущий к гостям Авл Плавтий.

Это был человек преклонного уже возраста, с поседевшей головой, но еще крепкий, с энергичным лицом, немного, правда, маленьким, похожим на голову орла. И на этом лице было написано легкое изумление и даже беспокойство по поводу неожиданного посещения Неронова друга, товарища и советника.

Но Петроний был слишком светским и умным человеком, чтобы не заметить этого, и потому с первых же слов, после приветствия, непринужденно и со свойственной ему любезностью сказал, что приходит сюда поблагодарить за попечение и заботы, которые были оказаны в этом доме сыну его сестры, и что исключительно желание засвидетельствовать свою благодарность является причиной его посещения, которому, впрочем, благоприятствует и старинное знакомство с Авлом.

²⁹ Здравствуй! (*лат.*)

³⁰ Остиум – здесь передняя, прихожая.

³¹ «Одномужница» (*лат.*).

³² Таблинум – галерея, крытая терраса.

Авл стал со своей стороны уверять, что радуется его приходу, а что до благодарности, то он, Авл, сам испытывает это чувство, хотя, вероятно, Петроний и не подозревает причины.

Петроний действительно не догадывался. Напрасно, подняв темные глаза, он старался вспомнить услугу, которую мог оказать Авлу или кому другому. Не вспомнил ни одной, кроме разве той, о которой хотел рассказать Виницию. Это, конечно, могло случиться, но лишь невольно.

– Я люблю и очень уважаю Веспасиана, которому ты спас жизнь, – сказал Авл, – когда тот имел несчастье однажды уснуть при чтении стихов цезарем.

– Наоборот, он был счастлив, потому что не слышал их, – ответил Петроний. – Но я не стану отрицать, что дело могло кончиться плохо. Меднобородый непременно хотел послать к нему центуриона с дружеским советом вскрыть себе вены.

– А ты, Петроний, осмелял его.

– Да, вернее, не его: я сказал цезарю, что если Орфей умел песней усыплять диких зверей, то его триумф равен, потому что он сумел усыпить Веспасиана. Меднобородому можно говорить дерзости при условии, чтобы в небольшой дерзости была большая лесть. Наша все-милостивейшая Августа Поппея понимает это прекрасно.

– Увы! Такие теперь времена, – сказал Авл. – У меня недостает спереди двух зубов, которые выбил мне камень, брошенный рукой британца, – потому-то я говорю со свистом, и однако счастливейшие минуты моей жизни я провел в Британии...

– Потому что это были минуты победы, – прибавил Виниций.

Но Петроний, испугавшись, что старый солдат станет рассказывать о своих давних походах, переменял тему разговора. Он стал говорить о том, что где-то в окрестностях жители нашли мертвого волчонка с двумя головами; что во время недавней бури молния ударила в крышу храма Луны, а это, принимая в расчет позднюю осень, вещь совершенно невероятная. Передававший ему это некий Котта прибавлял, что жрецы названного храма предсказывают по этому поводу гибель города или по крайней мере какого-нибудь большого дома, которой можно избежать лишь очень обильными жертвоприношениями.

Авл, выслушав рассказ, высказал мнение, что такими предзнаменованиями не следует пренебрегать. Боги могут быть разгневаны чрезмерными преступлениями – в этом нет ничего удивительного. Поэтому умиловительные жертвы в данном случае вполне уместны.

На это Петроний возразил:

– Твой дом, Плавтий, не так уж велик, хотя и живет в нем великий человек; мой дом, правда, слишком просторен для такого бездельника, как я, но все же не так уж велик и он. И если дело касается гибели большого дома, такого, например, как дворец, то стоит ли нам приносить жертвы, чтобы отвлечь его гибель?

Плавтий ничего не ответил на этот вопрос, и такая осторожность задела Петрония, потому что при всем своем безразличии к доброму и злему он никогда не был доносчиком и разговаривать с ним можно было вполне откровенно. Он снова переменял тему и стал расхваливать жилище Плавтия и хороший вкус хозяина.

– Это – старое гнездо, – сказал Авл, – в котором я ничего не изменил после того, как получил его в наследство.

Когда была отдернута завеса, отделявшая атриум от таблинума, дом стал виден во всю длину; через перистиль³³ и лежащий за ним зал взор достигал сада, который издали казался светлой картиной, заключенной в темную раму. Веселые молодые голоса долетали оттуда до атриума.

– Позволь нам, Авл, – сказал Петроний, – послушать вблизи этот искренний смех, теперь его так редко приходится слышать.

³³ Перистиль – внутренний двор или сад, окруженный с четырех сторон колоннадой.

– Охотно, – ответил, вставая, Плавтий. – Это мой маленький Авл и Лигия играют в мяч. А что касается смеха, то ведь вся твоя жизнь, Петроний, проходит в нем.

– Жизнь смешна, потому я и смеюсь. Но здесь смех звучит иначе.

– Петроний не смеется в течение целого дня, – прибавил Виниций, – он посвящает этому ночи.

Так, разговаривая, они прошли вдоль всего дома и очутились в саду, где Лигия и Авл играли в мяч, причем рабыни, называемые сферистками, поднимали мячи и подавали играющим. Петроний бросил быстрый и беглый взгляд на Лигию. Авл, увидев Виниция, подбежал к нему, а тот склонился перед прекрасной девушкой, которая стояла с мячом в руке, раздумывая, немного запыхавшаяся, с слегка растрепавшимися волосами.

В триклиниуме, затененном виноградом, плющом и другими выющимися растениями, сидела Помпония Грецина, и гости пошли приветствовать ее. Петроний, хотя и не бывал у Плавтиев, встречался с ней у Антистии, дочери Рубелия Плавта, кроме того, в доме Сенеки и у Полиона. И он не мог не удивляться, глядя на это печальное и в то же время ласковое лицо, на благородство ее фигуры, жестов, слов. Помпония до такой степени путала все его представления о женщинах, что этот испорченный до мозга костей и уверенный в себе, как никто в Риме, человек не только чувствовал к ней нечто похожее на уважение, но даже и терял свою обычную самоуверенность. И теперь, благодаря ее заботы о Виниции, он невольно употребил слово «domina» – госпожа, которого никогда не сказал бы в разговоре, например, с Кальвией, Криспиниллой, Скрибонией, Валерией, Солиной и другими женщинами из большого света. После приветствия и благодарности он стал упрекать Помпонию, что она теперь нигде не показывается, что ее нельзя встретить ни в цирке, ни в амфитеатре, на что она спокойно ответила, положив свою руку на руку мужа:

– Мы стареем, и оба все больше и больше любим свой тихий дом.

Петроний хотел спорить, но Авл Плавтий прибавил своим свистящим голосом:

– Мы чувствуем себя чужими среди людей, которые даже наших римских богов называют греческими именами.

– Боги давно уже стали чем-то вроде риторических фигур, – небрежно бросил Петроний, – а так как риторике нас обучают греки, то мне самому легче, например, сказать Гера, чем Юнона.

Сказав это, он посмотрел на Помпонию, словно давая понять, что в ее присутствии иное божество не могло прийти ему в голову. Потом он стал спорить против ее слов о старости: «Правда, люди скоро стареют, но лишь те, которые ведут совсем иной образ жизни; кроме того, есть лица, о которых забыл, кажется, Сатурн». Петроний говорил это искренне, потому что Помпония Грецина, хотя и не была молодой, сохранила, однако, необыкновенную свежесть лица и, несмотря на серьезность, печаль и темную одежду, казалась молодой еще женщиной.

Маленький Авл, который очень подружился с Виницием во время пребывания последнего в доме, подбежал, чтобы пригласить его принять участие в игре. За мальчиком следом вошла и Лигия. Под кружевном плюща, с солнечными кружками на лице, она показалась теперь Петронию красивее, чем на первый взгляд, – и действительно, она была похожа на какую-то нимфу. А так как он не успел приветствовать ее раньше, то теперь, поднявшись, он вместо обычных слов стал цитировать обращение Одиссея к Навсикае:

*Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю,
Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотой и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,
То несказанно блаженны отец твои и мать, и блаженны*

*Братья твои...*³⁴

Даже Помпонии понравилась изысканная любезность этого светского человека. Лигия выслушала приветствие смущенная и раздумывавшаяся, не смея поднять глаз. Но постепенно смелость вернулась к ней, в уголках рта задрожала улыбка, на лице девичье смущение боролось с желанием ответить – и, по-видимому, это желание пересилило, потому что, быстро взглянув на Петрония, она ответила ему словами Навсикаи, произнеся стих отчасти как затверженный урок:

Странник, конечно твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.

После чего, повернувшись, она убежала как вспугнутая птица.

Теперь для Петрония наступила очередь удивиться – он не надеялся услышать гомеровский стих из уст девушки, относительно варварского происхождения которой был предупрежден Виницием. Он вопросительно посмотрел на Помпонию, но та не могла ответить ему, потому что в эту минуту она с улыбкой глядела на радостную гордость, отразившуюся на лице старого Авла.

Он не мог скрыть своей гордости. Во-первых, он привязался к Лигии, как к собственному ребенку, во-вторых, несмотря на свое староримское предубеждение, которое велело ему метать громы против распространенной моды на все греческое, он все же считал знание греческого языка главным признаком образованности и хорошего воспитания. Сам он никогда не мог хорошо изучить его, от чего тайно страдал, поэтому теперь был рад, что такому изысканному римлянину, к тому же еще и писателю, который готов был считать дом Авла варварским, ответили здесь подлинным стихом Гомера.

– Есть у меня в доме наставник-грек, – сказал Авл, обращаясь к Петронию, – который занят обучением мальчика, а девушка любит присутствовать на уроках. Еще совсем ребенок, но милый ребенок, к ней мы оба очень привязались.

Петроний смотрел сквозь сетку плюща и каприфоля в сад на играющих. Виниций сбросил тогу и, оставшись в одной тунике, бросал вверх мяч, который, протянув руки, старалась поймать Лигия. Девушка на первый взгляд не произвела на Петрония сильного впечатления; она показалась ему слишком худощавой. Но когда в триклинииуме он ближе рассмотрел ее, то ему пришло в голову, что такой можно было бы изобразить утреннюю зарю, – и в качестве знатока он понял, что в ней есть что-то необычное. Все заметил и все оценил: и румяное нежное лицо, и губы, словно готовые к поцелую, и голубые, как лазурь морей, глаза, и алебастровую белизну лба, и волны темных волос, отсвечивающих янтарем или коринфской медью, и стройную шею, и божественный изгиб плеч, и всю ее фигуру, гибкую и стройную, молодую молодостью мая и только что распустившихся цветов. В нем проснулся художник и ценитель прекрасного, и он подумал, что под скульптурным изображением этой девушки можно было бы написать: «Весна». И вдруг ему вспомнилась Хризотемида – и он мысленно расхохотался. Она показалась ему, несмотря на золотую пудру в волосах и подведенные брови, необыкновенно жалкой, увядшей, похожей на пожелтевшую, роняющую лепестки розу. И однако весь Рим завидовал ему. Потом вспомнилась Поппея, – но и прославленная Поппея была похожа лишь на восковую маску. А в этой девушке с танагрскими формами была не только весна – была и лучистая Психея, просвечивающая сквозь тело, как пламя просвечивает сквозь занавес.

«Виниций прав, – подумал он, – а моя Хризотемида стара, стара... как Троя».

И он обратился к Помпонии Грецине. Показав ей на сад, он сказал:

– Теперь я понимаю, *domina*³⁵, что, имея таких двоих детей, вы избегаете пиров на Палатине и цирка.

³⁴ Гомер. Одиссея, VI, 149–155 (пер. В. Жуковского)

³⁵ Госпожа (лат.).

– Да, – ответила она и повернулась в сторону Авла и Лигии.

А старик стал рассказывать историю девушки и то, что слышал от Ателия Гистра о живущем на далеком севере народе лигийцев.

Молодежь кончила игру, и некоторое время все трое гуляли по саду, выделяясь на черном фоне мирт и кипарисов белыми пятнами своих одежд. Лигия держала маленького Авла за руку. Потом они сели на скамье подле большого аквариума, занимавшего середину сада. Но скоро Авл подбежал к воде, чтобы пугать рыбок в прозрачной воде, а Виниций продолжал разговор, начатый во время прогулки.

– Да, – говорил он тихим взволнованным голосом, – не успел я сбросить претексту³⁶, как меня уж послали в азиатские легионы. Рима я не знал, не знал ни жизни, ни любви. Помню наизусть немного из Анакреона и Горация, но не смогу, как Петроний, говорить стихами тогда, когда ум немеет от удивления и не находит слов выразить его. Мальчиком ходил я в школу Музония, который говорил нам, что счастье заключается в том, чтобы желать, чего желают боги, и, следовательно, зависит от нашей воли. Однако я думаю, что есть иное, большее счастье, которое не зависит от воли, потому что дать его может только любовь. Сами боги ищут этого счастья, поэтому и я, о Лигия, я, который до сих пор не знал любви, следуя богам, ищу той, которая бы могла дать мне счастье...

Он замолчал, и некоторое время слышен был лишь легкий плеск воды, в которую маленький Авл бросал камешки, пугая рыб. Потом Виниций заговорил снова, еще тише и взволнованнее:

– Ты, вероятно, знаешь Тита, сына Веспасиана? Говорят, что еще юношей он так полюбил Беренику, что тоска по возлюбленной едва не лишила его жизни... Так и я мог бы полюбить, Лигия!.. Богатство, слава, власть – пустой дым, суета! Богач встретит более богатого, чем он, славного затмит чужая большая слава, властного осилит более могучий... Но разве сам цезарь, разве какой-нибудь бог сможет быть более счастливым, сможет испытать большее упоение, чем простой смертный в то мгновение, когда у его груди дышит другая грудь или когда он целует любимые уста... Любовь равняет нас с богами, Лигия!..

Она слушала Виниция с беспокойством, удивлением и вместе с тем так, словно это были звуки греческой флейты или кифары. Иногда ей казалось, что Виниций поет какую-то дивную песнь, которая проникает ей в уши, проникает в кровь, заставляет сердце замереть от страха и непонятной радости... Ей также казалось, что он говорит о чем-то таком, что было уже в ней раньше, но в чем она не умела отдать себе отчета. Чувствовала, что он разбудил в ней то, что дремало до сих пор, и теперь туманный сон принимает все более ясные, милые, прекрасные формы.

Солнце давно уже перешло за Тибр и теперь низко опустилось над Яникульским холмом. На неподвижные кипарисы падал красный свет, и весь воздух был насыщен им. Лигия подняла голубые, словно пробудившиеся от сна глаза, посмотрела на Виниция – и вдруг он в отблесках вечерней зари, склонившийся к ней с мольбой во взоре, показался ей прекраснейшим из людей, лучше всех тех римских и греческих богов, статуи которых она видела на фронтонах храмов. А он, слегка коснувшись пальцами ее руки немного выше кисти, спросил:

– Неужели ты не догадываешься, Лигия, почему я говорю тебе все это?

– Нет! – ответила она так тихо, что Виниций с трудом услышал ее.

Но не поверил ей и, привлекая к себе ее руку, готов был прижать ее к своему сердцу, которое громко стучало под влиянием страсти, разбуженной в нем этой чудесной девушкой. Он готов был высказать ей свое пламенное признание, если бы в эту минуту на дорожке, обрамленной миртами, не показался старый Авл Плавтий, который, подойдя к ним, сказал:

³⁶ Претекста – тога с пурпурной полосой.

– Солнце заходит, поэтому берегитесь вечерней прохлады и не шутите с Либитиной³⁷...

– Нет, – ответил Виниций, – я до сих пор не надел тоги, но холода не ощущаю.

– Вот уже только половина солнечного диска видна за холмами, – говорил старый воин. – О, если бы здесь был нежный климат Сицилии, где по вечерам народ собирается на площадях, чтобы хоровым пением проститься с заходящим Фебом.

И, забыв, что перед этим остерегал их от Либитины, стал рассказывать о Сицилии, где у него была земля и большое хозяйство, в которое он был влюблен. Он сказал, что не раз ему приходило в голову переехать в Сицилию и там спокойно кончить свою жизнь. Довольно зимней стужи человеку, которому зимы убелили голову. Пока еще листья не опадают с деревьев и над городом улыбается ласковое голубое небо, но, когда листва пожелтеет и выпадет снег на Альбанских горах, а пронизывающий ветер навестит Кампанию, тогда, кто знает, может быть, он со всем домом переселится в свою тихую сельскую усадьбу.

– Ты хотел бы покинуть Рим, Плавтий? – спросил с внезапным волнением Виниций.

– Да, я давно уже собираюсь, – ответил старик. – Тихо там и безопасно.

Он снова стал расхваливать свои сады, стада, дом, окруженный зеленью, пригорки, поросшие тмином и клевером, над которыми жужжат роями пчелы. Но Виниций не слушал этой буколической поэмы – и, думая о том, что может потерять Лигию, смотрел в ту сторону, где был Петроний, словно он один мог спасти его.

Петроний, сидя около Помпонии, любовался видом заходящего солнца, красивого сада, стоящих у аквариума людей. Их белые одежды на темном фоне мирт отсвечивали золотом при закатном блеске. На небе заря из пурпурной переходила в фиолетовую и играла, как опал. Край неба был лиловый. Черные контуры кипарисов стали отчетливее, чем при солнце, а в людях, деревьях и всем саду воцарилось вечернее тихое успокоение.

Петрония поразило это успокоение – и особенно в людях. В лицах Помпонии, старого Авла, их мальчика и Лигии было нечто, чего он не видел в лицах, которые окружали его ежедневно, вернее – еженочно: был какой-то свет, покой, мир, исходившие из той жизни, какой жили здесь все. И с некоторым удивлением он подумал, что может, однако, существовать красота и радость, которых он, искушенный в столь многом, не знает. Он не сумел скрыть этой мысли и, обратившись к Помпонии, сказал:

– Я раздумываю о том, как отличается ваш мир от того мира, которым владеет Нерон.

Она подняла свое маленькое лицо и, глядя на вечернюю зарю, просто ответила:

– Миром владеет не Нерон, а Бог.

Наступило молчание. Слышались шаги приближавшихся к триклиниуму Авла, Виниция, Лигии и мальчика, но, прежде чем они вошли, Петроний спросил:

– Значит, ты веруешь в богов, Помпония?

– Верую в Бога, единого, справедливого и всемогущего, – ответила жена Авла Плавтия.

³⁷ Либитина – римская богиня мертвых, смерти и погребения.

III

– Верую в Бога, единого, справедливого и всемогущего, – повторил Петроний, когда снова очутился с Виницием в лектике. – Если ее Бог всемогущ, то он правит жизнью и смертью; если он справедлив, то не посылает смерти напрасно. Почему же в таком случае Помпония носит траур по Юлии? Тоскуя по Юлии, она осуждает своего Бога. Это мое рассуждение я должен повторить перед меднобородой обезьяной, ибо думаю, что в диалектике я равен Сократу. Что касается женщин, то я готов согласиться, что у каждой из них по три или четыре души, но нет ни одной души разумной. Пусть Помпония потолкует с Сенекой и Корнутом о том, что такое их Логос... Пусть они вместе вызовут тени Ксенофана, Парменида, Зенона и Платона, которые томятся где-то на Кимерийских полях, как чижи в клетке. Мне хотелось поговорить с ней и с Плавтием о другом. Клянусь священным чревом египетской Изиды, если бы я им просто сказал, зачем, собственно, мы пришли, то, по всей вероятности, их добродетель загудела бы, как медный щит, по которому ударили палкой. И я не решился! Поверишь ли, Виниций, я не посмел! Павлины – прекрасные птицы, но слишком пронзительно кричат. И я убоился крика. Но должен похвалить твой выбор. Воистину «розоперстая Аврора»... И знаешь, кем еще она мне показалась? Весной! Не нашей итальянской, где лишь яблоня немного зацветет да сереют оливки, а той, которую я когда-то видел в Гельвеции, – молодой, свежей, ярко-зеленой! Клянусь этой бледной Селеной, я нисколько не удивляюсь тебе, Марк, но знай, что ты влюблен в Диану и Авл с Помпонией готовы тебя растерзать, как некогда собаки растерзали Актеона.

Виниций не поднимал головы и молчал некоторое время. Потом заговорил голосом, прерывающимся от страсти:

– Я желал ее и раньше, а теперь желаю еще сильнее. Когда я коснулся ее руки, меня обжег пламень... Я должен обладать ею. Если бы я был Зевсом, я окутал бы ее тучей, как Ио, я упал бы на нее золотым дождем, как на Данаю. Я хотел бы до боли целовать ее уста! Я хотел бы слышать ее крик в моих объятиях. Я убил бы Авла и Помпонию, а ее схватил бы и унес на руках к себе в дом. Сегодня я не усну. Я велю истязать одного из рабов и буду слушать его стоны...

– Успокойся, – сказал Петроний, – у тебя страсть плотника из Сабурры.

– Мне все равно. Я должен обладать ею. Я обратился к тебе за советом, но если ты не дашь мне его, то я сам решу... Авл считает Лигию дочерью, почему же мне смотреть на нее, как на рабу? Если нет иного пути, то пусть она запрядет шерстью двери моего дома, помажет их волчьим салом и пусть сядет, как жена, при моем очаге, как того требует брачный обряд.

– Успокойся, безумный потомок консулов. Не за тем мы привязываем веревками к нашим колесницам варваров, чтобы потом брать себе в жены их дочерей. Берегись крайностей. Попытайся простыми и честными средствами добиться своего и дай мне и себе время подумать. Хризотемида также казалась мне дочерью Зевса, однако я не женился на ней, равно как Нерон не женился на Актее, хотя она и считалась дочерью царя Аттала... Успокойся... Ведь если она захочет ради тебя покинуть Плавтиев, они не вправе удерживать ее. Кроме того, знай, что горишь не ты один, – и в ней Эрот раздул пламя... Я заметил это, а мне можно верить... Все можно устроить, но сегодня я и так много думал, а это меня утомляет. Обещаю, что завтра еще подумаю о твоей любви, и только разве Петроний перестал быть Петронием, если я не придумал действительного средства...

Снова оба замолчали. Потом Виниций заговорил спокойнее:

– Спасибо, и пусть Фортуна будет щедрой к тебе.

– Будь терпелив.

– Куда ты велел нести себя?

– К Хризотемиде...

– Счастливцев, ты обладаешь той, которую любишь!

– Я? Знаешь, что меня забавляет в Хризотемиде? Она изменяет мне с моим собственным вольноотпущенником, лютнистом Теоклом, и думает, что я не вижу этого. Когда-то я любил ее, теперь меня лишь забавляет ее ложь и глупость. Пойдем со мной к ней. Если она начнет кружить тебе голову и писать буквы на столе пальцем, омоченным в вине, то знай, что я не ревнив.

И они отправились оба к Хризотемиде.

Но у дверей Петроний положил руку на плечо Виницию и сказал:

– Стой, мне кажется, я придумал средство.

– Пусть боги наградят тебя...

– Да! Полагаю, что это удастся. Знаешь, Марк...

– Я внимаю тебе, моя Афина...

– Через несколько дней божественная Лигия проглотит в твоём доме зерно Деметры.

– Ты более велик, чем цезарь! – воскликнул взволнованный Виниций.

IV

Петроний исполнил обещание.

На другой день после посещения Хризотемиды он, правда, проспал весь день и лишь с наступлением вечера велел отнести себя на Палатин, где имел с Нероном дружескую беседу. Следствием этой беседы было то, что два дня спустя к дому Плавтия пришел центурион во главе небольшого преторианского отряда.

Времена были опасные и страшные. Такого рода гости чаще всего являлись вестниками смерти. Поэтому, когда центурион постучал молотком в дверь дома и слуги известили Авла, что в прихожей преторианцы, ужас охватил весь дом. Семья окружила старика, никто не сомневался, что опасность грозит прежде всего ему. Помпония, охватив руками его шею, прижалась к нему, и посиневшие губы ее шептали какие-то тихие, нежные слова; Лигия, побледневшая как полотно, целовала его руки; маленький Авл держался за его тогу. Из коридоров, из верхних комнат, из бани, кухни, из подвальных помещений – со всего дома сбежались толпы рабов и рабынь. Слышались крики: «Увы! Горе нам!» Женщины громко плакали; некоторые уже царапали себе щеки и покрывали головы платками.

И только старик, давно привыкший смотреть смерти прямо в глаза, оставался спокойным. И лишь его маленькое орлиное лицо стало словно каменным. Через минуту, запретив рабьям шуметь и приказав всем разойтись, он проговорил:

– Пусти меня, Помпония! Если пришел мой час, то будет еще время попрощаться.

И он слегка отодвинул ее. Она сказала:

– О, если бы твоя судьба была бы и моей судьбой, Авл!

Потом, упав на колени, она стала молиться с такой силой, какую может дать лишь страх за любимого человека.

Авл пошел в атриум, где его ждал центурион. Это был старый Кай Гаста, служивший под его началом, товарищ по британской войне.

– Здравствуй, вождь, – сказал тот. – Приношу тебе повеление и привет цезаря. Вот таблички и знак, что я пришел от его имени.

– Я благодарен цезарю за привет, а повеление его выполняю, – ответил Авл. – Здравствуй и ты, Гаста. Скажи, с каким поручением ты приходишь ко мне.

– Авл Плавтий! Цезарю стало известно, что в доме твоём пребывает дочь лигийского царя, которую отец ее еще во времена божественного Клавдия отдал в качестве заложницы, чтобы заверить римлян, что границы империи не будут нарушены народом лигийским. Божественный Нерон благодарен тебе, вождь, за то, что ты оказывал ей в течение стольких лет гостеприимство в своем доме, но, полагая, что девушка в качестве заложницы должна находиться на попечении самого цезаря и сената, он повелевает тебе выдать ее сейчас мне.

Авл был слишком хорошим солдатом и закаленным человеком, чтобы позволить себе показать огорчение и говорить напрасные слова и жалобы. Однако складка от боли и внезапного гнева появилась на его челе. Перед такой складкой над бровью дрожали некогда британские легионы, и даже теперь на лице старого Гасты отразился страх. Но в настоящую минуту Авл Плавтий считал себя бессильным что-либо сделать. Он некоторое время смотрел на таблички, потом, подняв глаза на старого центуриона, сказал спокойным голосом:

– Подожди, Гаста, здесь, в атриуме, заложница будет выдана тебе.

Сказав это, он пошел в другой конец дома, где Помпония Грецина, Лигия и маленький Авл ждали его в страхе и тревоге.

– Никому не угрожает ни смерть, ни изгнание, – сказал он, – однако центурион явился вестником несчастья. Дело касается Лигии.

– Лигии? – воскликнула изумленная Помпония.

– Да! – ответил Авл.

И, обратившись к девушке, он стал говорить:

– Лигия, ты была воспитана в нашем доме как родное дитя, и оба мы, я и Помпония, любим тебя, как дочь. Но ты знаешь ведь о том, что ты не наша дочь. Ты заложница, данная римлянам твоим народом, и попечение о тебе принадлежит цезарю. И вот цезарь берет тебя из нашего дома.

Старик говорил спокойно, но каким-то странным, необыкновенным голосом. Лигия слушала его, моргала, словно не понимала, в чем дело; Помпония побледнела; в дверях снова показались испуганные лица рабынь.

– Воля цезаря должна быть выполнена, – сказал Авл.

– Авл! – воскликнула Помпония, обнимая девушку, словно желая защитить ее. – Для нее лучше было бы умереть.

Лигия, прижимаясь к ее груди, повторяла: «Мать моя! Мать!», не будучи в силах произвести среди рыданий иных слов.

На лице Авла снова появилось выражение боли и гнева.

– Если бы я был один на свете, – сказал он с печалью, – живой я не отдал бы Лигию и наши родственники могли бы сегодня же принести за нас жертвы богам... Но я не имею права губить тебя и нашего мальчика, который может дожить до более счастливых времен... Сегодня же я пойду к цезарю и буду умолять его, чтобы он отменил свое повеление. Выслушает ли он меня – не знаю. Пока прощай, Лигия, и знай, что и я и Помпония всегда благословляли тот день, когда ты впервые села у нашего очага.

Сказав это, Авл положил руку ей на голову; хотя он и старался сохранить спокойствие, однако в ту минуту, когда Лигия подняла на него глаза, полные слез, а потом схватила его руку и стала покрывать ее поцелуями, в голосе его слышалось глубокое отцовское горе.

– Прощай, радость наша и свет очей наших, – сказал он.

И быстро вышел обратно в атриум, чтобы не дать овладеть собой недостойному римлянина и старого солдата волнению.

Помпония увела Лигию в спальню и стала успокаивать ее, утешать, ободрять и говорила при этом слова, которые странно звучали в этом доме, где стоял еще ларарий³⁸ и очаг, на котором Авл Плавтий, верный старым обычаям, приносил жертвы домашним богам. Час испытания пришел. Некогда Виргиний пронзил грудь собственной дочери, чтобы спасти ее от Аппия; еще раньше Лукреция добровольно лишила себя жизни, чтобы избежать бесчестия. Дом цезаря – притон разврата, зла, преступления. «Но мы, Лигия, знаем, почему не имеем права поднять на себя руку!..» Да! То право, которым живут они обе, – иное, более святое; оно позволяет, однако, защищать себя от зла и позора, хотя бы за эту защиту пришлось заплатить жизнью и мучением. Кто выходит чистым из вертепа зла, тот большую имеет заслугу. Земля и есть такой вертеп, но, к счастью, жизнь – одно лишь короткое мгновение, а воскреснуть можно только из гроба, за которым властвует не Нерон, а Милосердие, где вместо боли – радость, вместо слез – веселье.

Потом она стала говорить о себе. Да! Она спокойна, но и в ее груди есть раны. На глазах ее Авла все еще лежит бельмо, не узрел он еще света истины. Она не может также воспитать своего сына в истине. Когда она подумает о том, что так может быть до конца ее жизни и что может прийти час разлуки с ними, гораздо более страшной разлуки, чем эта временная, над которой они обе так горько теперь плачут, – она не может даже представить себе и понять, как будет, даже в небе, счастлива без них. Много ночей она проплакала, провела в молитве, умоляя о милости и благодати. Свою боль она приносит в жертву Богу и ждет и надеется. И когда теперь ее постигает новый удар, когда повеление насильника отнимает у нее дорогого

³⁸ Ларарий – домашнее святилище, где помещались изображения ларов.

человека, кого Авл назвал светом очей своих, она верит еще больше, зная, что есть власть большая, чем власть Нерона, и милосердие более сильное, чем его злоба.

Она крепче прижала к своей груди голову девушки; Лигия склонилась к ее коленям, спрятала лицо в складках ее пеплума³⁹, оставаясь так некоторое время в глубоком молчании, и когда поднялась наконец, то на лице ее появилось более спокойное выражение.

– Мне жаль тебя, мать, и отца, и брата, но я знаю, что сопротивление ни к чему не приведет и погубит вас всех. Но я обещаю, что никогда не забуду в доме цезаря сказанного тобою.

Она еще раз обняла Помпонию, а потом, когда они вышли из спальни, Лигия стала прощаться с маленьким Плавтием, со стариком-греком, их учителем, со своей нянькой, когда-то ходившей за ней, и со всеми рабами.

Один из них, высокий плечистый лигиец, которого в доме звали Урсом и который в свое время в числе других слуг прибыл в лагерь римлян с матерью Лигии, склонился теперь к ногам девушки и, обратившись к Помпонии, сказал:

– Domina, позволь мне идти с моей госпожой, чтобы служить ей и защищать ее в доме цезаря.

– Ты не наш, ты слуга Лигии, – ответила Помпония Грецина, – но пустят ли тебя в дом цезаря? И как ты сможешь защищать ее?

– Не знаю, domina, но ведь железо ломается в моих руках, как дерево...

Авл Плавтий, вошедший в эту минуту, узнав, в чем дело, не только не воспротивился желанию Урса, но даже подтвердил, что они не имеют права удерживать его. Они выдают Лигию как заложницу, которую требует цезарь, они обязаны выдать вместе с ней и ее слуг, которые вместе с ней переходят на попечение цезаря. И он шепнул Помпонии, что она может отпустить с Лигией столько рабынь, сколько сочтет необходимым, потому что центурион не вправе отказаться принять их.

Для Лигии это было некоторым утешением, а Помпония порадовалась, что может дать ей служанок по своему выбору. Кроме Урса она приставила к ней старую няньку, двух девушек с Кипра, искусных в расчесывании волос, и двух банных девушек-германок. Ее выбор пал исключительно на обращенных в новую веру, и Урс исповедовал ее уже несколько лет, поэтому Помпония могла рассчитывать на верность этих слуг, а кроме того, порадоваться, что зерна новой правды будут посеяны и в доме цезаря.

Она написала несколько слов вольноотпущеннице Нерона Актее, поручая ей Лигию. Правда, Помпония не встречала ее на собраниях приверженцев новой веры, но она слышала от многих, что Актея никогда не отказывает им в помощи и жадно читает письма Павла из Тарса. Ей было известно также, что молодая вольноотпущенница живет в вечной печали, что она отличается от прочих женщин в доме Нерона и что вообще она является добрым гением дворца.

Гаста взялся лично вручить письмо Актее. Считая вещь совершенно естественной, что царская дочь должна иметь собственных слуг, он не препятствовал им отправиться вместе с ней, скорее удивился их малому числу. Но он просил поторопиться, опасаясь, что его обвинят в медлительности исполнения приказа. Час разлуки наступил. Глаза Помпонии и Лигии снова наполнились слезами; Авл еще раз возложил руки на голову девушки, и через минуту солдаты, провожаемые плачем маленького Авла, который, защищая сестру, грозил им своими кулачками, увели Лигию в дом цезаря.

Старый вождь велел приготовить для него лектику и, оставшись наедине с Помпонией в пинакотеке – картинной галерее, сказал ей:

– Послушай, Помпония. Я иду к цезарю, хотя знаю, что напрасно, и кроме того, пусть слово Сенеки уже ничего не значит для Нерона, я побываю и у Сенеки. Сегодня более влия-

³⁹ Пеплум – женская верхняя одежда из легкой ткани без рукавов.

тельны Софоний, Тигеллин, Петроний или Ватиний... Что касается цезаря, то, вероятно, он никогда и не слышал о народе лигийцев, и если теперь потребовал выдачи Лигии как заложницы, то потому, что его кто-то подучил сделать это, и нетрудно догадаться, кто именно.

Она подняла на него глаза и быстро произнесла:

– Петроний?..

– Да.

Они помолчали, потом Авл продолжал:

– Вот что значит пустить в свой дом кого-нибудь из людей без чести и совести. Пусть проклят будет тот час, когда Виниций переступил порог нашего дома! Он привел к нам Петрония. Горе Лигии! Им не заложница нужна, они хотят сделать ее наложницей.

Его речь от гнева, от бессильного бешенства на похитителей девушки стала еще более свистящей, чем всегда. Некоторое время он боролся с собой, и лишь сжатые кулаки показывали, как трудна для него эта внутренняя борьба.

– Я почитал до сих пор богов, – сказал он, – но теперь думаю, что нет их в мире и что есть только один, злой, бешеный, отвратительный, имя которому – Нерон.

– Авл! – воскликнула Помпония. – Ведь Нерон лишь горсть праха в сравнении с Богом.

Старик ходил большими шагами по мозаичному полу галереи. В жизни его были великие дела, но не было великих несчастий, поэтому он не привык к ним. Старый воин привязался к Лигии больше, чем думал, и теперь не мог примириться с мыслью, что потерял ее. Кроме того, он чувствовал себя раздавленным. Над ним простерлась десница, которую он презирал и в то же время чувствовал, что его сила в сравнении с мощью этой десницы – ничто.

Когда он подавил наконец в себе гнев, который мешал ему думать, он сказал:

– Полагаю, что Петроний отнял у нас Лигию не для цезаря, он не решился бы навлечь на себя гнев Поппеи. Значит, или для себя, или для Виниция... Я сегодня же узнаю об этом.

Через несколько минут его несли на локти в сторону Палатина. Оставшись одна, Помпония пошла к маленькому Авлу, который не переставал плакать о сестре и грозил цезарю.

V

Авл был прав, говоря, что его не допустят к цезарю. Ему было заявлено, что Нерон занят пением с лютнистом Терпосом и что он вообще не принимает тех, кого не позвал сам. Другими словами это означало, что Авл не должен и в будущем делать попыток увидеться с цезарем.

Зато Сенека, хотя и был болен лихорадкой, принял старого вождя с надлежащим почетом. Но когда внимательно выслушал, в чем дело, горько улыбнулся и сказал:

– Могу оказать тебе лишь одну услугу, благородный Плавтий, а именно: я никогда не покажу цезарю, что сердце мое сочувствует твоей боли и что я хотел бы помочь тебе, потому что, если бы у цезаря возникло на этот счет малейшее подозрение, знай, что он не отдал бы тебе Лигии, хотя бы у него не было для этого никаких иных поводов, кроме одного – сделать мне назло.

Он не советовал обращаться ни к Тигеллину, ни к Ватинию, ни к Вителию. При помощи денег, может быть, с ними и удалось бы что-нибудь сделать, пожалуй, они готовы были бы поступить назло Петронию, под которого стараются подкопаться, но вероятнее всего они обнаружили бы перед цезарем, что Лигия бесконечно дорога Плавтию, – и тогда цезарь тем более не отдал бы ее. Старый мудрец стал говорить с горькой иронией, обращенной на самого себя:

– Ты молчал, Плавтий, молчал целые годы, а цезарь не любит тех, кто молчит! Как мог ты не восторгаться его красотой, добродетелью, голосом, декламацией, ездой, управлением колесницей и стихами? Как мог ты не прославлять смерти Британика, не произнести хвалебной речи в честь матереубийцы и не поздравить его по случаю удушения Октавии? У тебя не хватает такта, Авл, – такта, которым в достаточной степени обладаем мы, счастливо живущие при дворе.

Говоря это, он взял кубок, который носил у пояса, зачерпнул воды из водоема, смочил воспаленные уста и продолжал:

– О, у Нерона благодарное сердце! Он любит тебя, потому что ты служил Риму и прославил его имя в далеких краях; любит он и меня, ибо я был его наставником в юности. Поэтому я знаю, что эта вода не отравлена, и я пью ее спокойно. Относительно вина в моем доме я менее уверен, но если тебя мучит жажда, то смело испей этой воды. Водопровод доставляет ее с Альбанских гор, и, желая отравить ее, пришлось бы отравить все водоемы Рима. Поэтому, как видишь, можно чувствовать себя в безопасности в этом мире и надеяться на покойную старость. Правда, я болен, но это скорее болезнь души, чем тела.

Это была правда. Сенеке недоставало той душевной силы, какой обладает, например, Корнут или Трасей, поэтому жизнь его была рядом уступок. Он сам понимал это, чувствовал, что последователь Зенона должен был идти другой дорогой, и от этого он страдал больше, чем от страха смерти.

Но вождь прервал его горестные размышления.

– Благородный Анний, – сказал Плавтий, – я знаю, как заплатил тебе цезарь за заботы, которыми ты окружал его в юные годы. Но виновником похищения нашей девочки является Петроний. Скажи мне, как можно повлиять на него, и подействуй сам на этого человека, помня о нашей старой дружбе.

– Петроний и я, – ответил Сенека, – мы люди противоположных лагерей. Как влиять на него – не знаю, он не поддается ничьим влияниям. Возможно, что при всей своей испорченности он все же лучше тех негодяев, которыми окружил себя за последнее время Нерон. Но доказывать ему, что он совершил дурной поступок, значит терять напрасно время. Петроний давно утратил способность отличать доброе от дурного. Докажи, что его поступок некрасив, тогда ему станет стыдно. Когда я увижусь с ним, я скажу: «Твой поступок достоин вольноотпущенника». Если это не поможет – не поможет ничто.

– Спасибо и за это, – сказал Авл.

Он велел отнести себя к Виницию, которого застал фехтующим с домашним фехтовальщиком-рабом. При виде молодого человека, спокойно отдающего упражнениям в то время, когда совершено покушение на Лигию, старый Авл ужасно рассердился, и, когда раб был отослан, Виницию пришлось выслушать поток оскорблений и упреков. Но Виниций, узнав, что Лигия уведена, так смертельно побледнел, что даже Авл ни на минуту после этого не мог считать его соучастником покушения. Капли пота покрыли лоб юноши; кровь, на мгновение отлившая в сердце багровой волной, снова прилила к лицу, глаза метали молнии, губы растерянно шептали вопросы. Ревность и бешенство охватили его, как вихрь. Ему казалось, что Лигия, переступив порог дома цезаря, потеряна для него навсегда; когда же Авл произнес имя Петрония, подозрение словно молния озарило мозг молодого солдата. Петроний зло подшутил над ним и захотел либо добиться новых милостей у цезаря, подарив ему Лигию, либо оставить ее для себя. То, что кто-нибудь, увидев Лигию, мог не пожелать ее, не помещалось в голове Виниция.

Гнев, свойственный его роду, подобно бешеному коню, мчал его теперь неведомо куда, отнимая способность думать.

– Возвращайся домой, вождь, и жди меня... Знай, что, если бы Петроний даже был мне отцом, я отомстил бы ему за обиду Лигии. Возвращайся к себе и жди. Ни Петроний, ни цезарь не получают ее.

Потом, протянув руки к восковым маскам предков, он воскликнул:

– Клянусь этими масками смерти, раньше я убью и ее и себя!

Сказав это, он бросил Авлу еще раз: «Жди меня», – и выбежал, как безумный, из атриума. Он отправился к Петронию, расталкивая по дороге прохожих.

Авл вернулся домой немного успокоенный. Если Петроний, рассуждал он, подговорил цезаря вытребовать Лигию, чтобы отдать ее Виницию, то Виниций отведет ее обратно в их дом. Немало утешила его мысль, что Лигия, если спасение ее станет невозможно, будет защищена от бесчестия смертью. Авл верил, что Виниций выполнит все, что обещал. Видел его бешенство и знал силу гнева, свойственную роду Марка. Он сам, хотя и любил Лигию, как отец, предпочел бы убить ее, чем отдать цезарю; и если бы не сын, последний отпрыск рода, он не колеблясь сделал бы это. Авл был солдатом, о стойках знал лишь понаслышке, но по характеру своему был близок им; к его понятиям, к его гордости смерть больше подходила, чем бесчестие.

Вернувшись домой, он успокоил Помпонию, и оба они, утешенные, стали ждать вести от Виниция. Когда в атриуме слышались шаги одного из слуг, они думали, что это Виниций ведет к ним их милую девушку, и готовы были в глубине души благословить их обоих. Но время шло, и никто не приносил желанной вести. И лишь вечером раздался удар молотка у ворот.

Вошел раб и подал Авлу письмо. Старый вождь хотя и гордился своим самообладанием, однако взял послание слегка дрожащими руками и стал читать с таким волнением, словно дело касалось судьбы его дома.

И вдруг по лицу его скользнула тень – так скользит тень от проплывающей тучи.

– Прочти, – сказал он, обращаясь к Помпонии. Помпония взяла письмо и прочла следующее:

«Марк Виниций приветствует Авла Плавтия. То, что произошло, – произошло по воле цезаря, перед которой склоните головы, как склонили я и Петроний».

Наступило долгое молчание.

VI

Петроний был дома. Привратник не посмел удержать Виниция, который ворвался в атриум как ураган и, узнав, что хозяина можно найти в библиотеке, так же стремительно бросился туда. Застав Петрония за писанием, он вырвал из его рук тростник, сломал его, бросил на землю, потом впился пальцами в плечо Петрония и, приблизив свое лицо к его лицу, стал задавать вопросы хриплым голосом:

– Что ты с ней сделал? Где она?

И вдруг произошло нечто неожиданное. Изнеженный и слабый Петроний схватил вдруг впившуюся в плечо руку молодого атлета, поймал затем и другую и, держа обе в своей с силой железных клещей, сказал:

– Я вял лишь по утрам, вечером ко мне возвращается моя сила. Попробуй вырваться. Гимнастике обучал тебя, по-видимому, ткач, а вежливости – кузнец.

На его лице не было даже гнева, и только в глазах светился тихий огонек силы и смелости. Через минуту он выпустил руки Виниция, который стоял перед ним покорный и пристыженный.

– У тебя стальная десница, – сказал он, – но клянусь тебе богами Аида, что, если ты предал меня, я воткну нож в твоё горло даже в доме цезаря.

– Поговорим спокойно, – ответил Петроний. – Как видишь, сталь крепче железа, поэтому, хотя из одной твоей руки и можно сделать две моих, все-таки мне не приходится бояться тебя. Но я огорчен твоей грубостью, и если бы меня могла удивлять человеческая неблагодарность, то я удивился бы твоей.

– Где же Лигия?

– В лупанарии⁴⁰, то есть в доме цезаря.

– Петроний!

– Успокойся и сядь. Я просил у цезаря две вещи, которые он мне и обещал: во-первых, потребовать Лигию у Авла и, во-вторых, отдать ее тебе. Не прячешь ли ты нож в складках своей тоги? Может быть, ты ранишь меня! Но я советую тебе подождать несколько дней, потому что тебя посадят в тюрьму и Лигии одной придется скучать в твоём доме.

Наступило молчание. Виниций смотрел на Петрония изумленными глазами, потом сказал:

– Прости меня. Я люблю, и любовь делает меня безумным.

– Ты можешь негодовать, Марк. Вчера я сказал цезарю: мой племянник Виниций так влюбился в худощавую девчонку, живущую у Плавтия, что его дом обратился в горячую баню от вздохов. Ты, цезарь, и я, мы ведь знаем, что такое подлинная красота, мы не дали бы за нее и тысячи сестерций, но этот юноша всегда был глуп, как треножник, а теперь поглупел еще больше.

– Петроний!

– Если ты не понимаешь, что я сказал это ради безопасности Лигии, то, пожалуй, я готов подумать, что сказал цезарю правду. Я убедил Меднобородого, что такой эстет, как он, не может считать подобную девушку красивой, – и Нерон, смотрящий на все до сих пор моими глазами, не найдет ее красивой, а потому и не пожелает ее. Нужно было обезопасить себя от этой обезьяны и привязать ее. Лигию оценит теперь не он, а Поппея, и она, конечно, постарается поскорее удалить девушку из дворца. И я небрежно говорил Меднобородому: «Возьми Лигию и отдай ее Виницию! Ты вправе сделать это, потому что она заложница, и, поступив таким образом, ты очень разобидишь Авла». Он согласился. Не было ни малейшей причины

⁴⁰ Лупанарий – публичный дом.

отказать, тем более что я дал ему случай причинить неприятность порядочному человеку. Тебя назначат государственным попечителем заложницы, отдадут тебе на руки это лигийское сокровище, а ты, как союзник храбрых лигийцев и вместе с тем верный слуга цезаря, не только не растратишь ничего из этого сокровища, но постарайся даже приумножить его. Цезарь, чтобы соблюсти приличие, подержит ее несколько дней в своем доме, а потом отошлет ее тебе, счастливцев!

– Неужели это правда? Не грозит ли ей что-нибудь в доме цезаря?

– Если бы она поселилась там навсегда, Пoppея поговорила бы о ней с Локустой, но в течение нескольких дней ей ничто не угрожает. Возможно, что Нерон совсем не увидит ее, тем более что он все дело поручил мне. Несколько минут тому назад у меня был центурион, сказавший, что он отвел Лигию во дворец и сдал ее на руки Актее. Актея – добрая душа, потому-то я и велел поручить ей Лигию. Помпония Грецина держится, по-видимому, того же мнения, потому что послала ей письмо. Завтра у Нерона пир. Я оставил за тобой место рядом с Лигией.

– Прости, Кай, мою горячность, – сказал Виниций. – Я думал, что ты увел ее из дома Авла для себя или для цезаря.

– Я могу простить горячность, но труднее простить грубые жесты, дикие крики и хриплый голос, словно у игрока в свайку. Этого я не люблю, Марк, и ты избегай подобных вещей. Знай, что поставщиком цезаря является Тигеллин, а если бы я вздумал взять себе эту девушку, то теперь, смотря прямо тебе в глаза, сказал бы следующее: «Виниций, я отнимаю у тебя Лигию и буду держать ее при себе до тех пор, пока она мне не наскучит».

Говоря это, он смотрел своими холодными и гордыми глазами на юношу, так что тот окончательно был смущен.

– Я кругом виноват, – сказал он. – Ты добрый и честный, и я благодарен тебе до глубины души. Позволь мне задать тебе еще один вопрос. Почему ты не велел отослать Лигию прямо в мой дом?

– Потому что цезарь любит соблюдать приличия. В Риме будут говорить об этом, а так как Лигия – заложница, то пока будут говорить, она останется в доме цезаря. Потом ее отошлют к тебе – и делу конец. Меднобородый труслив как собака. Знает, что власть его безгранична, и все-таки старается каждому своему поступку придать законный вид. Достаточно ли ты успокоился, чтобы немного пофилософствовать? Мне не раз приходил в голову вопрос, почему преступление, даже если оно сильно, как цезарь, и, как он, уверено в своей безнаказанности, все-таки всегда старается облечь себя формой справедливости, закона, добродетели?.. Зачем ему этот труд? Я думаю, что убить брата, жену, мать – все это дела, достойные азиатского царька, а не римского цезаря; но, если бы со мной случилось подобное, я не писал бы оправдывающихся писем сенату... А Нерон пишет, Нерон старается соблюдать приличия, Нерон – трус. Тиверий не был трусом, однако и он старался оправдать каждое свое преступление. Почему это так? Что это за невольная странная почтительность зла перед добром? И знаешь, что я думаю? Это происходит оттого, что преступление безобразно, а добродетель красива. Следовательно, истинный любитель красоты в то же время является добродетельным человеком. Я должен сегодня плеснуть из чаши немного вина теньям Протагора, Продика и Горгия. Оказывается, что и софисты могут пригодиться. Слушай, я буду говорить дальше. Я отнял Лигию у Плавтиев, чтобы отдать тебе. Прекрасно. Но ведь Лизипп создал бы из вас обоих чудесную группу. Вы оба прекрасны, следовательно, и мой поступок прекрасен, а если он прекрасен, то не может быть дурным. Смотри, Марк, перед тобой сидит добродетель, воплощенная в лице Петрония. Если бы Аристид был жив, он должен был бы прийти ко мне и заплатить сто мин⁴¹ за краткий урок добродетели.

⁴¹ *Мина* – греческая денежная единица.

Но Виниций, которого действительность интересовала больше, чем уроки добродетели, сказал:

– Завтра увижу Лигию, а потом буду видеть ее ежедневно в своем доме до самой смерти.

– У тебя будет Лигия, а у меня на шее Авл. Он назовет на меня мечь всех подземных богов. И хоть поучился бы, животное, раньше у хорошего учителя декламации... Он будет так ругаться, как ругался с моими клиентами старый привратник, отосланный за это мной в деревню на тяжелую работу.

– Авл был у меня. И я обещал ему прислать известие о Лигии.

– Напиши, что воля «божественного» цезаря есть высший закон и что твой первенец будет носить имя Авла. Нужно немного утешить старика. Я готов просить Меднобородого, чтобы он пригласил его на завтрашний пир. Пусть бы он увидел в триклинии тебя рядом с Лигией.

– Не делай этого, – сказал Виниций. – Мне жаль их, особенно Помпонию.

И он сел писать то письмо, которое отняло у старого вождя последнюю надежду.

VII

Перед Актеей, прежней подругой Нерона, склонялись некогда головы наиболее гордых римлян. Но и тогда она не хотела мешаться в государственные дела и если когда и употребляла свое влияние на молодого владыку, то лишь для того, чтобы выпросить кому-нибудь помилование. Тихая и спокойная, она снискала благодарность многих и никого не сделала своим врагом. Не смогла возненавидеть ее даже Октавия. Ревнивым она казалась слишком малоопасной. Знали, что она любит Нерона любовью печальной и болезненной, которая живет уже не надеждой, а лишь воспоминаниями тех дней, когда Нерон был не только более молодым и любящим, но и лучшим человеком. Знали, что от этих воспоминаний она не может оторвать своих мыслей, но ничего не ждет от будущего; никто не боялся, что цезарь вернется к ней, поэтому смотрели на нее, как на существо совершенно безвредное, и оставили ее в покое. Поппея имела в ее лице покорную служанку, столь неопасную, что даже не понадобилось отослать ее из дворца.

Но так как цезарь любил ее когда-то и покинул без гнева, спокойно и даже дружелюбно, то с ней немного считались. Дав ей свободу, Нерон отвел ей помещение во дворце и дал несколько прислужниц. В свое время вольноотпущенники Клавдия, Нарцисс и Паллас, не только принимали участие в пирах, но даже в качестве приближенных цезаря занимали лучшие места, поэтому и Актею иногда приглашали к столу цезаря. Делали это, может быть, и потому, что ее прекрасный облик был подлинным украшением стола. Впрочем, цезарь в выборе общества давно перестал руководиться какими бы то ни было соображениями. За его стол садилась самая разнообразная смесь людей всевозможного положения и происхождения. Были сенаторы, но преимущественно те из них, которые в то же время могли служить шутами. Были патриции, старые и молодые, жадные до роскоши, блеска и пышности. Были женщины, носившие громкие имена, но не стеснявшиеся по ночам надевать рыжий парик и искать веселых приключений на темных улицах. Бывали жрецы, которые за полными чашами сами рады были посмеяться над своими богами, а рядом с ними всякого рода проходимцы – певцы, мимы, музыканты, танцовщики и плясуньи, поэты, которые, декламируя стихи, думали о сестерциях, которые могли им быть пожалованы за лестные отзывы о стихах цезаря; голодные философы, жадными глазами смотревшие на подаваемые блюда; наконец, известные наездники, фокусники, лекари, шуты самые разнообразные, благодаря моде и глупости, однодневные знаменитости, шарлатаны, среди которых было немало таких, которые длинными волосами прикрывали свои проколотые уши рабов.

Более знаменитые из них садились за стол, другие развлекали пирующих во время еды, ожидая минуты, когда им позволено будет наброситься на остатки кушаний и напитков. Такого рода гостей доставляли Тигеллин, Ватиний и Вителий, которым приходилось часто заботиться и о подобающей покоям цезаря одежде для приглашенных; впрочем, цезарь любил подобное общество, чувствуя себя в нем наиболее свободным. Роскошь двора все украшала и всему придавала блеск. Великие и малые, потомки знатных родов и люди с мостовой, знаменитые художники и жалкие подражатели – все теснилось у дворца, чтобы насытить ослепленные взоры пышностью и блеском, превосходящим человеческие понятия, и приблизиться к источнику милостей, богатства и всяких благ, одно слово которого могло, правда, унижить, но могло и вознести выше меры.

Лигия должна была принять участие в подобном пире. Страх, неуверенность, растерянность, неудивительные в подобных обстоятельствах, боролись в ней с желанием оказать сопротивление. Она боялась цезаря, боялась людей, боялась дворца, оживление которого смущало ее, боялась пиров, о бесстыдстве которых слышала от Авла, Помпони и их друзей. Будучи молодой девушкой, она многое знала, потому что знания дурных сторон жизни в те времена не могли избежать даже дети. Поэтому она знала, что в этом дворце ей грозит гибель, о которой,

впрочем, говорила ей Помпония в минуту расставания. Но ее молодая душа, которой не коснулась еще испорченность и в которую были уже посеяны семена нового учения ее приемной матерью, готова была оказать сопротивление этой гибели. Она дала обещание матери, себе и тому Божественному Учителю, в которого не только верила, но и возлюбила своим детским сердцем за сладость учения, за горечь смерти и за славу воскресения.

Она знала, что теперь ни Авл, ни Помпония Грецина не будут ответственны за ее поступки, поэтому не лучше ли будет, думала она, отказаться от участия в пире? С одной стороны, в душе ее говорили страх и беспокойство, с другой – рождалось желание показать себя смелой, решительной, готовой пойти на муку и смерть. Ведь так велел Божественный Учитель. Ведь он нам подал пример. Помпония рассказывала ей о тех ревностных последователях нового учения, которые жаждут от всей души подобного испытания и просят его. Лигия, живя в доме Авла, испытывала иногда подобное желание. Она представляла себя мученицей, с ранами на руках и ногах, белой как снег, исполненной неземной красоты, и белые ангелы уносили ее в лазурь. Ее воображение тешило себя подобными образами. Много было в этом детского, но было и самолюбование, за которое осуждала ее Помпония. Теперь, когда неповиновение цезарю могло повлечь за собой какую-нибудь жестокую кару, когда знакомые воображению муки могли стать действительностью, к прекрасным образам ее фантазии присоединилось смешанное со страхом любопытство, какой каре будет подвергнута она, какой род мучений придумают для нее.

И так колебалась ее юная душа. Актея, узнав об этих колебаниях, посмотрела на нее с таким удивлением, словно девушка говорила об этом в бреду. Не повиноваться цезарю? Навлечь на себя в первый же день его гнев? Для этого нужно быть ребенком, который не понимает, что говорит. Из собственных слов Лигии следует, что она не заложница, а девушка, забытая своим народом. Ее не защищает никакой закон, а если бы и защищал, то цезарь слишком могуч, чтобы нарушить его в минуту гнева. Цезарю захотелось взять ее – и она в его власти. С этой минуты нет над ней иной воли, кроме его.

– Да. И я читала, – говорила Актея, – письма Павла из Тарса, и я знаю, что в небе есть Бог и есть Сын Божий, который воскрес, – но на земле есть лишь цезарь. Помни об этом, Лигия! Знаю, что учение не позволяет тебе быть тем, чем была я, и что вам, как стоикам, о которых рассказывал мне Эпиктет, можно выбрать лишь смерть, когда придется выбирать между нею и бесчестием. Но можешь ли ты быть уверена, что тебя ждет смерть, а не бесчестие? Разве не слышала ты о дочери Сеяна, которая, будучи маленькой девочкой, должна была по приказанию Тиверия ради соблюдения закона, запрещающего предавать смертной казни девушек, перед смертью пережить страшное насилие? Лигия, Лигия, не дразни цезаря! Когда наступит решительная минута и тебе придется выбирать между бесчестием и смертью, поступи так, как велит тебе твоя правда, но не ищи добровольно гибели, не дразни по пустому поводу земного, и притом жестокого бога.

Актея говорила с великой жалостью и даже с волнением. Будучи от природы близорукой, она приблизила свое нежное лицо к лицу Лигии, словно желая убедиться, какое ее слова производят на ту впечатление.

Лигия, доверчиво обняв ее шею, сказала:

– Ты добрая, Актея!

Актея, растроганная похвалой и доверчивостью, прижала ее к своей груди, а потом, освободившись из объятий девушки, сказала:

– Мое счастье миновало, и радость миновала, но я не злая.

Потом она стала ходить по комнате и говорить, словно была одна:

– Нет, и он не был злым. Сам думал тогда, что добрый, и хотел быть добрым. Об этом я знаю лучше всех. Это все пришло потом... Когда он перестал любить... Другие сделали его таким, какой он сейчас, другие... и Поппея!

Глаза ее наполнились слезами. Лигия следила за ней своими голубыми глазами и наконец сказала:

- Тебе жаль его, Актея?
- Жаль! – глухо ответила гречанка.

И снова она стала ходить со сжатыми, словно от боли, руками, с лицом, на котором видно было отчаяние.

Лигия несмело спросила:

- Ты его еще любишь, Актея?
- Люблю...

И тотчас прибавила:

- Его никто, кроме меня, не любит...

Наступило молчание, во время которого Актея постаралась вернуть себе смущенное воспоминаниями спокойствие, и когда наконец лицо ее приняло выражение обычной тихой печали, она сказала:

– Поговорим о тебе, Лигия! Ты и не думай сопротивляться воле цезаря. Это было бы безумием. Успокойся... Я хорошо знаю этот дом и думаю, что со стороны цезаря тебе не грозит ничего дурного. Если бы цезарь хотел тебя взять для себя, он не поселил бы тебя на Палатине. Здесь царствует Пoppея, а Нерон, с того времени как у нее родилась дочь, еще больше подчинился ей... Нет. Правда, Нерон велел, чтобы ты присутствовала на пиру, но он до сих пор не видел тебя, не спросил о тебе: ему нет до тебя дела... Может быть, он отнял тебя у Авла и Помпонии для того только, чтобы позлить их... Петроний написал мне, чтобы я позаботилась о тебе; об этом же просит и Помпония; может быть, он делает это по ее просьбе. Если это так, если и Петроний примет в тебе участие по просьбе Помпонии, тебе не грозит здесь ни малейшей опасности, – и кто знает, может быть, Нерон по его совету отошлет тебя обратно к Авлу. Я не знаю, любит ли его Нерон, но он редко решается быть другого мнения, чем Петроний.

– Ах, Актея! – воскликнула Лигия. – Петроний был у нас накануне, и моя мать уверена, что Нерон потребовал меня по его совету.

– Это было бы плохо, – сказала Актея. Подумав немного, она продолжала: – Но возможно, что Петроний проболтался за ужином, что видел у Авла заложницу лигийцев, и Нерон, ревнивый к своей власти, потребовал тебя лишь потому, что заложницы принадлежат цезарю. Он к тому же не любит Авла и Помпонию... Я не думаю, чтобы Петроний, желая отнять тебя у Авла, прибег к такому способу... Не знаю, лучше ли Петроний тех людей, которые окружают цезаря, но он во всяком случае не похож на них... Может быть, кроме него ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы просить за тебя? Не видел ли тебя у Авла близкий к цезарю человек?

- У нас бывали Веспасиан и Тит...
- Цезарь не любит их.
- Сенека...
- Достаточно Сенеке посоветовать что-нибудь, и цезарь поступит как раз наоборот. Бледное лицо Лигии слегка разругалось.
- И Виниций...
- Я не знаю его.
- Племянник Петрония, вернувшийся недавно из Армении...
- Ты думаешь, что цезарь рад его видеть?
- Виниция все любят.
- И он мог бы просить за тебя?
- Да.

Актея улыбнулась и сказала:

– Ты, вероятно, увидишь его на пиру. Ты должна присутствовать на нем непременно. Только такой ребенок, как ты, мог подумать иначе. Если хочешь вернуться в дом Авла, ищи

случая попросить Петрония и Виниция, чтобы они своим влиянием выхлопотали тебе право возвращения. Если бы они были здесь сейчас, оба сказали бы тебе то же, что и я: безумие и гибель оказывать неповиновение. Правда, цезарь мог бы не заметить твоего отсутствия, но если бы он заметил и подумал, что ты противишься его воле, то для тебя не было бы спасения. Иди, Лигия... Слышишь шум в доме? Солнце садится, и гости скоро начнут собираться.

– Ты права, Актея, – ответила Лигия, – я последую твоему совету.

Сколько в этом решении было желания увидеться с Виницием и Петронием, сколько женского любопытства хоть раз в жизни увидеть пир, на нем самого цезаря, двор, знаменитую Поппею и других красавиц и всю неслыханную пышность, о которой рассказывали в Риме чудеса, – сама Лигия, вероятно, не сумела бы ясно отдать себе отчета. Но Актея была права, и девушка понимала это. Идти на пир было необходимо, а раз необходимость и рассудок поддерживали тайное искушение, Лигия перестала колебаться.

Актея отвела Лигию в свою комнату, чтобы одеть ее, и хотя в доме цезаря не было недостатка в рабынях и у Актеи их было достаточное число для личных услуг, она из сочувствия к девушке, невинность и красота которой глубоко растрогали ее, решила лично заняться ее туалетом. И тотчас оказалось, что в молодой дочери Греции, несмотря на ее печаль и внимательное чтение писем Павла из Тарса, много еще осталось старой эллинской души, для которой красота тела говорит сильнее, чем все другое на свете. Раздев Лигию и увидев формы ее тела, словно вылитые из жемчуга и роз, полные и стройные, она не могла удержаться от крика удивления и, отступив на несколько шагов, с восторгом смотрела на эту несравненную весеннюю красоту.

– Лигия! – воскликнула она наконец. – Ты в сто раз красивее Поппеи!

Девушка, воспитанная в строгом доме Помпони, где скромность была обязательна даже в присутствии одних женщин, стояла чудесная, как сновидение, гармоничная, как произведение Праксителя, как воплощенная песнь, но смущенная, розовая, со сжатыми коленями, с руками на груди, с опущенными вниз глазами. Потом, вдруг подняв к голове руки и вынув шпильки, поддерживающие волосы, она тряхнула головой и мгновенно покрылась ими, как плащом.

Актея подошла к ней ближе и сказала:

– Какие волосы!.. Я не осыплю их золотой пудрой, они сами отливают золотом... Разве чуть-чуть, чтобы заставить их сиять, как отблеск солнца... Чудесный ваш край лигийский, где рождаются такие девушки.

– Я не помню родины, – ответила Лигия. – Урс говорит, что у нас только леса, леса и леса...

– А в лесах цветут такие цветы, – сказала Актея, макая руки в сосуд с вербеной и увлажняя ими волосы Лигии.

Потом она стала слегка натирать тело девушки благовонными аравийскими мазями, после чего одела ее в золотистую тунiku без рукавов, на которую потом Лигия должна была надеть белоснежный пеплум. Но раньше нужно было причесать волосы, поэтому она закутала девушку широким покрывалом и, усадив в кресло, поручила ее рабыням, чтобы самой издали наблюдать за причесыванием. Две рабыни тем временем надевали на ноги Лигии белые, шитые пурпуром сандалии, переплетая накрест золотые тесемки. Когда прическа была закончена, на Лигию надели пеплум, легкие складки которого были старательно уложены, после чего Актея застегнула жемчужное ожерелье на шее девушки и слегка попудрила ей волосы. Затем она велела одевать себя, не спуская все время восхищенных глаз с Лигии.

Она скоро была готова, и когда у главных ворот стали появляться первые лектики⁴², они вошли в боковой портик, откуда виден был главный вход, внутренние галереи и двор, окруженный колоннадой из нумидийского мрамора.

Все больше и больше гостей проходило в высокие ворота, над которыми великолепная квадрига Лизия, казалось, уносила в воздух Аполлона и Диану. Лигия была изумлена пышностью, о которой не мог ей дать понятия скромный дом Авла. Был закат, и последние лучи солнца падали на желтый нумидийский мрамор колонн, отливавший золотом и в то же время отражавший розовый блеск зари. Под колоннами возле белых статуй Данаид, богов и героев проходили толпы народа, мужчин и женщин, похожих на оживленные статуи, закутанных в тоги, пеплумы и столы, мягкими складками спадающие книзу, на которых также догорал блеск заходящего солнца. Огромный Геркулес, с головой, освещенной солнцем, и грудью, погруженной в тень, падающую от колонны, смотрел сверху на эту толпу. Актея показывала Лигии сенаторов в тогах с широкими полосами, цветных туниках и с полумесяцем на обуви; военачальников, знаменитых художников, знатных женщин, одетых по-римски, по-гречески или же в фантастические восточные наряды, женщин с прическами в виде башни, пирамиды или с низкими, наподобие причесок мраморных богинь, увенчанных цветами. Многих мужчин и женщин называла Актея по имени, рассказывая о них краткие и подчас ужасные истории, от которых Лигия испытывала страх и удивление. Это был для нее странный мир, красотой которого упивался ее взор, но противоречий которого не мог понять ее девичий разум. В вечерней заре, в лесе недвижных колонн, уходивших вдаль, в людях, похожих на статуи, – во всем этом был некий великий покой; казалось, что здесь должны жить какие-то чуждые забот, спокойные и счастливые полубоги, между тем как тихий голос Актеи раскрывал одну за другой страшные тайны и этого дворца, и этих людей. Вот там издали виден портик, на колоннах которого и на полу еще не стерлись пятна крови, которой обгарил белоснежный мрамор Калигула, павший от ножа Кассия Хереи; там была убита его жена; там был разбит о камни ребенок; а под тем крылом скрыто подземелье, в котором грыз себе руки заморенный голодом младший Друз; там отравили старшего Друза, там извивался в судорогах Гемелл, там умирал Клавдий, там Германник, – всюду эти стены слышали стоны и хрипенье умирающих; а те люди, которые теперь спешат на пир, в тогах, разноцветных туниках, украшенные цветами и драгоценностями, завтра, может быть, будут осуждены на смерть. Не на одном лице под улыбкой таится страх, волнение, неуверенность в завтрашнем дне; ненависть, жадность, зависть таятся на сердце этих с виду беззаботных, увенчанных полубогов. Взволнованная мысль Лигии не успевала следить за словами Актеи, и в то время, как этот чудесный мир привлекал с все возрастающей силой взоры, в душе ее вдруг возникла несказанная, безмерная тоска по любимой Помпонию и спокойном доме Авла, где царила любовь, а не преступление.

Прибывали все новые волны гостей. У ворот раздавались крики и говор клиентов, провожавших своих покровителей. Двор и колоннады наполнились множеством рабов и рабынь цезаря, детей и преторианцев, державших караул во дворце. Среди белых или бронзовых лиц иногда мелькало негритянское черное, в шлеме, украшенном перьями, и с золотыми серьгами в ушах. Несли лютни, кифары, корзины цветов, несмотря на позднюю осень, светильники золотые, серебряные и медные. Громкие разговоры смешивались с плеском водометов, розовые от вечерних блесков струи которых, падая сверху на розовый мрамор, разбивались с шумом, похожим на рыдание.

Актея перестала рассказывать, но Лигия не отрываясь смотрела на толпу, словно искала кого-то. И вдруг лицо ее вспыхнуло. Из-за колонн показались Виниций и Петроний; они шли к большому триклинию, прекрасные, важные, в своих тогах похожие на беломраморных богов. Когда Лигия увидела среди чужих людей эти два знакомых дружеских лица, особенно когда

⁴² Лектика – носилки.

увидела Виниция, она сразу почувствовала в душе большое облегчение. Она была неодинокa. Безмерная тоска по дому, Помпонии и Авлу, волновавшая минуту назад, перестала мучить ее. Искушение увидеть Виниция и говорить с ним заглушило иные голоса. Напрасно она вспоминала все дурное, что слышала о доме цезаря, и рассказ Актея, и слова Помпонии, – несмотря на эти слова и рассказы, она вдруг почувствовала, что не только должна быть на пиру, но и хочет присутствовать на нем. При мысли, что через минуту услышит милый, любимый голос, который твердил ей о любви и счастье, достойном богов, и который до сих пор звучит в ее душе, как песня, Лигию охватила радость.

И вдруг она испугалась этой своей радости. Ей показалось, что она изменила чистому учению, в котором была воспитана, изменила Помпонии и самой себе. Далеко не одно и то же – идти на пир по принуждению или радоваться необходимости присутствовать на нем. Лигия почувствовала себя виноватой, недостойной, погибшей. Ее охватило отчаяние, она готова была разрыдаться. Если бы она была одна, она опустилась бы на колени и, ударяя себя в грудь, покайянно шептала бы: «Помилуй меня, грешную, помилуй!» Но Актея взяла ее за руку и повела внутренними покаями в триклиний, где должен был состояться пир. У Лигии потемнело в глазах от волнения и душевной борьбы, шумело в ушах, захватывало дыхание, сжималось сердце.словно во сне она увидела тысячи светильников на стенах, столах, услышала крик, которым гости приветствовали цезаря, сквозь туман увидела его самого. Крик оглушил ее, блеск ослепил, от ароматов кружилась голова, и она потеряла остаток самообладания. Актея, поместив ее у стола, возлегла с ней рядом.

Через несколько минут низкий знакомый голос прозвучал около нее с другой стороны:

– Привет тебе, прекраснейшая из земных девушек и звезд небесных! Здравствуй, божественная Каллина!

Лигия, придя в себя, оглянулась: рядом с ней возлежал Виниций.

Он был без тоги: ради удобства обычаи требовал, чтобы тогу снимали во время пира. На нем была ярко-красная туника без рукавов, расшитая серебром. Обнаженные руки по восточному обычаю украшены были двумя широкими золотыми запястьями выше локтей; а ниже они были гладкие, очищенные от растительности, сильные, мускулистые, как у настоящего воина, словно нарочно созданные для меча и щита. Голова была увенчана розами. С бровями, тесно сходящимися на переносице, прекрасными глазами и смуглым лицом, Марк был воплощением молодости и силы, он показался Лигии до такой степени красивым, что она, хотя ее первое волнение и прошло, едва смогла ответить:

– И мой привет тебе, Марк!

Он говорил:

– Счастливы глаза мои, увидевшие тебя; счастливы уши, которые слышат голос твой, более милый для меня, чем звуки флейт и кифары. Если бы мне дано было выбрать, кто будет возлежать со мной рядом на этом пиру, ты или Венера, я выбрал бы тебя, божественная Лигия!

И он жадно смотрел на нее, словно хотел насытиться ее видом, и сжигал ее своим взором. Его глаза скользили по ее лицу, шее, обнаженным рукам, он любовался прекрасными формами, ласкал ее своим взглядом, и кроме страсти светилось в нем также счастье, и чистая любовь, и восторг без границ.

– Я знал, что мы встретимся в доме цезаря, – говорил он, – но при виде тебя душа моя испытала такую радость, словно на мою долю выпало нечаянное счастье.

Лигия, придя в себя и чувствуя, что в этой чужой толпе, в этом доме Виниций – единственный близкий ей человек, стала говорить с ним и расспрашивать его обо всем, что было ей непонятно и что вселяло в нее страх. Откуда он узнал, что встретит ее в доме цезаря, и почему она здесь? Зачем цезарь разлучил ее с Помпонией? Лигии страшно здесь, и она хочет вернуться к матери. Она умерла бы от тоски и страха, если бы не надежда, что Петроний и он попросят за нее цезаря.

Виниций сказал, что обо всем он узнал от Авла. Почему она здесь, он не знает. Цезарь никому не дает отчета в своих делах и повелениях. Но пусть она не боится. Ведь он, Виниций, около нее и останется с ней. Он предпочел бы ослепнуть, чем не видеть ее, потерять жизнь, чем покинуть Лигию. Она – его душа, и он будет беречь ее, как душу. Он поставит ей в своем доме алтарь, как своему божеству, на котором будет приносить жертвы – мирру и алоэ, а весной – молодой цвет яблони... Если она боится оставаться в доме цезаря, то он обещает ей, что она здесь не останется.

И хотя он говорил двусмысленно и порою лгал, в голосе звучала искренность, потому что искренни были его чувства. Его охватила жалость к ней, и слова ее глубоко проникали в его душу, когда она стала благодарить его, говоря, что Помпония полюбит его за добрые чувства, а сама она будет всю жизнь благодарна ему; он едва совладал с своим волнением, и ему казалось, что никогда в жизни он не сможет отказать ей в просьбе. Сердце его стало смягчаться. Красота пленила его душу, он жаждал ее и в то же время чувствовал, что Лигия дорога ему и что он действительно способен молиться на нее, как на божество; он чувствовал неодолимую потребность говорить о ее красоте и о своей любви, и, так как шум в триклиниуме значительно усилился, он подвинулся к ней ближе и стал нашептывать ласковые, идущие из глубины души признания, звучные, как музыка, и пьянящие, как вино.

И он опьянял Лигию. Среди чужих людей, которые окружали ее, он казался ей близким, милым, на него можно было положиться, он был предан ей всей душой. Он успокоил ее, обещал вырвать из дома цезаря, обещал не покидать и всегда служить ей. Кроме того, раньше он говорил с ней в доме Авла лишь вообще о любви и о том счастье, какое она может дать, а теперь он определенно признался, что любит ее, что она ему милей и дороже всех женщин. Лигия впервые слышала такие слова из уст мужчины, и по мере того как слушала их, ей казалось, что в душе ее что-то просыпается, ее охватывает какое-то счастье, в котором безмерная радость смешана со странной тревогой. Ее щеки горели, сердце стучало, губы полуоткрылись, словно от удивления. Ей было страшно слушать такие вещи, и в то же время она боялась упустить хоть одно слово. Иногда она опускала глаза и снова поднимала на Виниция лучистый взор, испуганный и в то же время вопрошающий, словно хотела сказать ему: «Говори, говори еще!» Говор, музыка, благоухание цветов и аравийских курений снова стали кружить ей голову. В Риме был обычай возлежать на пирах, но дома она обычно занимала место между Помпонией и маленьким Авлом, теперь же рядом с ней был Виниций, молодой, сильный, влюбленный, пылкий, и она, чувствуя жар, исходивший от него, чувствовала одновременно и стыд и наслаждение. Ею овладело сладостное изнеможение, какое-то забытие, ее клонило ко сну.

Но близость стала действовать и на Виниция. Лицо его побледнело, ноздри раздувались, как у арабского коня. Сердце стучало под его алой туникой, дыхание стало быстрым, губы шептали нежные признания. И он впервые был так близок к ней. Мысли его путались; в крови он чувствовал огонь, который напрасно пытался залить вином. Не вино его пьянило, а ее чудесное лицо, ее нежные руки, ее девичий стан, закутанный в белоснежный пеплум. Он взял ее за руку, как тогда, в доме Авла, и, привлекая к себе, стал шептать дрожащими губами:

– Я люблю тебя, божественная Каллина!

– Пусти, Марк, – прошептала она.

А он говорил с затуманенными глазами:

– Божественная! Полюби меня!..

В эту минуту послышался голос Актеи, которая возлежала около Лигии с другой стороны:

– Цезарь смотрит на вас.

Виниция охватил гнев и на цезаря и на Актею. Ее слова развеяли очарование. Юноше даже голос друга показался бы в эту минуту назойливым; кроме того, он был уверен, что Актея хочет помешать его нежной беседе с Лигией.

Подняв голову и посмотрев на молодую вольноотпущенницу через плечо Лигии, он зло сказал:

– Миновало время, когда ты, Актея, возлежала рядом с цезарем, и говорят, что тебе грозит слепота, как же можешь ты видеть его?

Она ответила с печалью:

– И все-таки вижу... У него тоже слабое зрение, и он смотрит на вас сквозь изумруд.

Все, что делал Нерон, заставляло настораживаться даже самых близких ему людей, поэтому Виниций заволновался, пришел в себя и незаметно стал поглядывать в сторону цезаря. Лигия, в начале пира от волнения видевшая цезаря словно сквозь туман, а потом, взволнованная разговором и близостью Виниция, не смотревшая на него совсем, теперь также обратила на него свой робкий и вместе с тем любопытный взгляд.

Актея сказала правду. Цезарь, склонившись на стол и закрыв один глаз, держал у другого глаза круглый отшлифованный изумруд и смотрел на них. На мгновение взор его встретился с глазами девушки, – и сердце Лигии сжалось от страха. Когда, будучи ребенком, она жила в сицилийском имении Авла, старая рабыня-египтянка рассказывала ей о драконах, живущих в горных ущельях, и вот теперь ей вдруг показалось, что на нее глядит зеленый глаз такого чудовища. Она схватила Виниция за руку, как испуганное дитя, а в голове путались быстрые мысли и впечатления. Так вот он какой! Страшный и всемогущий! До сих пор она не видала его и думала, что он другой. Ей представлялось чудовище с выражением застывшей злобы на лице; теперь она увидела крупную голову на широких плечах, действительно страшную, но и немного смешную, потому что издали она была похожа на голову ребенка. Голубая туника, запрещенная для простых смертных, бросала синеватый отблеск на широкое и короткое лицо. Волосы у него были темные, завитые в четыре ряда локонами по моде, введенной Оттоном. Бороды не было, потому что он недавно посвятил ее Юпитеру, за что весь Рим принес ему благодарность, хотя злые языки и шептали, что он сделал это потому, что борода обещала быть как и у всей его семьи – рыжей. В его сильно выступавшем вперед лбу было, однако, что-то олимпийское. В сдвинутых бровях чувствовалось сознание своего могущества; но под челом титана было лицо обезьяны, пьяницы и шута, пустое, исполненное дурных страстей, несмотря на молодые годы ожиревшее, болезненное и обрюзгшее. Лигии он показался злобным и отвратительным.

Он опустил изумруд и перестал смотреть на них. Тогда она увидела его большие голубые глаза, щурившиеся от сильного освещения, стеклянные, бессмысленные, как у мертвеца.

Обратившись к Петронию, цезарь сказал:

– Это и есть заложница, в которую влюбился Виниций?

– Да, это она, – ответил Петроний.

– Как называется этот народ?

– Лигийцы.

– Виниций считает ее красивой?

– Одень гнилой оливковый ствол в женский пеплум, и Виниций будет считать его красивым. Но на твоём лице, несравненный знаток, я прочел твой приговор относительно ее. Ты можешь не произносить его. Да! Слишком худа, головка мака на тонком стебле, а ты, божественный эстет, ценишь в женщине прежде всего стебель, и ты трижды, четырежды прав! Одно лицо – ничто. Я многому научился у тебя, но такого меткого глаза у меня нет еще... И я готов побиться об заклад с Тултием Сенецием на его любовницу, что хотя во время пира, когда все лежат, трудно судить о всей фигуре, ты уже сказал себе: «Слишком узка в бедрах».

– Слишком узка в бедрах, – проговорил Нерон, щурия глаза.

На губах Петрония появилась чуть заметная усмешка, а Туллий Сенеций, который занят был разговором с Вестином и подшучивал над его верой в сны, повернулся к Петронию и, не имея понятия, о чем шла речь, заявил:

– Ты ошибаешься. Я держусь мнения цезаря.

– Прекрасно! – ответил Петроний. – Я только что утверждал, что у тебя большой ум, а цезарь сказал, что ты осел.

– Habet!⁴³ – засмеялся Нерон, опуская вниз палец; этот жест был обычен в цирке, когда гладиатор терпел поражение и его должны были добить.

Вестин, полагая, что говорят о значении снов, воскликнул:

– А я верю в сны, да и Сенека говорил мне недавно, что тоже верит.

– Прошлой ночью приснилось мне, что я стала весталкой⁴⁴, – сказала с другого конца стола Кальвия Криспинилла.

Нерон стал аплодировать, окружающие тотчас поддержали его, и скоро все хлопали в ладоши: Криспинилла, переменившая нескольких мужей, была известна всему Риму своим сказочным развратом.

Она, нисколько не смущаясь, продолжала:

– Что же! Все они стары и безобразны. Одна лишь Рубрия похожа на человека; нас было бы две, – хотя и Рубрия, впрочем, летом бывает в веснушках.

– Пречистая Кальвия, – сказал Петроний, – но ведь весталкой ты могла бы быть лишь во сне.

– А если бы приказал цезарь?

– Тогда я поверил бы, что исполняются самые невероятные сны.

– Конечно, исполняются, – сказал Вестин, – я еще понимаю людей, которые не верят в богов, но как можно не верить в сны?

– А гаданье? – спросил Нерон. – Мне как-то было предсказано, что Рим перестанет существовать, а я буду владыкой всего Востока.

– Гаданье и сон имеют много общего, – сказал Вестин. – Однажды некий проконсул, человек неверующий, послал в храм Мопса своего раба с запечатанным письмом, которое не велел вскрывать, чтобы таким образом испытать, сможет ли божок дать ответ на вопрос, заключенный в этом письме. Невольник проспал ночь в храме, чтобы увидеть вещий сон, после чего он вернулся к своему господину и сказал следующее: мне приснился юноша, светлый, как солнце, который сказал мне одно лишь слово: «черного». Услышав это, проконсул побледнел и, обратившись к своим гостям, равно неверующим, спросил: «Знаете ли вы, что было написано в письме?»

Вестин замолчал и, поднеся ко рту чашу с вином, стал пить.

– Что же было в письме?

– В письме заключался вопрос: «Какого быка я должен принести в жертву – белого или черного?...»

Но рассказ был прерван Вителием, который пришел на пир уже достаточно подвыпившим и теперь вдруг без всякого повода разразился громким бессмысленным смехом.

– Чего хохочет эта бочка сала? – спросил Нерон.

– Смех отличает людей от животных, – сказал Петроний, – и у него нет иного способа показать, что он не свинья.

Вителий прервал свой смех и, шевеля своими жирными, лоснящимися от пищи губами, стал рассматривать всех присутствующих с таким удивлением, словно видел их в первый раз.

Потом он поднял свою похожую на подушку руку и сказал хриплым голосом:

– Я уронил с пальца патрицианский перстень, доставшийся мне от отца...

– Который был сапожником, – прибавил Нерон.

Но Вителий снова бессмысленно захохотал и стал искать свой перстень в пеплуме Кальвии Криспиниллы.

⁴³ Получил (по заслугам) (*лат.*).

⁴⁴ Весталки – жрицы богини Весты, дававшие обет безбрачия.

Ватиний стал подражать крику испуганной женщины, а Нигидия, подруга Кальвии, молодая вдова с лицом девочки и глазами блудницы, громко сказала:

– Ищет, чего не потерял...

– И что ему не понадобится, если бы и нашел, – прибавил поэт Лукан.

Пир оживлялся. Толпа рабов разносила все новые кушанья; из огромных ваз, наполненных снегом и увитых плющом, вынимались сосуды с различными сортами вин. Все много пили. Сверху на пирующих падали розы.

Петроний стал просить цезаря, чтобы он, прежде чем гости перепьются, осчастливил пир своим пением. Хор голосов поддержал просьбу, но Нерон стал отказываться. Дело не в смелости, хотя он и чувствовал всегда ее недостаток... Боги знают, как дорого обходятся ему публичные выступления... Правда, он не отказывается от них, потому что нужно же делать что-нибудь для искусства, и наконец, если Аполлон дал ему голос, то не следует пренебрегать даром богов. Он понимает, что это есть его долг перед государством. Но сегодня он немного охрип. Ночью он клал себе на грудь оловянные гири, но и это не помогло... Он даже намерен поехать в Анциум, чтобы подышать морским воздухом.

Но Лукан стал умолять его во имя искусства и человечества. Все знают, что божественный поэт и певец сочинил новый гимн Венере, в сравнении с которым Лукрециев гимн – вой годовалого волчонка. Пусть же этот пир будет действительно пиром. Владыка, столь милостивый, не должен причинять мук своим подданным: «Не будь жестоким, цезарь!»

– Не будь жестоким! – дружно повторили все окружающие.

Нерон развел руками в знак того, что принужден уступить. Тогда на всех лицах появилось выражение благодарности; глаза гостей обратились на него. Но раньше он велел известить Пoppею, что будет петь, а присутствующим сказал, что она, чувствуя себя не совсем здоровой, не пришла на пир, но так как ни одно лекарство не может принести ей такого облегчения, как его пение, то ему жаль лишить ее этого целебного средства.

Вскоре пришла Пoppея. Она обращалась с Нероном, как с рабом, однако знала, что когда дело касалось его самолюбия, как певца, наездника или поэта, то раздражать это самолюбие было вещью опасной. Вошла, прекрасная, как божество, одетая в аметистового цвета, как и у Нерона, одежду, с ожерельем из огромных жемчужин на шее, отнятом когда-то у Масиниссы, золотоволосая, нежная, и хотя уже два раза меняла мужей, все же лицо ее казалось девичьим.

Ее встретили приветственными кликами, называли «божественной августой». Никогда в жизни Лигия не видела ничего более прекрасного и теперь не верила собственным глазам, потому что ей было известно, что Пoppея Сабина – одна из самых развратных в Риме женщин. Она знала от Помпонии, что Пoppея довела цезаря до убийства матери и первой жены, много слышала рассказов о ней от гостей и слуг в доме Авла; слышала, что ее мраморные изображения разбивались по ночам в Риме; слышала о надписях, которые ежедневно появлялись на городских стенах, хотя уличенных в этом ждало суровое наказание. И вот теперь, при виде этой Пoppеи, которую последователи Христа считали воплощением зла и преступления, она подумала, что такой вид должны иметь ангелы или другие небесные духи. Она не могла оторвать глаз от Пoppеи, а губы ее прошептали невольный вопрос:

– Ах, Марк, неужели это возможно?

Он, возбужденный от выпитого вина и словно раздраженный, что ее внимание отвлекается от него и его признаний, сказал:

– Да, она прекрасна, но ты прекраснее во сто крат. Ты не знаешь себя, потому ты и не влюбилась в себя, как Нарцисс... Она купается в молоке ослиц, а тебя искупала в своем молоке Венера. Ты не знаешь себя!.. Не смотри на нее. Взгляни на меня!.. Коснись губами этой чаши с вином, чтобы я мог потом прижать свои к этому же месту...

Он все ближе придвигался к ней, она же старалась отодвинуться к Актее. Но вот все смолкли, цезарь встал. Певец Диодор подал ему кифару, которую обычно называли дельтой;

второй, Терпнос, аккомпанировавший ему, приблизился со своим инструментом – *наблиумом*⁴⁵. Оперев дельту на стол и подняв кверху глаза, Нерон ждал, когда в триклиниуме установится полная тишина. С тихим шелестом сыпались на гостей с потолка розы.

Нерон начал петь, вернее, декламировать, певуче и ритмично, при звуках двух кифар, свой гимн Венере. Ни голос, несколько глухой, ни стихи не были плохи, так что бедную Лигию снова стали мучить укоры совести: гимн, прославляющий языческое божество, показался ей очень красивым, да и сам цезарь, с лавровым венком на челе, с поднятыми кверху глазами, гораздо менее страшным и не таким отвратительным, как в начале пира.

Гости разразились громом рукоплесканий. Возгласы «Божественный голос!» раздавались отовсюду; некоторые женщины, подняв кверху руки, так и остались, показывая этим свой восторг от пения, даже когда оно было закончено; другие вытирали заплаканные глаза; зал гудел, как рой пчел. Поппея, склонив золотистую головку, прижала к своим губам руку цезаря и долго держала ее так в молчании; молодой Пифагор, грек необыкновенной красоты, с которым впоследствии наполовину сумасшедший Нерон велел жрецам совершить брачный обряд, склонился теперь к ногам певца.

Но цезарь внимательно смотрел на Петрония, похвалы которого ему были всегда особенно приятны; тот сказал:

– Что касается музыки, то Орфей должен сейчас стать таким же желтым от зависти, как присутствующий здесь Лукан; а стихи – я жалею, что они не хуже, потому что, может быть, я и нашел бы тогда соответствующие выражения, чтобы хвалить их.

Лукан не рассердился за слова Петрония о зависти, наоборот, он с благодарностью посмотрел на него и, делая смущенное лицо, проворчал:

– Проклятая судьба, заставившая меня жить в одно время с таким поэтом. Можно было бы остаться в памяти людей и на Парнасе, а теперь приходится померкнуть, как светильник при солнце.

Петроний, обладавший изумительной памятью, стал цитировать отрывки из гимна, приводить отдельные стихи, расхваливая выражения и слова. Лукан, словно забыв о зависти под обаянием подлинной поэзии, присоединил к словам Петрония свои восторги. На лице Нерона было написано довольство и невероятное тщеславие, не только похожее на глупость, но и бывшее ею на самом деле. Он сам подсказывал выражения, которые считал наиболее удачными, потом стал утешать Лукана, говоря, чтобы тот не отчаивался, потому что каждый одарен лишь теми талантами, какие дала ему природа, и поклонение Юпитеру, свойственное людям, не исключает почитания и других богов.

Потом он встал, чтобы проводить Поппею, которая была больна в самом деле и теперь хотела удалиться к себе. Своим собеседникам он велел остаться на местах и ждать его возвращения. Скоро он действительно вернулся, чтобы вдыхать фимиам лести и смотреть на забавы, которые он сам, Петроний и Тигеллин приготовили для этого пира.

Снова читались стихи, произносились диалоги, в которых остроумие было заменено шутовством. Знаменитый мим Парис представил приключения Ионы, дочери Инаха. Гостям, особенно же Лигии, непривычной к подобным зрелищам, казалось, что они видят чудеса и колдовство. Движениями рук и тела Парис умел выражать такие вещи, которые, казалось, было совершенно невозможно выразить в танце. Он сделал несколько жестов, и под его руками как бы возникло светлое облако, живое, вздрагивающее, сладострастное, принявшее формы отдавшейся страсти женщины. Это была картина, а не танец, картина, обнажившая тайны любви – бесстыдная и очаровательная. После ее окончания вошли корибанты⁴⁶ и под звуки кифар, флейт, кимвалов и бубнов стали плясать с сирийскими девушками вакханалию, исполненную

⁴⁵ *Наблиум* – разновидность арфы.

⁴⁶ Жрецы фригийской богини Кибелы, сопровождавшие служение ей танцами и пением.

диких криков и еще более дикого разврата. Лигии казалось, что ее сожжет огонь, что молния должна ударить в этот дом, что потолок рухнет на головы пирующих.

Но из златотканой сети, укрепленной под потолком, сыпались только розы. Опыяненный Виниций говорил ей:

– Я видел тебя в доме Авла у бассейна, и я полюбил. Было утро, и ты думала, что никто на тебя не смотрит, но я видел... Я и сейчас вижу тебя такой, хотя и закутана ты в пеплум. Сбрось его, как сделала Криспинилла. И боги и люди жаждут любви. Кроме нее, нет ничего на свете! Положи свою голову мне на грудь и закрой глаза.

Сердце Лигии громко стучало. Ей казалось, что она падает в какую-то бездонную пропасть, и тот Виниций, который казался ей раньше близким и преданным, вместо того чтобы спасти, толкает ее туда. Ей было больно. Тревога и страх вернулись к ней – она боялась и этого пира, и Виниция, и себя самое. Голос, похожий на голос Помпонию, говорил в ее душе: «Лигия, спасайся!» Но другой голос шептал, что уже поздно, и если кого опалил подобный пламень, если кто видел все, происходившее на этом пиру, если у кого так билось сердце, как у нее, когда она внимала словам Виниция, если кто волновался так, как она, от прикосновений Виниция, – то такой человек погиб, погиб без возврата. Она чувствовала слабость. Казалось, она упадет в обморок, и после этого произойдет нечто ужасное. Она знала, что ей грозит гнев цезаря, если она уйдет раньше, чем встанет он, но если бы она и решилась, то уже не могла бы сделать этого.

До конца пира было еще далеко. Слуги приносили новые кушанья и все время подливали в чаши вино. Появились атлеты, чтобы дать возможность полюбоваться борьбой.

Борьба началась. Мускулистые, лоснящиеся от жира тела слились в одну массу, кости трещали в железных объятиях, сквозь сжатые зубы вырывалось враждебное рычание. Иногда слышалось тяжелое, глухое топанье их ног об пол, усыпанный перед тем шафраном, то снова они становились неподвижными, утихали, и зрителям казалось, что перед ними группа, изваянная из мрамора. Римляне с наслаждением смотрели на игру их невероятно напряженных мускулов, на изогнутые спины, железные икры и плечи. Но борьба не была долгой, потому что Кратон, главный учитель в школе гладиаторов, по справедливости считался самым сильным человеком в государстве. Его противник стал быстро дышать, потом захрипел, лицо его посинело, наконец, кровь полилась из горла, и он бессильно повис в железных объятиях Кратона.

Гром рукоплесканий знаменовал конец борьбы, Кратон встал на плечи повергнутого противника, скрестил на груди свои мощные руки и обвел торжествующим взором зал.

Потом пришли звукоподражатели, шуты, жонглеры, но на них мало смотрели, потому что вино туманило взоры пирующих. Пир постепенно перешел в пьяную и развратную оргию. Сирийки, перед тем плясавшие вакхический танец, теперь смешались с гостями. Музыка смешалась диким и бессмысленным воем труб, рожков, флейт, египетских систров, бряцанием кимвалов и кифар; когда пирующим захотелось разговаривать, то на музыкантов стали кричать и гнать их вон. Воздух был насыщен одуряющим запахом цветов, благовоний, которыми красивые мальчики во время пира кропили ноги гостей, шафраном и человеческим потом. Было душно, светильники горели тускло, венки на головах сбились на сторону, лица побледнели и покрылись каплями пота.

Вителий свалился под стол. Нигидия, наполовину обнаженная, склонила свою пьяную детскую головку на грудь Лукана, а он, тоже пьяный, стал сдувать золотую пудру с ее волос, закатывая при этом глаза. Вестин с упорством пьяницы в десятый раз повторял ответ Мопса на вопрос проконсула, а Туллий, смеявшийся над богами, говорил тягучим голосом, прерываемым икотой:

– Если Сферос Ксенофана кругл, то такого бога можно катить перед собой, как бочку.

Но Домиций Афр, старый вор и доносчик, был возмущен такими речами и от негодования облил всю свою тунику фалернским вином. Он всегда верил в богов. Говорят, что Рим погибнет, и есть даже такие, которые утверждают, что он уже гибнет. И верно!.. Но если это

наступит, то случится лишь потому, что у молодежи нет веры, а без веры не может быть добродетели. Забыты чистые старые обычаи, никому не приходит в голову, что эпикурейцы не будут в состоянии оказать сопротивление напору варваров. Он сожалеет, что дожил до таких времен и принужден в наслаждениях искать утешения от огорчений, которые в противном случае замучили бы его окончательно.

Сказав это, он привлек к себе молодую сирийскую девушку и беззубым ртом стал целовать ее шею и руки. Глядя на них, консул Меммий Регул захохотал и, подняв лысую голову, украшенную съехавшим набок розовым венком, сказал:

– Кто говорит, что Рим гибнет?.. Вздор!.. Я, консул, знаю хорошо... Тридцать легионов берегут наш римский мир... *рах гомана!*⁴⁷

И, подняв руки, он стал вопить на весь зал:

– Тридцать легионов!.. Тридцать легионов!.. От Британии до пределов парфянских...

Вдруг замолчал, задумался и, приложив палец ко лбу, добавил:

– А, пожалуй, будет тридцать два...

И свалился под стол, через минуту раздался его храп.

Но Домиция не успокоило число легионов, которые охраняют мир: «Нет! Нет! Рим должен погибнуть, потому что погибла вера в богов и приверженность к древним обычаям! Рим должен погибнуть... А жаль, потому что жизнь прекрасна, цезарь добр, вино хорошее... Жаль! Жаль! – И, спрятав голову на груди сирийки, он расплакался: – Какое мне дело до будущей жизни!.. Ахилл был прав, говоря, что лучше быть поденщиком в подсолнечном мире, чем царем в кимерийских краях. Да и то вопрос – существуют ли боги, хотя безверие так губительно для молодежи».

Лукан тем временем сдул всю пудру с волос Нигидии, которая, окончательно опьянев, заснула. Он снял с вазы обвивавший ее плющ и опутал им спящую. Сделав это, он стал смотреть на присутствующих радостно и вопрошающе.

Потом он и себя опутал плющом, повторяя с глубоким убеждением:

– Я не человек, я – фавн.

Петроний не был пьян, а Нерон, вначале бывший умеренным ради своего «божественного» голоса, под конец пил чашу за чашей и опьянел. Хотел было еще декламировать свои стихи, теперь уже греческие, но сбился, забыл и по ошибке спел песенку Анакреона. Ему вторили Пифагор, Диодор и Терпнос, но так как и у них дело не пошло на лад, то бросили и они. Нерон стал восторгаться, как знаток и любитель красоты, фигурой Пифагора и от восторга целовал его руки. Такие красивые руки он видел когда-то... У кого?..

Приложив руку к мокрому лбу, он стал вспоминать. Наконец вспомнил, и на пьяном лице его отразился вдруг ужас:

– Да, да, у матери, у Агриппины!

Им овладели мрачные мысли.

– Говорят, – сказал он, – что по ночам она ходит при свете луны по морю около Байев... Ходит, ходит, словно чего-то ищет. Приблизится к лодке, внимательно посмотрит – и отойдет... Но рыбак, на которого она взглянет, умирает.

– Недурная тема, – заметил Петроний.

Вестин вытянул шею, как журавль, и таинственно шептал:

– Не верю в богов, но в духов верю!

Нерон, не обращая внимания на их слова, продолжал:

– Ведь я выполнил все нужные обряды. Я не хочу ее видеть! Я должен, должен был казнить ее, потому что она подслала убийцу, и если бы я не опередил ее, вам не пришлось бы слышать моего пенья...

⁴⁷ Римский мир, римскую империю (*лат.*).

– Спасибо, цезарь, от имени города и мира! – воскликнул Домиций Афр.
– Вина! И пусть ударят в тимпаны!

Шум поднялся снова. Лукан, увитый плющом, желая всех перекричать, встал и начал вопить:

– Я не человек! Я – фавн и живу в лесу. Э... хо... ооо!..

Наконец цезарь опьянел совершенно, опьянели мужчины и женщины. Виниций был пьян не менее, чем другие, и кроме страсти в нем проснулось желание ссоры, что случалось каждый раз, когда он выпивал лишнее. Лицо его побледнело, язык путался, и он кричал раздраженно и повелительно:

– Дай мне твои губы! Сегодня, завтра – все равно!.. Довольно!.. Цезарь взял тебя у Авла, чтобы подарить мне... Понимаешь?.. Цезарь обещал мне тебя прежде, чем взял сюда... Ты должна быть моей. Дай мне губы!.. Я не хочу ждать до завтра!.. Скорее дай мне губы!..

Он обнял ее, но за нее вступилась Актея, да и сама Лигия защищалась из последних сил, чувствуя, что гибнет. Напрасно, однако, она силилась оттолкнуть его мускулистую руку, напрасно голосом, звучащим жалобой и страхом, умоляла его не быть таким и пожалеть ее. Насыщенное запахом вина дыхание было совсем близко, она увидела его лицо над собой. И это не был прежний добрый и дорогой Виниций, а пьяный злой сатир, который заставил ее почувствовать страх и отвращение.

Силы готовы были покинуть ее окончательно. Напрасно, откинувшись, она отворачивала лицо, чтобы уклониться от поцелуев, – он поднял ее, схватил обеими руками и, прижав ее голову к своей груди, прижал свои горячие губы к ее судорожно сжатому рту.

Но в эту минуту какая-то страшная сила разжала его руки, охватившие шею девушки, с такой легкостью, словно это были руки ребенка, и отодвинула всего его в сторону, как сухую ветку или увядший лист. Что случилось? Виниций протер изумленные глаза и вдруг увидел над собой гиганта-лигийца, которого звали Урсом и которого он видел в доме Авла.

Урс стоял спокойный и смотрел на Виниция голубыми глазами так странно, что у молодого человека кровь застыла в жилах. Потом он взял на руки свою царевну и ровным, спокойным шагом вышел из триклиниума.

Актея тотчас ушла следом за ним.

Виниций на мгновение остолбенел, потом вскочил и бросился к выходу.

– Лигия! Лигия!..

Но страсть, изумление, бешенство и вино сделали его бессильным. Он покачнулся раз, другой, потом схватил голые руки одной из вакханок и стал спрашивать ее, моргая глазами:

– Что случилось?

Она же, взяв чашу с вином, подала ему и с улыбкой в затуманенных глазах сказала:

– Пей!

Виниций выпил и свалился.

Большая часть гостей лежала под столом; иные, шатаясь, бродили по триклиниуму, иные спали на пиршественных ложах, громко храпели и стонали... И на пьяных консулов и сенаторов, военачальников, философов, поэтов, на танцовщиц и патрицианок – на весь этот мир, еще всемогущий, но уже лишенный души, увенчанный и разнузданный, уже угасающий, – из золотой сети у потолка сыпались одна за другой розы.

На дворе стало светать...

VIII

Урса никто не остановил, никто даже не спросил, что он делает. Те из гостей, кто не лежал еще под столом, переходили с места на место, и поэтому слуги, видя великана, несущего на руках участвовавшую в пире девушку, могли подумать, что какой-то раб уносит свою опьяневшую госпожу. Наконец, за ними шла Актея, и это устранило все подозрения.

Таким образом они вышли из триклиниума в прилегавший зал, оттуда на галерею, ведущую к покоям Актеи.

Лигия была так обессилена, что лежала как мертвая в руках Урса. Когда обвеял ее холодный и чистый утренний воздух, она открыла глаза. Было совсем светло. Они прошли колоннаду и свернули в боковой портик, выходящий не на двор, а в дворцовые сады, в которых вершины кипарисов и пиний уже румянились от утренней зари. В этой части дворца было пусто, сюда еле долетали звуки музыки и пьяный гомон гостей. Лигии казалось, что ее вырвали из ада и вынесли на свет Божий. Было, значит, еще что-то, кроме этого отвратительного триклиниума. Было небо, заря, свет и тишина. Девушка вдруг заплакала и, прижимаясь к груди великана, стала повторять сквозь рыдания:

– Домой, Урс, домой! Домой, к Авлу!..

– Пойдем, – ответил Урс.

Они очутились, однако, в небольшом атриуме жилища Актеи. Урс посадил девушку на мраморной скамье близ фонтана, Актея стала успокаивать ее и уговаривать лечь, уверяя, что пока ей не угрожает ничто, так как пьяные гости будут спать теперь до вечера. Но Лигия долго не могла успокоиться и, сжав руками голову, повторяла, как ребенок:

– Домой! Домой!..

Урс готов был увести Лигию. Правда, при воротах стояли преторианцы, но они смогут пройти. Солдаты не останавливают уходящих. Там кишит множество лектик. Гости станут выходить группами. Их никто не заметит. Выйдут с толпой и направятся к дому. Впрочем, как царевна хочет, так и будет. За тем он здесь. Лигия повторяла:

– Да, да, Урс, уйдем!

Актее пришлось долго уговаривать обоих. Уйдут! Да! Никто их не задержит. Но из дома цезаря уходить нельзя, и кто сделает это, виновен в оскорблении величества. Уйдут, но к вечеру центурион с отрядом солдат принесет смертный приговор Авлу и Помпонии, а Лигию уведет обратно во дворец – и тогда не будет ей спасения. Если Плавтии примут ее в свой дом – смерть ждет их наврное.

У Лигии опустились руки. Делать было нечего. Она должна выбирать между гибелью Плавтиев и своей собственной. Отправляясь на пир, она питала надежду, что Виниций и Петроний выпросят у цезаря разрешение вернуться к Помпонии, – теперь она знала, что именно они и подговорили цезаря вытребовать ее от Авла. Делать нечего. Только чудо может спасти ее. Чудо и всемогущество Божье.

– Актея, – сказала она с отчаянием, – слышала ли ты, что сказал Виниций? Цезарь подарил меня ему, – сегодня вечером он придет за мной своих рабов и возьмет в свой дом.

– Да, я слышала, – ответила Актея.

И, раскинув руки, она умолкла. Отчаяние Лигии не находило в ней отклика. Ведь она сама была любовницей Нерона. Сердце ее, хотя и доброе, не умело почувствовать позорность таких отношений. Рабыня, она сжилась с правами рабства, а кроме того, она до сих пор любила Нерона. Если бы он захотел вернуться к ней, она протянула бы руки навстречу, как к высшему счастью. Понимая прекрасно, что Лигия или должна сделаться любовницей молодого и прекрасного Виниция, или подвергнуть себя и Авла с женой гибели, она просто не могла понять, как могла девушка колебаться.

– В доме цезаря, – сказала она немного спустя, – ты не в большей безопасности, чем у Виниция.

Ей и не пришло в голову, что, хотя она и сказала правду, слова ее значили: «Покорись судьбе и будь наложницей Виниция». Но Лигия, еще чувствующая на губах его полные животной страсти и горячие как уголь поцелуи, застыдилась и покраснела от одного лишь воспоминания об этом.

– Никогда! – с отчаянием воскликнула она. – Я не останусь здесь и не буду у Виниция! Никогда!

Актея удивилась:

– Неужели Виниций столь ненавистен тебе?

Лигия не ответила, потому что снова залилась слезами. Актея приласкала ее и стала успокаивать. Урс тяжело дышал и сжимал свои огромные кулаки. Преданный как собака своей царевне, он не мог выносить ее слез. В его лигийском полудиком сердце явилось желание вернуться в зал и задушить Виниция, а если понадобится, то и самого цезаря. Но он не решился предложить это своей госпоже, не будучи уверен, соответствовал ли этот план, на первый взгляд столь простой, учению распятого Агнца.

Актея, прижав к себе Лигию, снова спросила:

– Неужели он так ненавистен тебе?

– Нет, – ответила Лигия, – я не имею права его ненавидеть: я – христианка.

– Знаю. Знаю также из писем Павла, что вам нельзя страшиться смерти больше, чем греха, но ответь мне: позволяет ли ваше учение убивать?

– Нет.

– Тогда как же ты можешь вызывать месть цезаря на голову Авла?

Наступило молчание. Снова бездонная пропасть разверзлась перед Лигией.

– Я спрашиваю потому, что мне жаль милой Помпони, старика Авла, их ребенка. Я давно живу в этом доме и знаю, что такое гнев цезаря. Нет. Вы не можете уйти отсюда. Остается одно: умолять Виниция, чтобы он вернул тебя Помпони.

Но Лигия опустилась на колени, чтобы умолять кого-то другого. Урс также встал на колени, и на утренней заре оба стали молиться в доме цезаря.

Актея впервые видела подобную молитву и не могла оторвать взора от Лигии, которая, повернувшись к ней профилем, с поднятой головой и протянутыми руками, смотрела на небо, словно оттуда ожидая спасения. Заря освещала ее темные волосы и белый пеплум, отражалась в глазах – и девушка, вся в сиянии, сама казалась источником света. В ее побледневшем лице, в полуоткрытых губах, в поднятых глазах и простертых вперед руках чувствовался какой-то неземной восторг. И теперь Актея поняла, почему Лигия не может стать ничьей любовницей. Перед покинутой возлюбленной Нерона словно открылся край завесы, за которой таилась иная жизнь, иной мир, совсем не такой, к которому она привыкла. Ее изумила эта молитва в доме преступлений и позора. Минуту тому назад ей казалось, что для Лигии нет спасения, теперь она стала верить, что возможно нечто необыкновенное, что помощь явится, и помощь эта будет столь могущественной, что даже сам цезарь не в силах будет бороться с ней, – с неба в защиту девушки сойдет крылатое воинство или солнце подстелет ей под ноги свои лучи, чтобы вознести к себе. Она слышала о многих чудесах у христиан и теперь подумала, что, должно быть, все это правда, раз Лигия может так молиться.

Наконец Лигия встала с лицом, озаренным надеждой. Урс также встал и, прислонившись к скамье, смотрел на свою госпожу, ожидая ее слов.

Глаза девушки затуманились, и две крупные слезы медленно покатались по лицу.

– Да благословит Господь Помпонию и Авла! – сказала она. – Нельзя мне губить их, поэтому я больше не увижу их никогда.

Потом, обратившись к Урсу, она стала говорить, что он один остался у нее теперь на свете и должен стать ее отцом и опекуном. Нельзя идти в дом Авла, чтобы не навлечь на него гнев цезаря. Но нельзя также оставаться ни у цезаря, ни у Виниция. Пусть поэтому Урс уведет ее из города, скроет где-нибудь, чтобы не могли найти ее Виниций и его слуги. Она пойдет за ним хоть за море, хоть за горы, к варварам, где неведомо имя римлян и куда не простирается власть цезаря. Пусть он возьмет ее и спасет, потому что один он остался у нее.

Лигиец был согласен и в знак повиновения склонился и обнял ее ноги. На лице Актеи, ожидавшей чуда, отразилось разочарование. Столько лишь могла сделать молитва? Убежать из дома цезаря – значит совершить преступление, оскорбить величество, и это будет отпущено: если даже Лигии удастся бежать, то цезарь выместит свой гнев на Авле. Если уж она непременно хочет бежать, пусть бежит из дома Виниция. Тогда цезарь, который не любит заниматься чужими делами, может быть, не захочет даже помогать Виницию в розысках, и уж во всяком случае тогда это не будет носить характера оскорбления достоинства цезаря.

Но Лигия так и думала сделать. Плавтии не будут даже знать, где она, даже Помпония... Но убежит она не из дома Виниция, а с дороги. Опьяневший, он признался, что вечером пришлет за ней своих рабов. Наверно, он сказал правду, чего не сделал бы, если бы был трезв. По-видимому, он сам, а может быть, и оба они с Петронием перед пиром повидались с цезарем и добились обещания, что он выдаст Лигию на другой день вечером. Если сегодня они об этом забыли, то пришлют за ней завтра. Но Урс спасет ее. Он подойдет, возьмет ее из лектики и унесет, как унес из триклиниума, – и они скроются. Никто не сможет оказать сопротивления Урсу. С ним не сладил бы даже тот ужасный силач, который вчера боролся на пиру. Но так как Виниций может прислать большое количество рабов, то Урс отправится сейчас к епископу Линну, чтобы попросить совета и помощи. Епископ сжалится над ней, не оставит во власти Виниция и велит христианам пойти с Урсом ей на помощь. Они отобьют ее и спрячут, потом Урс сумеет унести ее из города и скрыть где-нибудь.

Лицо Лигии раздумянилось и озарилось улыбкой. Надежда снова вернулась, словно план спасения уж стал действительностью. Она вдруг бросилась на шею Актее и, прижав губы к ее уху, прошептала:

– Ведь ты не выдашь нас? Не правда ли?

– Клянусь тенью матери, – ответила та, – я буду молчать, а ты проси своего Бога помочь Урсу отбить тебя.

Голубые детские глаза великана светились счастьем. Он не сумел ничего придумать, хотя долго ломал голову, но это-то он сумеет сделать. Днем ли, ночью – ему все равно... Пойдет к епископу, тот хорошо знает, что нужно делать, чего не нужно. Христиан он мог бы и сам собрать. Разве мало у него знакомых рабов, и гладиаторов, и свободных людей, на Субурре и за рекой. Он наберет их тысячу, две... И отобьет свою госпожу, уведет из города, пойдет с ней хоть на край света, хоть на свою родину, где никто даже не слышал о римлянах.

Он поднял голубые глаза, словно увидел перед собой отдаленное прошлое. Потом сказал:

– Уйдем в леса! Гей, какие там леса, какие леса!

Но тотчас прервал свои мечты.

Сейчас он отправится к епископу, а вечером с сотней людей будет поджидать ее лектику. И пусть даже ее сопровождают не простые рабы, а преторианцы! Лучше будет не соваться ему под руку даже человеку, закованному в железные доспехи... Разве это железо такое уж крепкое! Если посильнее ударить по шлему, то голова под ним, наверное, не выдержит.

Но Лигия с великой и вместе с тем детской серьезностью подняла палец вверх.

– Урс, «не убий!», – сказала она.

Лигиец в замешательстве стал почесывать затылок своей огромной рукой: да ведь он должен выручить ее... «свое солнышко»... Ведь она же сама сказала, что теперь его черед заботиться о ней... Он постарается, насколько окажется это возможным. Но если случится

невольно?... Ведь должен он отбить ее! Если уж это произойдет, то он покается и будет так просить прощения у Невинного Агнца, что Распятый сжалится наконец над ним, бедным... Он не хочет ведь оскорбить Агнца, да рука у него такая уж тяжелая...

Большое волнение отражалось на его лице, но он, чтобы скрыть его, низко поклонился и сказал:

– Так я отправлюсь к святому отцу.

Актея обняла Лигию и заплакала. Она еще раз поняла, что есть какой-то другой мир, где даже в страданиях больше счастья, чем во всей роскоши и пышности дома цезаря; еще раз раскрылись перед ней какие-то светлые двери, но вместе с тем она почувствовала, что недостойна войти в эти двери.

IX

Лигии жаль было Помпонию Грецину, которую она любила от всей души, жаль было дом старого Авла, однако отчаяние ее прошло. Ей даже легко было при мысли, что ради своей правды она жертвует достатком и удобствами и начинает скитальческую, полную лишений жизнь. Может быть, в этом и было немного детского любопытства – какой будет эта жизнь в далеких краях, среди варваров и диких зверей, но еще больше было глубокой и цельной веры, что она поступает так, как повелел великий Учитель, что теперь Он сам будет заботиться о ней, как о послушном и верном ребенке. И в таком случае какое зло может встретить ее? Придут ли страдания – она перенесет их во имя Его. Придет ли неожиданная смерть – значит, Он призовет ее к Себе, а когда умрет и Помпония, они будут навсегда вместе. Не раз в доме Авла она думала о том, что, будучи христианкой, ничего не может сделать для Распятого, о котором с таким волнением говорил Урс. Но теперь настал час. Лигия чувствовала себя почти счастливой и стала говорить о своем счастье Актее, которая, однако, не могла понять его. Бросить все, бросить дом, богатство, город, сады, храмы, портики – все, что есть прекрасного, бросить солнечную страну и близких людей – и для чего? Чтобы избежать любви молодого и красивого военачальника!.. В голове Актеи это не могло поместиться. Иногда она чувствовала, что есть в этом какая-то правда, может быть, даже таинственное большое счастье, но не могла ясно отдать себе отчета, особенно потому, что ведь Лигию ждала большая опасность, – дело с ее побегом могло плохо кончиться. Лигия рисковала головой. Актея была по природе боязливой и со страхом думала о том, что мог принести сегодняшний вечер. Но она не хотела говорить о своих опасениях Лигии.

Наступил день, солнце заглянуло в атриум. Актея стала уговаривать Лигию отдохнуть после бессонно проведенной ночи. Лигия согласилась, и они ушли в спальню, большую и пышную... Там легли они рядом, но Актея, несмотря на усталость, не могла уснуть. Она давно была печальной и несчастной, но теперь ее охватила такая тревога, какой никогда прежде она не знала. До сих пор жизнь казалась ей тяжелой и лишенной будущего, теперь вдруг она стала для нее совершенно пустой.

Ее мысли окончательно спутались. Светлые двери снова то раскрывались, то закрывались. Но в минуты, когда они были раскрыты, свет ослеплял ее настолько, что она ничего не видела. Она угадывала, что в этом свете таится некое счастье, безмерное и настолько ни с чем не сравнимое, что если бы, например, цезарь отослал Поппею и вернулся снова к ней, Актее, то и это было бы ничем. Ей пришла в голову мысль, что цезарь, которого она любила и невольно считала полубогом, так же ничтожен, как и любой раб, а этот дворец с колоннами из нумидийского мрамора ничем не лучше груды камней. Но под конец эти мысли, в которых она не могла дать себе ясного отчета, стали мучить ее. Она хотела уснуть, но от волнения и тревоги не могла.

Думая, что и Лигия, которой угрожало столько опасностей и горя, также не спит, она повернулась к ней, чтобы поговорить о вчерашнем пире. Но Лигия спокойно спала. В темную спальню сквозь неплотно задвинутые занавески врывалось несколько солнечных полосок, в которых кружилась золотая пыль. Актея смотрела на нежное лицо Лигии, лежавшее на обнаженной руке, на закрытые глаза и приоткрытые губы. Она ровно дышала, как дышат спокойно спящие люди.

«Она спит!.. Она может спать! – подумала Актея. – Дитя!»

Но тотчас ей пришло в голову, что, однако, это дитя предпочитает бежать, но не стать любовницей Виниция, предпочитает нищету позору, скитание – роскошному дому, нарядам, драгоценностям, пирам, звуку флейт и кифар.

«Почему?»

И она смотрела на Лигию, словно хотела прочесть ответ на лице спящей девушки. Она смотрела на красивый лоб, на изгиб спокойных бровей, на темные ресницы, на мягкие губы, на спокойно дышащую девичью грудь. И снова подумала: «Она совсем не такая, как я!»

Лигия казалась ей чудом, божественным видением, любимицей богов, в сто крат прекраснейшей всех цветов в садах цезаря, всех статуй в его дворце. Но в сердце гречанки не было зависти. Наоборот, вспомнив о грозивших девушке опасностях, она от души пожалела ее. В ней проснулось нечто вроде чувства матери. Лигия казалась ей не только прекрасной, как светлый сон, но и любимой. И, склонив к ней свое лицо, она стала целовать девушку.

Лигия спала спокойно, как будто дома, у Помпони Гречицы. И спала долго. Миновал полдень, когда она открыла свои голубые глаза и с большим удивлением стала озираться в незнакомой спальне.

Удивилась, что она не в доме Авла.

– Это ты, Актея? – спросила она наконец, увидев в полутьме лицо гречанки.

– Я, Лигия.

– Разве уж вечер?

– Нет, дитя, но полдень уже прошел.

– Урс еще не вернулся?

– Он не говорил, что вернется; ведь он будет с христианами поджидать лектику вечером по дороге к Виницию.

– Да, да!

Они вышли из спальни и отправились в баню; Актея, искупав Лигию, повела ее завтракать, потом они пошли гулять по саду, где им не могла грозить никакая опасная встреча, потому что цезарь и его приближенные еще спали. Лигия первый раз в жизни видела эти великолепные сады, множество кипарисов, пиний, дубов, олив и мирт, среди которых жило целое племя мраморных статуй, блистали спокойные зеркала прудов, цвело множество роз, орошаемых влажной пылью фонтанов; вход в пещеры и гроты был обрамлен плющом и виноградом, на воде плавали серебристые лебеди, а среди мрамора и деревьев бродили стройные газели из африканской пустыни и летали красивые птицы, привезенные сюда со всех концов Земли.

Сады были пусты, и лишь в некоторых местах работали рабы, вполголоса напевая что-то; иные, которым позволено было немного отдохнуть, сидели у прудов или в тени деревьев, пестрые от дрожавших на них солнечных кружочков; некоторые поливали розы и бледные цветы шафрана. Довольно долго гуляли Актея и Лигия, любуясь великолепием садов, и хотя мысли Лигии были заняты совсем другим, она не могла, однако, будучи слишком юной, противостоять любопытству и внешней занимательности. Ей даже пришло в голову, что, если бы цезарь был добрым, он мог бы в таких садах также быть и очень счастливым.

Утомившись наконец, они сели на скамье, скрытой среди кипарисов, и стали беседовать о том, что больше всего волновало обеих, – о побеге Лигии сегодня вечером. Актея гораздо меньше Лигии верила в успех этого плана. Иногда ей даже казалось, что это безумие, которое не может кончиться удачей. Она все больше жалела Лигию. Ей приходило в голову, что гораздо безопаснее было бы попытаться уговорить Виниция. Она стала расспрашивать Лигию, давно ли та знает Виниция и не думает ли, что его можно упросить вернуть ее Помпони.

Но Лигия печально покачала своей темной головкой:

– Нет. В доме Авла Виниций был другим – очень добрым, но со вчерашнего вечера я боюсь его и предпочитаю бежать к лигийцам.

Актея спросила:

– Но в доме Авла он был тебе мил?

– Да, – ответила девушка, пряча лицо.

– Но ведь ты не рабыня, как была я прежде, – сказала, немного подумав, Актея. – Виниций мог бы взять тебя в жены. Ведь ты заложница и дочь царя. Авл любит тебя, как дочь, и я уверена, что они могли бы усыновить тебя. Виниций может жениться на тебе, Лигия.

Но девушка ответила тихо и печально:

– Нет, лучше бежать к лигийцам.

– Лигия, хочешь, я пойду сейчас к Виницию, разбужу его, если он спит еще, и скажу ему все, что только что говорила тебе? Да, моя дорогая, я пойду и скажу ему: «Виниций, она царевна и приемная дочь славного Авла; если ты любишь, верни ее Авлу, а потом введи женой в свой дом».

Но девушка ответила голосом настолько тихим, что Актея с трудом услышала ее:

– Нет, лучше к лигийцам...

И две слезы повисли на ее опущенных ресницах.

Дальнейший разговор был прерван шумом приближающихся шагов, и, прежде чем Актея успела посмотреть, кто идет, к скамье подошла Сабина Поппея с небольшой толпой служанок. Две рабыни держали над ее головой опахало из страусовых перьев, которым они овеивали ее и вместе с тем защищали от жаркого, хотя и осеннего уже солнца, а впереди шла черная как уголь эфиопка с большими, казалось, переполненными молоком грудями и несла на руках ребенка, завернутого в пурпур, расшитый золотом. Актея и Лигия встали, думая, что Поппея пройдет мимо, не обратив на них внимания, но она остановилась и сказала:

– Актея, бубенцы, которые ты пришивала к кукле, оказались плохо пришитыми: дитя оторвало один из них и понесло в рот; к счастью, Лилит заметила это вовремя.

– Прости, божественная, – ответила Актея, скрестив на груди руки и склонив голову.

Поппея посмотрела на Лигию.

– Чья это рабыня? – спросила она.

– Это не рабыня, божественная Августа, а воспитанница Помпонию Грецины и дочь лигийского царя, данная самим царем в качестве заложницы римлянам.

– Она пришла навестить тебя?

– Нет, Августа. Со вчерашнего дня она живет во дворце.

– Была вчера на пиру?

– Была, божественная.

– По чьему приказанию?

– По приказанию цезаря...

Поппея еще внимательнее стала рассматривать Лигию, которая стояла перед ней опустив голову, то поднимая на нее свои светившиеся любопытством глаза, то прикрывая их ресницами. На лице Августы меж бровей легла складка. Ревнивая к своей красоте и власти, она жила в вечной тревоге, чтобы какая-нибудь счастливая соперница не погубила ее так же, как она погубила Октавию. Поэтому каждое красивое лицо во дворце будило ее подозрение. Взором знатока она сразу увидела красоту тела Лигии, оценила каждую черточку ее лица и испугалась. «Это нимфа, – подумала она. – Ее родила Венера». И ей неожиданно пришла в голову мысль, никогда не приходившая раньше, когда ей случалось встречать красивое лицо, что она, Поппея, старше. В ней зашевелилось уязвленное самолюбие, охватил страх, разные опасения промелькнули быстро в ее душе. «Может быть, Нерон не видел ее или не оценил, рассматривая ее в изумруд. Но что будет, если он встретит ее днем при солнце, такую прекрасную? Кроме того, она не рабыня, она дочь царя, правда, варвара, – а все же царская дочь!.. Бессмертные боги!.. Она так же хороша, как и я, но моложе!» И складка меж бровей стала больше, а глаза из-под золотых ресниц светились холодным блеском.

Обратившись к Лигии, она с притворным спокойствием спросила:

– Ты разговаривала с цезарем?

– Нет, Августа.

– Почему предпочитаешь быть здесь, а не у Авла?

– Я не предпочитаю этого. Петроний подговорил цезаря отнять меня у Помпонии, я здесь не по своей воле, о госпожа!..

– Ты хотела бы вернуться к Помпонии?

Последний вопрос Поппея задала более мягким и ласковым голосом, поэтому в сердце Лигии вдруг появилась надежда.

– Госпожа, – сказала она, протягивая руки, – цезарь обещал отдать меня, как рабыню, Виницию, но ты заступись за меня и верни Помпонию.

– Значит, Петроний уговорил цезаря взять тебя у Авла и отдать Виницию?

– Да, госпожа. Виниций сегодня же хочет прислать за мной, но ты, добрая, сжался надо мной.

Сказав это, она склонилась и, поймав край платья Поппеи, с бьющимся сердцем ждала ответа. Поппея посмотрела на нее с лицом, на котором появилась вдруг злая улыбка, потом сказала:

– Итак, обещаю, что сегодня же ты станешь рабой Виниция.

И отошла, прекрасная, но злая. До слуха Актеи и Лигии долетел крик младенца, который неизвестно почему вдруг заплакал.

Глаза Лигии также наполнились слезами, но она превозмогла себя и, взяв руку Актеи, сказала:

– Вернемся. Помощи следует ждать лишь оттуда, откуда она может прийти.

Они вернулись в атриум, которого не покидали до вечера. Когда стемнело и слуги принесли большие светильники, обе женщины были очень бледны. Разговор каждую минуту прерывался, обе прислушивались, не идет ли кто-нибудь. Лигия все время повторяла, что хотя ей жаль покидать Актею, но так как Урс ждет ее где-то во мраке, то она предпочитает, чтобы все было кончено сегодня. Но от волнения она дышала чаще и громче. Актея лихорадочно собрала драгоценности и завязала их в угол пеплума, заклиная Лигию, чтобы она не отвергла ее дара, который даст необходимые средства для побега. Томительная тишина обманывала слух. Общим казалось, что они слышат чей-то шепот за шторой, то плач ребенка, то лай собак.

Вдруг штора бесшумно раздвинулась, и, как дух, в атриуме появился высокий черный человек с лицом, изрытым оспой. Лигия тотчас узнала Атакина, вольноотпущенника Виниция, который приходил в дом Авла.

Актея вскрикнула, но Атакин низко поклонился и сказал:

– Божественной Лигии от Марка Виниция привет! Он ждет ее с ужином в своем доме, украшенном зеленью.

Губы девушки совершенно побелели.

– Иду, – сказала она.

И обняла, прощаясь, Актею.

Х

Дом Виниция действительно был украшен миртами и плющом, из которых были свиты гирлянды по стенам и над входом. Колонны были увиты виноградом. В атриуме от холода была сверху протянута шерстяная пурпурная штора и горело множество светильников, имевших самую разнообразную форму – зверей, деревьев, птиц, человеческих фигур, поддерживающих лампу, наполненную ароматным маслом; были светильники из алебастра, мрамора, позолоченной коринфской меди, – не столь роскошные, как тот знаменитый светильник из храма Аполлона, которым пользовался Нерон, но все же прекрасные и принадлежавшие резцу известных скульпторов. Некоторые светильники были прикрыты александрийским стеклом или заслонены прозрачными индийскими материями, красной, голубой, желтой, фиолетовой, так что весь атриум сверкал разноцветными огнями. Чувствовался сильный запах нарда, к которому Виниций привык на Востоке и очень полюбил. В глубине дома, где сновали мужские и женские фигуры рабов, было так же светло. В триклинииум стол был приготовлен для четверых, потому что кроме Виниция и Лигии в пиршестве должны были принять участие Петроний и Хризотемида.

Виниций во всем следовал словам Петрония, который советовал ему не ходить лично за Лигией, а послать Атакина с полученным от цезаря разрешением, самому же принять ее в доме, и принять приветливо, выказывая ей даже знаки уважения.

– Вчера ты был пьян, – говорил Петроний. – Я все видел, ты вел себя с ней как каменщик с Альбанских гор. Не будь слишком стремителен и помни, что хорошее вино следует пить медленно. Знай также, что сладостно – желать, но еще сладостнее – быть желанным.

Хризотемида держалась относительно этого другого мнения, но Петроний, называя ее своей весталкой и голубкой, стал ей объяснять разницу между опытным цирковым возницей и мальчиком, который в первый раз взошел на квадригу. Потом, обратившись к Виницию, продолжал:

– Добейся ее доверия, утешь ее, будь с ней великодушным. Мне не хотелось бы участвовать в печальном пиршестве. Поклянись Аидом, что вернешь ее в дом Помпонии, – и она будет вся твоя, завтра она предпочтет остаться, чем вернуться к Авлу.

Потом, указывая на Хризотемиду, прибавил:

– В продолжение пяти лет я во всем поступаю приблизительно таким образом с этой робкой девушкой и не могу пожаловаться на ее строгость...

Хризотемида ударила его веером из павлиньих перьев и сказала:

– Разве я не сопротивлялась, сатир?

– Считаюсь с моим предшественником...

– Разве ты не был у моих ног?

– Чтобы надевать на их пальцы золотые кольца.

Хризотемида невольно взглянула на свои ноги – на пальцах действительно сверкали драгоценные камни; оба стали смеяться. Но Виниций не слушал их спора. Сердце его беспокойно билось под пестрой одеждой сирийского жреца, которую он надел ради прихода Лигии.

– Они уже должны выйти из дворца, – сказал он, словно разговаривая сам с собой.

– Да, – ответил Петроний. – Тем временем, может быть, тебе рассказать о колдовстве Аполлония Тианского или историю Руфина, которую я как-то начал рассказывать и не знаю почему не закончил.

Но Виниция равно мало интересовали и Аполлоний Тианский и Руфин. Мысль его была прикована к Лигии, и хоть он чувствовал, что красивее было принять ее в своем доме, чем идти в качестве палача во дворец, однако он все-таки жалел, что не пошел сам за ней, – тогда бы он раньше увидел ее и сидел бы теперь рядом с ней в полутемной лектике.

Рабы внесли треножник, на котором была укреплена бронзовая чаша с горячими угольями, на которые они стали сыпать щепотки мирры и нарда.

– Они теперь повернули к Каринам, – снова сказал Виниций.

– Он не выдержит, побежит навстречу и, чего доброго, разойдется с ними, – воскликнула Хризотемида.

Виниций рассеянно улыбался.

– Нет, нет! Я выдержу.

Он тяжело дышал и явно волновался; видя это, Петроний пожал плечами.

– Нет в нем философа ни на одну сестерцию, – сказал он. – Никогда не сумею я из этого сына Марса сделать человека.

Виниций ничего не слышал.

– Теперь они на Каринах!..

Действительно, в эту минуту они свернули к Каринам. Рабы, называемые лампадарии, шли со светильниками впереди, другие, педисеквы, окружали лектику. Атакин шел сзади и смотрел за порядком.

Продвигались медленно, потому что светильники слабо освещали погруженную в мрак улицу. Ближайшие переулки были пустынные, лишь иногда пробирался одинокий прохожий с фонариком; но по мере того как шествие подвигалось вперед, улица оживала, из темных переулков выходили люди, по двое, по четверо, без фонарей, в темных плащах. Некоторые шли вместе, смешиваясь с толпой рабов Виниция, иные небольшими группами заходили вперед. Иные шатались, словно пьяные. Становилось тесно, лампадарии принуждены были кричать:

– Дорогу благородному трибуну Марку Виницию!

Сквозь занавески Лигия видела эту темную толпу и трепетала от волнения. Надежда сменялась тревогой, и наоборот. «Это он! Это Урс с христианами! Сейчас начнется, – шептала она дрожащими губами. – О, Христос, помоги! О, Христос, помоги!»

Атакин, не обращавший до сих пор внимания, теперь стал беспокоиться при виде напиравшей толпы и необыкновенного оживления улицы. Происходило нечто странное. Лампадарии все чаще принуждены были кричать: «Дорогу лектике благородного трибуна!» С боков незнакомцы теснили лектику настолько, что Атакин приказал отгонять их палками.

Вдруг внезапный крик раздался впереди, и все светильники сразу погасли. Вокруг лектики произошла свалка.

Атакин понял: это было нападение.

И, поняв, он похолодел. Все знали о том, что цезарь ради забавы часто разбойничает с толпой приближенных на Субурре и в других частях города. Известно было, что иногда он возвращался во дворец с синяками, – но тот, кто защищался, будь он даже сенатором, был обречен на смерть. Казарма вигилей⁴⁸, обязанность которых была наблюдать за порядком в городе, находится недалеко, но стража в подобных случаях делала вид, что ничего не видит и не слышит. Около лектики кипела борьба; люди били друг друга, толкали, падали; Атакин подумал, что прежде всего необходимо спасти Лигию и себя, бросив остальных на произвол судьбы. Вытащив Лигию из лектики, он схватил ее на руки и пытался скрыться в темноте.

Но Лигия стала кричать:

– Урс! Урс!

Она была в белом, поэтому ее легко можно было заметить. Свободной рукой Атакин стал кутать ее в свой плащ, как вдруг страшные клещи сжали его руку, а на голову словно камень обрушилась какая-то сокрушающая глыба.

Он рухнул на землю, как вол, которого ударили обухом перед жертвенником Юпитера.

⁴⁸ Вигили – ночная стража.

Рабы почти все лежали на земле, иные спасались, попрятавшись в темноте за углами домов. На месте осталась поломанная в свалке лектика. Урс уносил Лигию к Субурре, его товарищи поспешали за ними, постепенно исчезая вдали.

Уцелевшие рабы стали собираться перед домом Виниция и совещаться. Не решались войти. Вернулись снова к месту свалки, на котором нашли несколько мертвых тел и среди них Атакина. Он еще вздрагивал, но после недолгой агонии выпрямился и застыл.

Тогда они взяли его тело и, вернувшись, снова остановились у входа в дом.

– Пусть Гулон войдет первым, – раздалось несколько голосов, – он весь в крови, и господин его любит, – ему менее опасно, чем нам.

Германец Гулон, старый раб, вынянчивший некогда Виниция, достался ему от матери, сестры Петрония. Он сказал:

– Хорошо, я буду говорить, но войдем все вместе. Пусть не на меня одного обрушится его гнев.

Виниций выходил из себя от нетерпения. Хризотемида и Петроний подсмеивались над ним, а он ходил по атриуму крупными шагами взад и вперед, повторяя:

– Они должны сейчас войти в дом!

И хотел бежать навстречу, а те удерживали его.

Вдруг раздался топот и в атриум убежала толпа рабов; упав около стены, они подняли руки вверх и завывали дикими голосами:

– Ааа!.. Ааа!

Виниций кинулся к ним.

– Где Лигия? – закричал он страшным, изменившимся голосом.

– Ааааа!..

Вдруг Гулон выдвинулся вперед со своим окровавленным лицом и жалобно воскликнул:

– Вот кровь, господин! Мы защищались! Вот кровь! Вот кровь!..

Он не успел кончить, Виниций схватил бронзовый светильник и одним ударом раскроил череп старого раба, потом схватил себя за голову обеими руками, прохрипев:

– Увы мне! Горе мне, несчастному!

Его лицо посинело, глаза закатились, пена появилась на губах.

– Розог! – завопил он нечеловеческим голосом.

– Господин! Аааа! Аа! Сжался! – стонали рабы.

Петроний встал с выражением гадливости на лице.

– Пойдем, Хризотемида! – сказал он. – Если тебе хочется смотреть на мясо, то я велю открыть лавку мясника на Каринах.

И он вышел из атриума.

А в доме, украшенном зеленью плюща и мирт и убранном для пира, через минуту раздалась вопли и стоны рабов и свист розог, которые слышны были почти до утра.

XI

Этой ночью Виниций не спал совсем. После ухода Петрония, когда стоны истязаемых рабов не могли утишить его боли и бешенства, он взял толпу других рабов и во главе ее поздней ночью отправился на поиски Лигии. Он был на Эсквилине, потом на Субурре, на Злодейской улице и по всем прилегавшим переулкам. Обойдя вокруг Капитолий, через мост Фабриция он прошел на остров, потом побывал в части города за Тибром. Но это была бесцельная погоня, и у него самого не было надежды вернуть Лигию, – если он искал ее, то лишь затем, чтобы чем-нибудь заполнить эту страшную ночь. Когда под утро он возвращался домой, на улицах появились повозки продавцов зелени, запряженные мулами, а пекари открыли свои лавки. Он велел убрать тело Гулона, к которому никто не решался прикоснуться до его прихода, распорядился отослать рабов, у которых была отбита Лигия, на тяжелые работы в деревню, а это наказание было для них страшнее смерти, – наконец, бросившись на ложе в атриуме, он стал думать, как и где он может найти и вернуть себе Лигию.

Отказаться, потерять ее, не видеть ее больше – ему это казалось невозможным, и при одной мысли об этом он впадал в бешенство. Своевольная натура молодого воина первый раз в жизни встретила сопротивление, встретила иную сильную волю, и он просто не мог понять, как могло произойти, что кто-то смеет поступать против его страстного желания.

Виниций предпочел бы, чтобы мир и город обратились в развалины, чем самому отказаться от того, чего он хотел. У него отнята была чаша наслаждения, которую он поднес было к своим губам, поэтому он думал, что произошло нечто неслыханное, вызвавшее к отмщению по законам божеским и человеческим.

Но прежде всего он не хотел и не мог помириться с судьбой, потому что ничего в жизни не желал до сих пор так страстно, как обладать Лигией. Ему казалось, что он не сможет существовать без нее. Он не умел себе ответить, что будет делать завтра, как проведет дальнейшие дни. Иногда его охватывал гнев, граничивший с безумием. Он готов был мучить ее, истязать, тащить за волосы в спальню, издеваться над ней. И вдруг его охватывала тоска по ней, по ее голосу, глазам, и он чувствовал, что готов лежать у ее ног. Звал ее, грыз ногти, хватался руками за голову. Старался заставить себя думать спокойно о том, как найти ее, и не мог. Являлись тысячи средств и планов, безумных и невыполнимых. Наконец ему пришло в голову, что ее мог отбить Авл, и никто другой. В худшем случае Авл должен знать, где она спрятана.

Он вскочил, чтобы бежать к Авлу. Если они не отдадут ее, если не побоятся его угроз, он пойдет к цезарю, обвинит старого вождя в неповиновении, добьется смертного приговора, – но раньше он добудет у них признание, где Лигия. Если даже они отдадут ее добровольно, он все-таки отомстит. Правда, они взяли его к себе в дом раненого, ухаживали за ним. Но такая обида освобождает его от всякой благодарности. Мстительная и упрямая душа его стала лелеять мысль о мести и радоваться отчаянию Помпонии Грецины, когда центурион принесет старому Авлу смертный приговор. Он почти был уверен, что добьется этого приговора. Ему поможет Петроний. Впрочем, цезарь никогда не отказывает своим приближенным, если только причиной отказа не является личная неприязнь к просителю.

И вдруг сердце его сжалось от страшной загадки: а как сам цезарь отбил Лигию?

Он знал, что цезарь искал в ночных разбоях развлечения от скуки. Даже Петроний принимал участие в таких похождениях: главной их целью было, правда, похищение женщин и подбрасывание их на солдатском плаще до обморока. Однако сам Нерон называл подобные приключения «ловлей жемчуга», потому что случалось на окраинах, где ютилась беднота, находить подлинные жемчужины красоты и молодости. Тогда «sagatio» (так называлось подбрасывание на плаще) не имело места, и «жемчужину» отсылали или в Палатин, или на одну из бесчисленных вилл цезаря, или, наконец, Нерон уступал ее одному из своих друзей. То же могло

случиться и с Лигией. Цезарь присматривался к ней во время пира, и Виниций ни на минуту не сомневался, что она должна была показаться самой прекрасной из женщин, каких до сих пор ему приходилось видеть. Разве могло быть иначе! Правда, она была на Палатине и цезарь мог ее беспрепятственно оставить для себя, но ведь Петроний справедливо утверждает, что у цезаря нет смелости для преступления и, даже имея возможность действовать открыто, он всегда предпочитает тайный образ действий. На этот раз он мог бояться Поппеи. Виницию пришло в голову, что Авл не посмел бы отбить девушку, подаренную ему цезарем. Да и кто посмел бы? Может быть, этот великан-лигиец с голубыми глазами, который осмелился войти в триклиний и унести ее на руках? Но куда он может спрятать ее? Где скрыться? Нет, раб не решился бы на это. Значит, никто иной, кроме цезаря.

При этой мысли у Виниция потемнело в глазах и капли пота выступили на лбу. В таком случае Лигия потеряна для него навсегда. Ее можно было бы вырвать у всех, но не из рук цезаря. Теперь он с большим правом мог хвататься за голову и вопить: «Горе мне, увы!» Воображение представляло Лигию в объятиях Нерона, и он впервые в жизни понял, что есть мысли, которых не может выдержать мозг. И только теперь он понял, как полюбил ее. Подобно тому, как перед духовным взором тонущего мгновенно проносится вся его жизнь, так перед душой Виниция пронеслась Лигия. Он видел ее, слышал каждое ее слово. Видел ее у водомета, видел у Авла и на пиру, в доме цезаря. Чувствовал ее близ себя, обонял запах ее волос, теплоту ее тела, сладость поцелуев, которыми он на пиру покрыл ее невинные губы. Она казалась ему еще прекраснее, желаннее, нежнее, его единственной, избранной среди всех смертных и богов. Когда он подумал, что все ставшее его душой и жизнью теперь во власти цезаря, – его сердце сжалось от почти физической боли – такой страшной, что юноша готов был разбить себе голову о стены атриума. Чувствовал, что может сойти с ума, и, вероятно, это случилось бы, если бы у него не осталось мысли о мести. Как прежде у него явилась мысль, что он не сможет жить, если не найдет Лигии, так теперь он думал, что не умрет, пока не отомстит за нее. И это принесло ему некоторое облегчение. «Я буду твоим Кассием», – шептал он, думая о Нероне. Схватив горсть земли из вазы с цветами, он произнес страшную клятву Гекате и домашним богам, что отомстит.

Стало легче. По крайней мере, теперь было для чего жить, чем заполнить дни и ночи. Отказавшись от мысли идти к Авлу, он велел нести себя на Палатин. По дороге думал, что если его не допустят к цезарю или обыщут, нет ли у него оружия, – значит, Лигию действительно похитил цезарь. Однако он не взял с собой оружия. Вообще, он не помнил ни о чем, как люди, одержимые одной мыслью, и думал лишь о мести. Он не хотел, чтобы она была выполнена раньше времени. Кроме того, он главным образом хотел повидаться с Актеей, думая, что от нее может узнать всю правду. Иногда мелькала мысль, что увидит Лигию, и при этой мысли он начинал дрожать. Может быть, цезарь похитил ее, не зная, кого похищает, и сегодня вернет ее Виницию? Но тотчас отбросил эту надежду. Если бы думали вернуть ее, вернули бы вчера. Актея все могла объяснить, поэтому с ней необходимо было увидеться прежде всего.

Решив так, он велел рабам торопиться и снова вернулся к мыслям о Лигии и о мести. Он слышал, что жрецы какой-то египетской богини умеют накликают болезни, поэтому решил теперь обратиться к ним и узнать, как это нужно сделать. На Востоке он также слышал, что и евреи знают какие-то заговоры, при помощи которых покрывают тело врагов нарывами и ранами. Среди рабов в его доме было несколько евреев, поэтому он решил, вернувшись домой, пытать их, пока не узнает тайны. Но с наибольшим наслаждением он думал о коротком римском мече, которым можно нанести такую рану, от которой умер Калигула, оставив несмываемые следы под колоннами в портике. Виниций готов был перебить всех в Риме, и если бы какие-нибудь мстительные боги пообещали ему, что весь мир умрет, кроме него и Лигии, он тотчас согласился бы и на это.

У ворот дворца он пришел в себя и при виде преторианцев подумал, что, если его будут удерживать при входе, значит, Лигия по воле цезаря здесь. Но главный центурион приветливо улыбнулся ему и, подойдя, сказал:

– Здравствуй, благородный трибун. Если ты хочешь приветствовать цезаря, то приходишь не вовремя, и я не уверен, сможешь ли ты увидеть его.

– Что случилось? – спросил Виниций.

– Божественная дочь цезаря неожиданно заболела со вчерашнего вечера. Цезарь и Пoppея все время при ней вместе с врачами, которых созвали сюда со всего Рима.

Это было большое событие. Когда родилась дочь, цезарь сошел с ума от радости и счастья. Еще раньше сенат посвятил богам чрево Пoppеи. Произносились обеты, а в Анциуме, где произошли роды, устроены были пышные празднества, кроме того, построили два храма Фортунам. Нерон, ни в чем не знавший меры, безумно любил малютку, Пoppее она также была дорога, потому что делала положение матери более крепким и влияние безграничным. От здоровья и жизни маленькой августы зависели судьбы всей империи, но Виниций так был занят своим делом и своей любовью, что, почти не слушая слов центуриона, сказал:

– Я хочу видеть Актею!

И вошел.

Но Актея также была у колыбели ребенка, поэтому Виницию пришлось долго ждать. Она пришла лишь в полдень, бледная и измученная; увидев Виниция, она побледнела еще больше.

– Актея! – воскликнул тот, схватив ее за руки и увлекая на середину атриума. – Скажи, где Лигия?

– Я хотела бы спросить об этом у тебя, – ответила она с упреком. Хотя он обещал себе расспросить ее обо всем спокойно, схватился за голову и с лицом, искаженным от боли и гнева, стал повторять:

– Ее нет! Ее схватили по дороге к моему дому! Ее нет!

Он опомнился и, приблизив свое лицо к лицу Актеи, стал говорить сквозь сжатые зубы:

– Актея... Если жизнь дорога тебе, если ты не хочешь стать причиной большого несчастья, которого даже не сумеешь представить себе, ответь мне чистую правду: не цезарь ли отбил ее?

– Цезарь вчера не выходил из дворца.

– Заклинаю тебя тенью матери и всеми богами, – не во дворце ли она?

– Клянусь тенью матери, Марк, нет ее во дворце и не цезарь похитил ее. Вчера заболела маленькая августа, и Нерон не отходил от колыбели.

Виниций вздохнул свободнее. Самое страшное перестало грозить ему.

– Значит, – сказал он, садясь на скамью и сжимая руки, – ее отбил Авл... Горе ему!

– Авл Плавтий был здесь утром. Не мог повидаться со мной, потому что я была при ребенке. Он расспрашивал о Лигии у Эпафродита и у других слуг цезаря, потом сказал, что придет позже повидаться со мной.

– Он хотел отвести от себя подозрение. Если бы не знал, что случилось с Лигией, он пришел бы искать ее ко мне в дом.

– Он оставил мне несколько слов на табличке, из которых ты можешь узнать следующее: ему было известно, что Лигия взята цезарем из его дома по твоему и Петрония желанию, он догадывался, что ее отошлют к тебе, и потому сегодня утром заходил в твой дом, где ему и рассказали, что случилось.

Она пошла в спальню и тотчас вернулась с письмом, оставленным ей Плавтием.

Виниций прочел и замолчал, Актея же, по-видимому, читала мысли на его мрачном лице, потому что сказала:

– Нет, Марк. Произошло то, чего хотела сама Лигия.

– Ты знала, что она хочет бежать? – завопил Виниций.

Она посмотрела на него своим туманным взором почти сурово:

– Я знала, что она не хочет быть твоей наложницей.

– А кем была ты всю свою жизнь?

– Я раньше была рабой.

Виниций не хотел считаться с этим: какое ему дело до того, кто она такая, раз цезарь подарил Лигию ему. Он отыщет ее под землей и сделает с ней все, что захочет. Да! Она будет его наложницей. Он велит сечь ее, если захочет. Когда она прискучит ему, он отдаст девушку последнему из своих рабов или пошлет вертеть жернов в Африку. Он будет искать ее и найдет лишь для того, чтобы смять, унизить, уничтожить.

Возбуждаясь все больше и больше, он наконец потерял всякую меру в своем гневе, и Актея поняла, что он сулит больше, чем сможет сделать, что говорят в нем боль и гнев. Над болью она готова была сжалиться, но его безумный гнев исчерпал наконец ее терпение, и она спросила, зачем он пришел.

Виниций сразу не нашелся, что ответить. Пришел, потому что хотел, потому что думал узнать от нее что-нибудь, собственно, он шел к цезарю и, не имея возможности повидать его, зашел к ней. Убежав, Лигия преступила волю цезаря, поэтому он будет умолять Нерона, чтобы тот приказал искать ее по всему городу и всей империи, хотя бы для этого пришлось двинуть все легионы и обыскать все дома в государстве. Петроний поддержит его просьбу, и поиски начнутся с сегодняшнего дня.

На это Актея сказала:

– Берегись, чтобы не потерять ее навсегда, когда наконец по приказанию цезаря она будет найдена.

Виниций сдвинул брови.

– Что это значит? – спросил он.

– Слушай, Марк! Вчера мы с Лигией были в саду и встретили Поппею, а с ней маленькую августу, которую несла негритянка Лилит. Вечером дитя заболело, и Лилит утверждает, что девочку сглазили, и сглазила чужеземка, которую встретили в саду. Если ребенок выздоровеет, об этом забудут, если же нет, то Поппея первая обвинит Лигию в колдовстве, и тогда, если ее отыщут, для нее не будет спасения.

Наступило молчание. Потом Виниций сказал:

– Может быть, она действительно сглазила девочку и заколдовала меня!

– Лилит утверждает, что дитя заплакало, когда его пронесли мимо нас. И действительно, девочка заплакала. Должно быть, ее вынесли в сад уже больную. Ищи, Марк, один, ищи где хочешь, но пока маленькая августи не выздоровеет, не говори с цезарем о Лигии, потому что навлечешь на нее месть Поппеи. Достаточно Лигия выплакала свои глаза из-за тебя, пусть теперь боги хранят ее бедную голову.

– Ты ее любишь, Актея? – мрачно спросил Виниций.

На глазах вольноотпущенницы показались слезы:

– Да, я полюбила ее.

– Потому что она не отплатила тебе ненавистью, как мне.

Актея посмотрела на него, словно колеблясь и в то же время желая убедиться, что он говорит искренне... Потом сказала:

– Безумный и слепой человек! Она любила тебя.

Виниций вскочил при этих словах как ужаленный. Неправда! Она ненавидела его. Откуда Актея может знать это?! В первый же день знакомства Лигия призналась ей в этом? Что это за любовь, которая предпочитает скитанья, позор бедности, неуверенность в завтрашнем дне, а может быть, даже и смерть, – предпочитает все это украшенному зеленью дому, где ждет ее возлюбленный на пир? Ему лучше не слушать подобных вещей, потому что он сойдет с ума. Он не отдал бы эту девушку за все сокровища мира, а она убежала. Что это за любовь, которая

бежит наслаждений и родит страдания! Кто поймет это? Кто сможет понять подобную вещь? Если бы не надежда отыскать ее, он бросился бы на меч! Любовь дарят, а не отнимают! Были минуты в доме Авла, когда он верил в близкое счастье, но теперь он знает, что она ненавидела его, ненавидит и умрет с ненавистью в сердце.

Актея, всегда робкая и мягкая, в свою очередь возмутилась: как он старался получить ее? Вместо того чтобы просить ее у Авла и Помпонии, он отнял у них предательством любимую дочь. Он хотел сделать ее наложницей, а не женой, ее, воспитанную в патрицианском доме, ее, царскую дочь. Он заставил ее войти в дом преступления и позора, оскорбил ее невинные глаза видом развратного, разнузданного пира; обращался с ней, как с развратницей. Неужели он забыл, что такое дом Авла и кто такая Помпония Грецина, воспитавшая Лигию? Неужели у него не хватило ума, чтобы отличить этих женщин от Нигидии, Кальвии Криспиниллы, Поппеи и всех, которых он встречал в доме цезаря? Неужели, увидев Лигию, он не понял сразу, что она чистая девушка, которая предпочитает смерть бесчестию? Откуда он знает, каких почитает она богов, – и, может быть, ее боги чище и лучше распутной Венеры или египетской Изиды, которую теперь чтят развратные римлянки? Нет! Лигия не делала ей признания, но она сказала, что ищет спасения от него, от Виниция; она надеялась, что он выпросит у цезаря разрешения вернуться в дом Авла к Помпонии, и, говоря это, она вспыхнула, как девушка, которая любит и верит. Ее сердце стучало и рвалось к нему, но он испугал ее, оттолкнул, возмутил, пусть теперь ищет ее с помощью солдат цезаря, но пусть знает, что, если дочь Поппеи умрет, подозрение падет на Лигию и гибель ее неминуема.

Кроме боли и гнева Виниций стал чувствовать также странное волнение. Слова Актеи, что Лигия любила его, потрясли Марка до глубины души. Он вспомнил ее в саду у Авла, когда она слушала его признания с румянцем на щеках и светлыми глазами. Ему казалось, что тогда она действительно начинала любить его, и вдруг при этой мысли его охватило чувство счастья, во сто крат более полного, чем то, на какое он надеялся. Он подумал, что действительно мог бы иметь ее свободной и к тому же любящей: она повесила бы пряжу на смазанных волчьим салом дверях его дома и сидела бы в качестве супруги на овчине у очага. Он услышал бы из ее уст священные слова: «Где ты, Кай, там и я, Кайя!» И она была бы навсегда его. Почему он не поступил так? Ведь он был готов сделать это. Теперь же ее нет, и он не сможет найти ее, а если и найдет, то погубит. Если бы даже не погубил, то теперь не захотят его ни Авл, ни Помпония, ни Лигия. Гнев снова стал шевелить волосы на голове Виниция, но теперь он обращен был не на Авла и Лигию, а на Петронию. Он во всем виноват. Если бы не он, Лигии не нужно было бы теперь скрываться, она была бы невестой Марка; никакая опасность не грозила бы ее милой головке. Но теперь все кончено, поздно исправлять зло, которое нельзя исправить.

– Поздно!

И ему казалось, что бездна разверзлась под его ногами. Он не знал, что предпринять, как поступить, куда идти. Актея как эхо повторила слово «поздно», и оно в чужих устах прозвучало для Виниция, как смертный приговор. Он понимал одну лишь вещь: необходимо отыскать Лигию, потому что в противном случае с ним произойдет нечто ужасное.

И, завернувшись в тогу, он хотел было уйти, даже не простившись с Актеей, как вдруг штора, отделявшая атриум от прихожей, раздвинулась и он увидел перед собой печальную Помпонию Грецину.

Она также, по-видимому, узнала об исчезновении Лигии и, думая, что ей легче пови-
даться с Актеей, чем Авлу, пришла к ней, чтобы узнать что-нибудь.

Но, увидев Виниция, она повернула к нему свое бледное лицо и, помолчав, сказала:

– Пусть Бог простит тебе, Марк, обиду, которую ты причинил нам и Лигии.

Он стоял с опущенной головой, с чувством горя и вины, не понимая, какой Бог мог ему простить и почему Помпония говорила о прощении, когда речь могла быть об одной лишь мести.

И он медленно вышел из атриума с головой, в которой спутанные мысли смешаны были с тоской и удивлением.

На дворе и под колоннадами стояли беспокойные группы людей. Среди дворцовых рабов сновали патриции и сенаторы, которые явились узнать о здоровье маленькой августы и вместе с тем показаться во дворце, свидетельствуя тем о своем беспокойстве хотя бы перед рабами цезаря. Весть о болезни «богини» разнеслась быстро по Риму, приходили все новые люди, у ворот стояла толпа. Некоторые из посетителей, видя, что Виниций только что был во дворце, спрашивали его о здоровье августы, но он ничего не отвечал и шел прямо, пока наконец Петроний, только что узнавший новость, не столкнулся с ним и не остановил его.

Виниций неминуемо вспылит бы при виде Петрония и натворил бы бед в доме цезаря, если бы не вышел от Актеи совершенно разбитым, подавленным и обессиленным настолько, что его даже покинула обычная вспыльчивость. Он отвернулся и хотел пройти мимо, но Петроний остановил его почти силой.

– Как себя чувствует божественная? – спросил он.

Насилие раздражило Виниция, и он мгновенно вскипел.

– Пусть ад поглотит ее и весь этот дом! – ответил он, стиснув зубы.

– Молчи, несчастный! – сказал Петроний и оглянулся по сторонам. – Если хочешь узнать о Лигии, то иди за мной. Нет. Здесь не скажу! Пойдем, я поделюсь с тобой мыслями, когда мы будем в лектике.

И, обняв рукой молодого человека, он быстро увел его из дворца.

Это и было главной его целью, потому что о Лигии он не знал ничего. Но как человек опытный и, несмотря на вчерашнее возмущение, сочувствующий Виницию, кроме того, чувствующий себя ответственным за все происшедшее, он уже предпринял кое-что со своей стороны. Когда они сели в лектику, он сказал:

– При всех городских воротах я поставил своих рабов, подробно описав им наружность девушки и того великана, который унес ее с пира в доме цезаря, потому что нет сомнения, что именно он отбил ее. Слушай, очень возможно, что Авл захочет спрятать Лигию в одном из своих поместий, и мы узнаем, таким образом, в какую сторону ее поведут. Если же у ворот их не заметят, значит, она осталась в городе, и сегодня же мы начнем розыски.

– Плавтии не знают, где она, – ответил Виниций.

– Уверен ли ты, что это так?

– Да. Я видел Помпонию. Они также ищут ее.

– Вчера она не могла уйти из города, потому что ночью ворота заперты. У каждых ворот ходят два моих раба. Один пойдет за Лигией и великаном, другой тотчас вернется и даст знать об этом. Если они в городе, то мы, несомненно, отыщем их, потому что лигийца легко узнать хотя бы по росту. Счастлив ты, что ее похитил не цезарь, – в этом я могу заверить тебя, потому что на Палатине от меня нет тайн.

Но Виниций еще больше огорчился и дрожащим от волнения голосом стал рассказывать Петронию о том, что слышал от Актеи, и о тех новых опасностях, которые грозят Лигии, – найдя беглецов, придется их снова прятать самым тщательным образом от Поппеи. Потом он стал горько упрекать Петрония за его советы. Если бы не он, все было бы иначе. Лигия осталась бы у Плавтиев, и он, Виниций, мог бы теперь видаться с ней ежедневно и был бы счастливее самого цезаря. Возбуждаясь по мере того, как говорил, он пришел наконец в такое волнение, что слезы огорчения и бешенства закапали из его глаз.

Петроний, который положительно не подозревал, что молодой человек может так любить и так желать, видя эти слезы отчаяния, с удивлением подумал: «О могучая владычица Киприда! Ты одна царишь над богами и людьми!»

XII

Дома Петронию сказали, что ни один из рабов, поставленных у ворот, не вернулся. Заведующий атриумом послал им пищу и новый приказ, чтобы, под угрозой розог, они внимательно следили за всеми, кто выходит из города.

– Вот видишь, – сказал Петроний Виницию, – они, несомненно, в городе, и мы в таком случае разыщем их. Но и ты, со своей стороны, пошли рабов к воротам, особенно тех, которые сопровождали Лигию: они легче узнают ее.

– Я их велел отправить на тяжелые работы в деревню, – ответил Виниций, – но тотчас отменю приказание, пусть идут к воротам.

И, написав несколько слов на вощенной дощечке, он подал ее Петронию, который тотчас велел отнести ее в дом Виниция.

Они вошли во внутренний портик и там, сев на мраморной скамье, стали беседовать.

Златокудрая Евника с другой рабыней пододвинули им под ноги бронзовые скамейки, потом, поставив перед ними столик и чаши, налили вина из чудесных сосудов с узким горлом.

– Есть ли среди твоих рабов хоть один, который знал бы этого лигийца в лицо? – спросил Петроний.

– Его знали Атакин и Гулон. Но Атакин пал вчера в схватке, а Гулона убил я.

– Мне жаль его. Ведь он носил на руках не только тебя, но и меня также.

– Я хотел отпустить его на свободу, – сказал Виниций. – Но оставим это. Будем говорить о Лигии. Рим – море...

– Именно в море и ловят жемчужины... Может быть, мы не найдем ее сегодня, завтра, но когда-нибудь найдем непременно. Ты обвиняешь меня, что я подал тебе дурной совет, но совет сам по себе был хорош и стал дурным лишь тогда, когда дурно повернулось все дело. Ведь ты сам слышал от Авла, что он собирается со всей семьей переехать в Сицилию. Тогда Лигия была бы от тебя очень далеко.

– Я поехал бы с ними, – ответил Виниций. – Во всяком случае, она была бы в безопасности, теперь же, в случае смерти дочери Нерона, Пoppея и сама поверит и внушит цезарю, что Лигия виновата в этом.

– Да. Это и меня беспокоит. Но эта кукла может выздороветь. Если же она умрет, мы найдем другое какое-нибудь средство.

Петроний подумал немного, потом сказал:

– Говорят, Пoppея исповедует еврейскую религию и верит в злых духов. Цезарь суеверен... Если мы распустим слух, что Лигию похитили злые духи, то слуху могут поверить, потому что если ее отбил не цезарь и не Авл, то исчезла она в самом деле таинственно. Один лигиец сделать этого не мог. Ему должны были помогать, а откуда раб в один день мог бы набрать большое количество людей?

– Рабы поддерживают друг друга во всем Риме.

– И Рим когда-нибудь жестоко поплатится. Да! Они поддерживают друг друга, но не затем, чтобы на твоих рабов заведомо обрушилась за это жестокая кара. Если ты подсказешь им мысль о злых духах, они тотчас подтвердят это, скажут, что видели их собственными глазами, потому что таким образом снимается с них часть вины... Спроси на пробу одного из них, не видел ли он, что Лигия поднялась на воздух, и он тотчас поклянется Эгидой Зевса, что это было именно так.

Виниций, который и сам был суеверен, посмотрел вдруг на Петронию с большим страхом.

– Если Урс не мог иметь помощников и не мог унести Лигию один, то кто же в таком случае похитил ее?

Петроний стал смеяться.

– Вот видишь, непременно поверят, раз ты сам начинаешь верить этому. Таков наш мир, который смеется над богами. Поверят и не станут искать, а мы тем временем спрячем ее в какой-нибудь далекой вилле, твоей или моей.

– Кто же все-таки мог помочь Урсу?

– Его единоверцы, – ответил Петроний.

– Какие? Какому божеству поклоняется она? Я должен бы знать об этом лучше тебя...

– Почти у каждой женщины в Риме есть свое божество. Несомненно, Помпония воспитала Лигию в той религии, какой придерживается сама, а как называется ее религия, я не знаю. Одно достоверно, что никто не видел Помпонии, приносящей жертву нашим богам в каком-нибудь из римских храмов. Подозревают даже, что она христианка, но это вещь невозможная. О христианах говорят, что они не только почитают ослиную голову, но и являются врагами человеческого рода и закоренелыми преступниками. Поэтому Помпония не может быть христианкой, ведь добродетель ее известна всем, и враг человеческого рода не мог бы так обходиться с рабами, как обращается она.

– Нигде с ними не обращаются так, как в доме Авла.

– Вот видишь. Помпония говорила мне о каком-то боге, который един, всемогущ и милосерд. Куда она девала остальных – ее дело, довольно того, что этот ее Логос недостаточно всемогущ, вернее, это было бы совсем жалкое божество, если бы у него насчитывалось лишь две поклонницы: Помпония и Лигия, да прибавь к ним Урса. Их, конечно, должно быть больше, последователей этого бога, – и они-то и помогли Лигии.

– Эта вера велит прощать, – прервал Виниций. – Я встретил у Актеи Помпонию, которая сказала мне: «Пусть Бог простит тебе обиду, которую ты причинил нам и Лигии».

– По-видимому, их бог очень добрый и заботливый. Так пусть он простит тебя в самом деле и в знак прощения пусть вернет девушку!

– Я завтра же принес бы ему в жертву гекатомбу. Я не хочу пищи, бани, сна. Надену желтый плащ и буду бродить по городу. Может быть, найду ее переодетой. Я совсем болен!

Петроний сочувственно посмотрел на него. Глаза у Виниция ввалились и лихорадочно горели; небритое лицо было темным, волосы в беспорядке. Он действительно похож был на больного. Златокудрая Евника и Ирида смотрели на него также с сочувствием, но он, казалось, не видел их, и оба они с Петронием совершенно не обращали внимания на присутствующих рабынь.

– Тебя мучит лихорадка, – сказал Петроний.

– Да.

– Послушай меня... Не знаю, что предписал бы тебе врач, но хорошо знаю, что сделал бы, будучи в твоём положении, я сам. Прежде чем отыщется та, я поискал бы в другой того, чего не хватает мне с исчезновением возлюбленной. Я видел у тебя в доме прекрасные тела. Не спорь... Знаю, что такое любовь, и знаю, что когда хочешь одной какой-нибудь, то никакая другая не может ее заменить. Но в красивой рабыне всегда можно найти хотя минутное наслаждение...

– Не хочу!... – ответил Виниций.

Но Петроний, питавший к нему слабость и действительно хотевший облегчить страдания юноши, задумался над тем, чем бы можно было помочь ему.

– Может быть, твои не имеют для тебя прелести новизны, – сказал он через минуту и перевел глаза на Ириду, а потом на Евнику, пока наконец не остановился на златовласой гречанке; положив руку на ее бедро, он продолжал: – Но посмотри на эту красавицу. Несколько дней тому назад молодой Фонтей Капитон предлагал мне за нее трех прекрасных мальчиков из Клазомены, потому что более прекрасного тела не создавал даже Скопас. Не знаю сам почему, я до сих пор остался равнодушен к ней, и меня менее всего удержала бы мысль о Хризотемиде! И вот я дарю ее тебе, возьми!

Златокудрая Евника, услышав это, мгновенно побледнела как полотно и, глядя испуганными глазами на Виниция, затаив дыхание, ждала его ответа.

Но он вдруг вскочил и сжал руками голову, как человек, мучимый невероятной болью. Потом он быстро заговорил:

– Нет! Нет!.. Она мне не нужна! Мне не нужно других!.. Благодарю, но я не хочу! Пойду искать ту по всему городу. Вели мне подать галльский плащ с капюшоном. Пойду за Тибр... Мне бы встретить хоть Урса!..

И он поспешно вышел. Петроний, видя, что Марк действительно не может усидеть на одном месте, не пытался удерживать его. Принимая, однако, отказ Виниция за минутное отвлечение ко всякой женщине, которая не была Лигией, и не желая, чтобы великодушные его было впустую, обратившись к рабыне, сказал:

– Евника, вымойся, натришь маслом и оденься – ты отправишься в дом Виниция.

Но она упала к его ногам и, сложив руки, умоляла не отсылать ее. Она не хочет идти к Виницию и предпочитает здесь носить дрова в уборную, чем там быть первой из слуг. Она не хочет, она не может, она умоляет сжалиться над ней! Пусть он велит ее истязать, но пусть не отсылает из дома.

Дрожа как лист от страха и волнения, она протягивала к нему руки с мольбой. Петроний изумился. Рабыня, которая смеет отказываться от повиновения, которая говорит: «Не хочу, не могу», была чем-то настолько неслыханным в Риме, что Петроний сначала не верил своим ушам. Наконец он сдвинул брови. Он был слишком изящным, чтобы быть жестоким. Его рабам, особенно в области разврата, позволено было больше, чем где-либо в другом месте, с тем, однако, условием, чтобы они образцово несли службу и волю господина почитали наравне с волей богов. В случае уклонения от одного из этих условий он умел не жалеть наказаний, каким они подлежали по общему для рабов праву. Кроме того, он не переносил противоречий и всего, что нарушало его спокойствие, поэтому, посмотрев на склоненную рабыню, он сказал:

– Позови Терезия и приди сюда вместе с ним.

Евника встала со слезами на глазах и вышла; она вскоре вернулась со смотрителем атриума, критянином Терезием.

– Возьми Евнику, – сказал ему Петроний, – и дай ей двадцать пять ударов, но так, чтобы не испортить кожи.

Сказав это, он пошел в библиотеку и, сев у стола из розового мрамора, углубился в свою работу «Пир Тримальхиона».

Но побег Лигии и болезнь маленькой августы отвлекали его мысли, и он не мог долго работать. Особенно болезнь беспокоила его. Если цезарь поверит, что Лигия сглазила малютку, то ответственность за это может пасть и на Петрония: ведь по его просьбе девушка была доставлена в дом цезаря. Но он рассчитывал при первом же свидании с Нероном доказать ему всю нелепость подобного предположения; он также немного надеялся на слабость, которую питала к нему Поппея, правда, она очень скрывала ее, но не настолько, чтобы он не мог заметить. Он пожал плечами, перестал думать об этой истории и решил пойти в триклиний, подкрепить себя пищей, а потом, побывав еще раз во дворце, отправиться на Марсово поле и к Хризотемиде.

Но по дороге в триклиний, в коридоре, предназначенном для слуг, он увидел среди других рабов прижавшуюся к стене стройную фигуру Евники и, вспомнив, что он велел Терезию наказывать ее и не сказал, что делать с ней дальше, искал его теперь глазами, нахмутив брови.

Не найдя его среди слуг, он обратился к Евнике:

– Была ли ты наказана?

Она снова упала к его ногам, прижала губы к краю его одежды и сказала:

– Да, господин! Да!

В голосе ее звучала благодарность и радость. По-видимому, она думала, что наказание заменило ей необходимость идти к Виницию и теперь она может спокойно остаться дома. Петрония, который понял это, удивило такое страстное упорство рабыни, но он слишком хорошо знал человеческую природу, чтобы сразу угадать, что только любовь могла быть причиной такого упорства.

– Есть ли у тебя возлюбленный в доме? – спросил он.

Она подняла на него голубые глаза и ответила так тихо, что ее едва можно было услышать:

– Да, господин!..

И с этими глазами, с золотыми локонами, откинутыми назад, с выражением страха и надежды на лице она была столь прекрасна, смотрела на него с такой мольбой, что Петроний, сам в качестве философа славивший силу любви, а в качестве эстета чтущий красоту, почувствовал к ней нечто вроде жалости.

– Который же из них твой любовник? – спросил он, указывая на слуг.

Но ответа не последовало, Евника склонилась к его стопам и осталась неподвижной.

Петроний посмотрел на рабов, среди которых были красивые и стройные юноши, но не прочел ответа ни на одном лице; все они как-то странно улыбались; потом он еще раз взглянул на лежавшую у его ног Евнику и молча пошел в триклиний.

Насытившись, он велел нести себя во дворец, а потом отправился к Хризотемиде, у которой остался до поздней ночи.

Вернувшись домой, Петроний велел позвать Терезию.

– Наказал ли ты Евнику? – спросил он.

– Да, господин. Но ты велел щадить кожу.

– Не сделал ли я какого-нибудь еще распоряжения относительно ее?

– Нет, господин, – ответил тот с тревогой.

– Прекрасно. Кто из рабов ее любовник?

– Никто, господин.

– Что ты знаешь о ней?

Терезий стал говорить неуверенным голосом:

– Евника никогда не покидает ночью спальни, в которой помещается со старой Акризионой и Ифидией; никогда после твоей бани, господин, не остается там с рабами... Другие невольницы смеются над ней и зовут ее Дианой.

– Довольно, – сказал Петроний. – Мой племянник Виниций, которому я сегодня утром подарил Евнику, не принял подарка, поэтому пусть она остается в доме. Можешь идти.

– Можно мне еще сказать об Евнике, господин!

– Я велел тебе говорить все, что знаешь.

– Все слуги говорят о бегстве девушки, которая должна была жить в доме благородного Виниция. После твоего ухода, господин, пришла ко мне Евника и сказала, что знает человека, который сумеет найти беглянку.

– А! Что же это за человек?

– Я не знаю его, но полагал, что должен сказать тебе об этом, господин!

– Хорошо. Пусть завтра он ждет у меня прихода трибуна, которого ты от моего имени попросишь завтра утром навестить меня.

Терезий склонился и отошел.

Петроний невольно стал думать о Евнике. Прежде всего ему показалось совершенно естественным, что молодая невольница хочет, чтобы Виниций нашел Лигию, главным образом потому, чтобы ей не пришлось идти в дом трибуна. Потом он подумал, что человек, на которого указывает Евника, может быть ее любовником, и эта мысль вдруг показалась Петронию неприятна. Можно было просто узнать всю правду, стоило лишь позвать Евнику, но час был поздний, Петроний чувствовал себя усталым после посещения Хризотемиды, и ему хотелось

спать. Проходя в спальню, он неизвестно почему вдруг вспомнил, что сегодня заметил в уголках глаз у Хризотемиды морщинки. Он подумал, что красота ее пользовалась большей славой в Риме, чем заслуживала на самом деле, и что Фонтей Капитон, который предлагал ему трех мальчиков за Евнику, хотел купить ее слишком дешево.

XIII

На другой день утром, когда Петроний кончал одеваться, пришел приглашенный Терезием Виниций. Он знал уже, что у городских ворот нет ничего нового, и это известие скорее опечалило его, чем обрадовало. Он боялся, что Урс увел ее из города тотчас после похищения и, значит, раньше, чем рабы Петрония начали караулить у ворот. Правда, осенью, когда дни становились короче, ворота закрывались раньше, но их все-таки открывали для отъезжающих, число которых было велико. Кроме того, выйти из города можно было и другими способами, о которых прекрасно знали рабы, замышлявшие бегство. Виниций послал своих людей также и на дороги, ведущие в провинцию, к вигилиям ближайших городков с объявлением о двух бежавших рабах, подробным описанием примет Лигии и Урса и обещанием крупной награды за их задержание. Однако было сомнительно, чтобы это средство могло оказаться действенным и местные власти удовлетворились частным распоряжением Виниция о задержании беглецов, не скрепленным подписью претора. Выполнить эту формальность не было времени. Весь вчерашний день Виниций в одежде раба искал Лигию в самых глухих закоулках города и не нашел ни малейшего следа, никакого указания. Правда, он видел слуг Авла, но и те, по-видимому, кого-то искали. Это утвердило его в мысли, что не Авл похитил ее и что старый вождь сам не знает, где Лигия и что с ней случилось.

Когда Терезий объявил ему, что есть человек, который берется отыскать Лигию, он поспешил в дом Петрония и, едва успев приветствовать его, стал тотчас же расспрашивать об этом человеке.

– Сейчас мы увидим его, – сказал Петроний. – Он знакомый Евники, которая сейчас придет поправить складки моей тоги и расскажет о нем подробно.

– Та, которую ты вчера хотел мне подарить?

– Та, которую вчера ты отверг, за что, впрочем, я тебе благодарен, потому что она лучшая служанка во всем городе и чудесно оправляет мне тогу.

Она вошла, как только он произнес последние слова, и, взяв тогу, которая лежала на кресле, инкрустированном слоновой костью, развернула ее, чтобы набросить на плечи Петрония. Лицо ее было тихое, светлое, а в глазах сияла радость.

Петроний взглянул на нее, и она показалась ему очень красивой. Обернув его тогой, она стала расправлять складки, и ей приходилось низко нагибаться, выравнивая их сверху и до самого низа. Петроний заметил, что руки ее имеют чудесный светло-розовый цвет, а грудь и плечи прозрачный блеск перламутра и алебаstra.

– Евника, – сказал он, – здесь ли человек, о котором ты сказала вчера Терезию?

– Здесь, господин.

– Как зовут его?

– Хилон Хилонид.

– Кто он такой?

– Лекарь, мудрец и гадатель, умеющий читать судьбу людей и предсказывать будущее.

– Предсказал ли он и тебе твое будущее?

Евника покраснела, так что порозовели даже ее шея и уши.

– Да, господин.

– Что же он наворожил?

– Что встретит меня страдание и счастье.

– Страдание приняла ты вчера от руки Терезия, а значит, должно прийти и счастье.

– Оно пришло, господин.

– Какое же?

Она тихо прошептала:

– Я осталась.

Петроний положил руку на ее золотую голову:

– Ты прекрасно уложила сегодня складки, и я доволен тобой, Евника.

От его прикосновения глаза ее затуманились счастьем.

Петроний и Виниций перешли в атриум, где ждал Хилон Хилонид, отвесивший им низкий поклон. Петроний вспомнил о своей вчерашней догадке, что человек этот может быть любовником Евники, и невольная улыбка появилась на его лице. В странной фигуре грека было что-то и смешное и жалкое. Он не был очень стар: в всклоченной бороде и растрепанных волосах лишь кое-где серебрилась седина. Грудь впалая, шея согнутая, на первый взгляд он казался горбатым, и над горбом возвышалась огромная голова, лицо обезьяны и лисицы в одно и то же время; острый взгляд. Желтоватая кожа его пестрела от прыщей, а красный нос явно свидетельствовал о его пристрастии к вину; небрежная одежда, состоящая из темной туники козьей шерсти и такого же дырявого плаща, свидетельствовала о подлинной или притворной бедности. Петронию вспомнился гомеровский Терсит, и, отвечая жестом руки на поклон Хилона, он сказал:

– Здравствуй, божественный Терсит! Как поживают шишки, которые набил тебе Одиссей под Троей, и что он сам поделявает в Елисейских полях?

– Благородный господин! – ответил Хилон Хилонид. – Самый мудрый из мертвых, Одиссей, присылает через меня мудрейшему из живых Петронию привет и просьбу, чтобы он покрыл новым плащом мои шишки.

– Клянусь тройной Гекатой, – воскликнул Петроний, – ответ стоит плаща.

Но дальнейший разговор прервал нетерпеливый Виниций, который прямо спросил:

– Знаешь ли, зачем тебя позвали?

– Если два дома, два самых знаменитых дома, не говорят ни о чем другом, а за ними эту новость повторяет половина Рима, нетрудно знать, – ответил Хилон. – Вчера ночью похищена девица, воспитанная в доме Авла Плавтия, по имени Лигия, собственно Каллина, которую твои рабы, господин, несли из дома цезаря в твой дом, а я берусь отыскать ее в городе, а если она, что маловероятно, покинула город, то указать тебе, благородный трибун, куда она бежала и где прячется.

– Хорошо, – сказал Виниций, которому нравилась откровенность и точность ответа, – какими же средствами располагаешь ты?

Хилон лукаво улыбнулся:

– Средствами располагаешь ты, господин, а у меня есть один лишь ум.

Петроний тоже улыбнулся; он был очень доволен своим гостем. «Этот человек может отыскать девушку», – подумал он.

Виниций сдвинул густые брови и сказал:

– Негодяй, если ты обманываешь меня ради выгоды, я велю избить тебя палками.

– Я – философ, господин, а философ не может быть жадным до выгоды, особенно такой, какую ты сулишь мне.

– А, ты философ? – спросил Петроний. – Евника говорила мне, что ты и лекарь и гадалка. Откуда ты знаешь Евнику?

– Она приходила ко мне за советом, ибо слава моя дотекла и до ее слуха.

– Что за совет нужен был ей?

– Ей нужно было вылечить от любви без взаимности.

– И ты ее вылечил?

– Я сделал больше, господин, потому что дал ей амулет, который приносит взаимность. В Пафосе на Кипре есть храм, в котором хранится пояс Венеры. Я дал ей две нитки из этого пояса, спрятанные в скорлупе миндаля...

– И велел хорошо заплатить себе.

– За взаимность никогда нельзя заплатить достаточно щедро, я же, не имея двух пальцев на правой руке, собираю на раба-писца, который записывал бы мои мысли и сохранял мое учение для потомства.

– К какой школе принадлежишь ты, божественный мудрец?

– Я циник, господин, потому что у меня дырявый плащ, стоик, ибо терпеливо сношу несчастья, перипатетик, так как не имею лектики и хожу пешком от виноторговца к виноторговцу и по дороге учу тех, которые обещают заплатить за кувшин.

– При кувшине ты становишься ритором?

– Гераклит сказал: «Все течет», и неужели ты будешь спорить, господин, что вино не жидкость?

– Он говорил также, что огонь – божество, следовательно, божество пылает в твоём носу.

– Божественный Диоген утверждал, что сущностью вещей является воздух, и чем теплее воздух, тем совершеннее существо, а из наибольшего тепла получают души мудрецов. А так как осенью наступают холода, то истинный мудрец должен подогревать свою душу вином... Потому что ты ведь не возразишь, господин, что кувшин лучшего вина не разносит тепла по всем косточкам тленного человеческого тела.

– Хилон Хилонид, где твое отечество?

– Над Понтом Евксинским. Я родом из Мезембрии.

– Хилон, ты велик!

– И знаменит, – меланхолически добавил мудрец.

Однако Виниций стал снова выражать нетерпение. Он хотел, чтобы Хилон немедленно отправился на поиски, и весь этот разговор казался ему напрасной тратой времени, за что он даже зол был на Петрония.

– Когда же начнешь свои поиски? – сказал он, обращаясь к греку.

– Я их уже начал, – ответил Хилон. – И когда я здесь, когда разговариваю с тобой, я тоже ищу. Верь мне, благородный трибун, и знай, что, если бы у тебя пропал ремешок от обуви, я сумел бы найти тебе его и даже человека, кто этот ремешок поднял на улице.

– Исполнял ли ты раньше подобные поручения? – спросил Петроний.

Грек поднял вверх глаза:

– Слишком низко ныне расценивается добродетель и мудрость, чтобы даже философ не постарался найти иных источников для жизни.

– Каковы же твои источники?

– Знать все и приносить новости тем, кто их жаждет.

– И кто за них платит?

– Ах, господин, ведь мне нужен писец. Иначе моя мудрость умрет вместе со мной.

– Если ты не справил себе до сих пор нового плаща, то заслуги твои в этом деле, по видимому, не столь велики.

– Скромность мешает мне говорить о своих заслугах. Но подумай, господин, ведь теперь нет таких благодетелей, каких много было прежде и которым так же приятно осыпать золотом заслугу, как проглотить устрицу из Путаоли. Не заслуги мои малы, а людская благодарность мала. Когда убежит какой-нибудь ценный раб, кто отыщет его, как не единственный сын моего отца? Когда на стенах появятся надписи, поносящие божественную Поппею, – кто укажет виновных? Кто отыщет в книжной лавке стихи на цезаря? Кто донесет, о чем говорят в домах сенаторов и патрициев? Кто передает письма, которых нельзя доверить рабам? Кто слушает новости под дверями виноторговцев и булочников, кому верят рабы, кто сумеет быстро осмотреть весь дом насквозь от атриума до сада? Кто знает все улицы, переулки, тупики, кто знает, о чем говорят в термах, в цирке, на рынке, в фехтовальных школах, среди работоторговцев и даже на арене?

– О боги! Довольно, благородный мудрец! – воскликнул Петроний. – Мы, пожалуй, утнем в твоих заслугах, добродетели, мудрости и красноречии. Достаточно! Мы хотели знать, кто ты, и теперь знаем.

Виниций был доволен. Он думал, что этот человек похож на гончую собаку, которая, будучи пущена по следу, не остановится до тех пор, пока не отыщет зверя.

– Прекрасно. Нужны тебе указания?

– Мне нужно оружие.

– Какое? – спросил удивленный Виниций.

Грек раскрыл ладонь, а другой рукой сделал жест, словно отсчитывая деньги.

– Такое теперь время, господин, – сказал он со вздохом.

– Видно, ты будешь ослом, – сказал Петроний, – который берет крепость с помощью мешков золота.

– Я только бедный философ, господин, – ответил покорно Хилон, – золотом владеете вы.

Виниций бросил кошелек, который грек поймал на лету, хотя действительно на его правой руке не хватало двух пальцев. Потом он поднял голову и стал говорить:

– Господин, я знаю сейчас больше, чем ты думаешь. Не с пустыми руками пришел я. Знаю, что девушку похитили не Плавтии, потому что я переговорил с их рабами. Знаю, что нет ее на Палатине, где все заняты больной дочерью цезаря; кроме того, я, пожалуй, догадался, почему вы предпочитаете искать девушку с моей помощью, а не с помощью вигилей и солдат цезаря. Знаю, что побег устроен с помощью слуги ее, который родом из того же племени, что и она. Ему не могли помочь в таком деле рабы, потому что они поддерживают друг друга и не пошли бы против твоих рабов. Ему могли помочь только его единоверцы.

– Слушай, Виниций, – прервал Петроний, – разве я говорил тебе не то же самое слово в слово!

– Это честь для меня, – сказал Хилон. – Девушка, господин, – продолжал он, обращаясь к Виницию, – конечно, исповедует то же божество, что и лучшая из римлянок, истинная матрона Помпония. Слышал я также и то, что Помпонию судили семейным судом за почитание каких-то чужих богов, но я не мог выведать у слуг, что это за божество и как зовут его почитателей. Если бы я узнал это, я пошел бы к ним, стал самым горячим последователем их, снискал бы их доверие. Ты, господин, провел, как мне известно, в доме благородного Авла несколько дней, не можешь ли дать мне теперь каких-нибудь сведений об этом?

– Не могу, – ответил Виниций.

– Вы долго спрашивали меня о разных вещах, благородные господа, и я отвечал вам на все вопросы, позвольте теперь мне задать вам несколько. Не видел ли ты, трибун, каких-либо статуй, жертвоприношений, амулетов у Помпонии или у божественной Лигии? Не видел ли ты каких-либо знаков, которые они чертили и которые понятны им одним?

– Знаки?.. Постой!.. Да! Я видел однажды, что Лигия начертила на песке рыбу.

– Рыбу? Аа! Оо! Сделала она это один раз или несколько?

– Один раз.

– Уверен ли ты, господин, что она действительно изобразила... рыбу?

– Да, да! – ответил заинтересованный Виниций. – Знаешь ли ты, что это означает?

– Знаю ли я?! – воскликнул Хилон.

И, сделав глубокий прощальный поклон, прибавил:

– Пусть Фортуна равно рассыплет на вас свои дары, достойные господа!

– Вели подать себе плащ! – сказал ему Петроний.

– Одиссей приносит тебе благодарность за Терсита! – ответил грек. И еще раз поклонившись, вышел.

– Что скажешь об этом благородном мудреце? – спросил Виниция Петроний.

– Скажу, что он найдет Лигию, – воскликнул обрадованный Виниций, – но скажу также, что, если бы существовал бог негодяев, Хилон мог бы быть царем.

– Несомненно. Я должен ближе познакомиться с этим стойком, но теперь нужно все-таки окурить атриум после его посещения.

Хилон Хилонид, завернувшись в свой новый плащ, подбрасывал на ладони под его складками полученный от Виниция кошелек и равно радовался тяжести его и звуку. Шествуя медленно и постоянно оглядываясь, не идет ли за ним по следам кто-нибудь из дома Петрония, он миновал портик Ливии и, дойдя до угла, свернул на Субурру.

– Необходимо зайти к Спорусу, – говорил он сам с собой, – и сделать небольшое возлияние Фортуне. Наконец я нашел то, чего давно искал. Молод, горяч, щедр, как копи Кипра, и за эту лигийскую маковку готов отдать половину своего богатства. Именно такого я давно ищу. Но с ним необходимо быть очень осторожным: его сдвинутые брови не сулят ничего доброго. Ах! Волчьи щенки владеют теперь миром!.. Я гораздо меньше боюсь Петрония. О боги! Неужели сводничество оплачивается ныне лучше, чем добродетель? Ха! Начертила тебе на песке рыбу? Пусть удавлюсь я куском козьего сыра, если знаю, что это значит! Но я узнаю. Но так как рыба живет в воде, а поиски под водой более трудны, чем на суше, следовательно, за эту рыбу он мне заплатит особо. Еще один такой кошелек – и я смогу бросить суму нищего и купить себе раба... Но что бы сказал ты, Хилон, если бы я посоветовал тебе купить не раба, а рабыню?.. Знаю тебя прекрасно! Конечно, ты согласишься!.. Если она будет такой красивой, как, например, Евника, ты сам при ней помолодел бы, а кроме того, имел бы честный и верный доход. Я продал этой бедной Евнике две нитки из моего дырявого плаща... Дура, но, если бы Петроний подарил ее мне, я бы, пожалуй, взял... Да, да, Хилон сын Хилона!.. Ты потерял отца и мать... Ты остался сиротой, купи себе в утешение хоть рабыню. Нужно будет ей где-нибудь жить, поэтому Виниций наймет для нее помещение, в котором приютишься и ты; нужно ей прилично одеться – Виниций купит наряды; нужно есть – он будет кормить ее. Ох, как тяжела жизнь! Где те времена, когда за обол⁴⁹ можно было взять столько бобов со свининой, сколько помещалось на обеих ладонях, или кусок козьей кишки, налитой кровью, такой длинный, как рука двенадцатилетнего мальчика!.. Но вот и этот вор – Спорус! В кабачке легче всего узнать что-нибудь.

Говоря так, он вошел к виноторговцу и велел подать кувшин «темного». Заметив недоверчивый взгляд хозяина, он вынул из кошелька золотую монету и, положив ее на стол, сказал:

– Я проработал сегодня с Сенекой от рассвета до полудня, и вот чем меня снабдил мой друг на дорогу.

Круглые глаза Споруса при виде золота стали еще круглее, – и вино тотчас очутилось перед Хилоном. Грек помочил палец в вино и начертил им на столе рыбу.

– Знаешь, что это значит?

– Рыба? Рыба значит рыба!

– Дурак, хотя и подливаешь в вино столько воды, что могла бы в ней очутиться и рыба. Это – символ, который на языке философов означает: улыбка Фортуны. Если бы ты угадал его, может быть, она улыбнулась и тебе. Почитай философию, говорю я тебе, потому что в противном случае я переменю виноторговлю, – меня давно уговаривает сделать это мой друг Петроний.

⁴⁹ *Обол* – греческая монета и единица веса.

XIV

Хилон не показывался нигде в течение нескольких дней. С того времени как Виниций узнал от Актеи, что Лигия любила его, ему во сто крат сильнее хотелось найти ее, и потому он предпринял сам поиски, не желая, да и не будучи в состоянии обратиться за помощью к цезарю, погруженному в страх за здоровье маленькой августы.

Не помогли жертвы, которые приносились в храмах, мольбы и обеты, не помогло искусство врачей и всякие знахарские средства, за которые схватились в последнюю минуту. Через неделю ребенок умер. Двор и Рим облеклись в траур. Безумствовавший от радости при рождении дочери цезарь теперь безумствовал от отчаяния. Он заперся у себя, не принимал в течение двух дней пищи и, хотя дворец кишел толпами сенаторов и приближенных, спешивших выразить свое огорчение и сочувствие, никого не хотел видеть. Сенат на чрезвычайном заседании провозгласил умершую девочку богиней; решено было построить в ее честь храм и назначить особого жреца. В других храмах приносились в честь нового божества жертвы, отливались ее изображения из благородных металлов, а похороны были необыкновенно пышным торжеством. Народ разделял великое горе цезаря, плакал с ним и вместе с тем протягивал руки за подачками, а прежде всего развлекался необычайным зрелищем.

Петрония обеспокоила эта смерть. Всему Риму известно было, что Пoppея приписывает смерть дочери чарам. За ней повторяли это и врачи, которые таким образом могли оправдать свое бессилие, и жрецы, жертвы которых оказались бесполезными, и знахари, которые дрожали теперь за свою жизнь, и, наконец, весь народ. Петроний был рад, что Лигия бежала; он не желал зла Авлу и желал добра себе и Виницию, поэтому, когда был убран кипарис, увитый белой шерстью и поставленный в знак траура перед дворцом, он отправился на прием сенаторов и приближенных, чтобы убедиться, насколько Нерон поддастся слухам о колдовстве, и помешать дурным последствиям, которые могли возникнуть от этого.

Он знал, что хотя Нерон и не верил в чары, однако будет делать вид, что верит, чтобы обмануть свое горе, чтобы отомстить кому-нибудь, наконец, чтобы рассеять подозрения, что боги начинают наказывать его за совершенные преступления. Петроний не думал, что цезарь может искренне и глубоко любить даже своего ребенка, и хотя тот выказывал горячую любовь, Петроний был уверен, что Нерон пересолит в своей печали. И он не ошибся. Нерон выслушивал утешения и соболезнования сенаторов и патрициев с каменным лицом, с глазами, устремленными в одну точку, и было видно, что если он и страдает, то одновременно думает о том, какое впечатление производит на окружающих; он позировал для Ниобеи и изображая родительское отчаяние, как это сделал бы актер на сцене. Он не сумел даже выдержать роли каменного и немого отчаяния – то делал жесты, словно посыпал пеплом голову, то глухо стонал. Увидев Петронию, он заметался и трагическим голосом завопил так, чтобы его все услышали:

– Горе! Горе!.. И ты виноват в ее смерти! По твоему совету вошел в эти стены злой дух, который одним взглядом высосал жизнь из ее груди... Горе мне! Не смотрели бы глаза мои на свет Гелиоса... Горе мне! Горе! Горе!

И он стал громким криком выражать свое отчаяние, но Петроний решил поставить все на один бросок костей; он протянул руку, быстро сорвал шелковый платок, который Нерон всегда носил на шее, и зажал им рот цезаря.

– Государь, – сказал он серьезно, – сожги Рим и весь мир в своем отчаянии, но сохрани нам свой голос!

Присутствующие изумились, изумился на минуту и сам Нерон, один лишь Петроний остался спокойным. Он хорошо знал, что делает. Помнил, что Терпносу и Диодору было приказано затыкать цезарю рот, когда Нерон слишком возвышал голос, подвергая тем опасности голосовые связки.

– Цезарь, – продолжал Петроний серьезно и печально, – мы понесли тяжелую утрату, пусть нам останется хоть это сокровище в утешение!

Лицо Нерона задергалось, слезы полились из глаз, он протянул руки к Петронию и, спрятав голову на его груди, рыдая говорил:

– Ты один подумал об этом, ты один! Петроний! Ты один!

Тигеллин пожелтел от зависти, а Петроний стал уговаривать цезаря:

– Поезжай в Анциум! Там она увидела свет, там тебя встретила великая радость, там найдешь и утешение. Пусть морской воздух освежит твоё божественное горло; пусть грудь твоя вдохнет соленой влаги. Мы, твои верные друзья, поедем повсюду с тобой, и в то время, как мы постараемся усладить твою горе нашей дружбой, ты уладишь нас своим пением.

– Да, да! – жалобно говорил Нерон. – Я напишу в честь ее гимн и сам сочиню музыку.

– Потом поищешь горячего солнца в Байях.

– И забвения в Греции...

– В отчизне поэзии и музыки!

Тяжелое настроение цезаря постепенно таяло, как тают тучи, заволакивающие солнце; началась беседа, исполненная печали, но в то же время говорилось и о подробностях будущего путешествия, строились планы художественных выступлений; обсуждали прием, какой следовало сделать приезжающему в Рим Тиридату, царю Армении. Тигеллин попробовал было напомнить о колдовстве, но Петроний, уверенный в победе, охотно принял вызов.

– Неужели ты думаешь, Тигеллин, что чары могут повредить богам?

– Сам цезарь говорил о чарах, – ответил придворный.

– Говорило горе, а не цезарь... Но ты лично что думаешь об этом?

– Боги слишком могучи, чтобы им можно было повредить чарами.

– Неужели в таком случае ты отказываешься в божественности цезарю и его семье?

– *Peractum est!* Кончено! – пробормотал стоявший рядом Марцелл, употребляя выражение, принятое в цирке, когда гладиатор поражен так, что его не приходится добивать.

Тигеллин затаил в себе гнев. Давно уже между ним и Петронием возникло соперничество в отношениях с цезарем, и на стороне Тигеллина было то преимущество, что Нерон меньше, вернее, совсем не стеснялся его. Но до сих пор при столкновениях Петроний всегда одерживал верх благодаря ловкости и остроумию.

Так произошло и на этот раз. Тигеллин замолчал и лишь постарался удержать в памяти имена сенаторов и патрициев, которые окружили отошедшего в глубь зала Петрония, думая, что теперь он, конечно, будет первым любимцем цезаря.

Выйдя из дворца, Петроний отправился к Виницию и рассказал ему о встрече с цезарем и стычке с Тигеллином.

– Я не только отвратил опасность для Авла и Помпонии, но и от нас обоих, и даже Лигии, которую не будут искать хотя бы потому, что я уговорил меднобородую обезьяну ехать в Анциум, а оттуда в Неаполь и Байи. Он поедет наверное, потому что в Риме он не смел до сих пор выступить публично в театре, и я знаю, что он давно собирается сделать это в Неаполе. Кроме того, он мечтает о Греции, где хочет петь во всех больших городах, чтобы потом совершить триумфальный въезд в Рим со всеми венками, которые ему поднесут греки. В это время можно спокойно искать Лигию и потом спрятать в безопасном месте. Что же, не был у тебя благородный философ?

– Твой благородный философ – обманщик. Не был, не показывается и не покажется больше!

– Я лучше думаю если не о его честности, то об уме. Он пустил кровь однажды твоей мощи и наверняка придет, хотя бы ради того, чтобы сделать это еще раз.

– Пусть он побережется, а то я пушу кровь ему самому.

– Не делай этого; потерпи, пока не убедишься окончательно в его обмане. Не давай ему больше денег, но обещай большую награду в будущем, если он принесет тебе верное известие о Лигии. Делаешь ли что-нибудь сам?

– Два моих вольноотпущенника, Нимфидий и Демас, ищут ее во главе шестидесяти людей. Тот из рабов, который откроет местопребывание Лигии, получит обещанную свободу. Кроме того, я послал нарочных по всем дорогам, ведущим из Рима, чтобы они расспрашивали в придорожных селах о лигийце и девушке. Сам я дни и ночи брожу по городу, надеясь на счастливую случайность.

– Если узнаешь что-нибудь, извести меня, потому что я должен уехать в Анциум.

– Хорошо.

– Когда ты, проснувшись в одно прекрасное утро, скажешь себе, что не стоит мучиться из-за одной девушки и тратить так много сил на поиски, приезжай в Анциум. Там не будет для тебя недостатка ни в женщинах, ни в утешении.

Виниций начал ходить большими шагами по комнате, Петроний смотрел на него некоторое время молча, потом сказал:

– Скажи мне искренне, не как безумец, который возбуждает себя, а как рассудительный человек, который беседует с другом: действительно ли ты все время думаешь об этой девушке?

Виниций остановился, посмотрел на Петрония, словно не видел его раньше, потом снова стал шагать по атриуму. Видно было, что он старается подавить в себе волнение. Наконец на глазах его от чувства собственного бессилия, от боли, гнева и необоримой тоски выступили слезы, которые сказали Петронию больше, чем самый красноречивый ответ.

Подумав немного, Петроний сказал:

– Мир держит на плечах не Атлас, а женщина; иногда она играет им, как мячиком.

– Да! – ответил Виниций.

Они стали прощаться. Но в эту минуту раб доложил о приходе Хилона Хилонида, который ждал в прихожей и просил допустить его пред лицо господина.

Виниций велел впустить его тотчас же, а Петроний сказал:

– Что? Не говорил ли я тебе! Клянусь Геркулесом! Но старайся сохранить спокойствие, потому что в противном случае он будет владеть тобой, а не ты им.

– Привет и честь благородному военному трибуну и тебе, господин! – говорил, входя, Хилон. – Пусть ваше счастье будет равным вашей славе, а слава пусть распространится по всему миру от столпов Геркулеса до арсийских границ!

– Здравствуй, законодатель добродетели и мудрости! – ответил Петроний.

С притворным равнодушием Виниций спросил:

– Что ты приносишь нам нового?

– В первый раз, господин, принес тебе надежду, теперь приношу уверенность, что девушка будет найдена.

– Значит, ты не нашел ее до сих пор?

– Да, господин. Зато я нашел разгадку, что значит тот знак, который она начертила тебе на песке. Я знаю теперь, кто те люди, которые отбили ее, и знаю, среди последователей какого божества нужно искать их.

Виниций хотел вскочить с кресла, на котором сидел до сих пор, но Петроний положил ему руку на плечо и обратился к Хилону:

– Продолжай!

– Уверен ли ты, господин, что девушка начертила на песке рыбу?

– Да, да! – крикнул нетерпеливо Виниций.

– В таком случае она – христианка, и отбили ее христиане.

Наступило молчание.

– Послушай, Хилон, – проговорил наконец Петроний, – мой племянник обещал тебе за розыск девушки большое количество денег, но и не меньшее количество розог в случае обмана. В первом случае ты купишь себе не одного, а трех писцов, во втором – философия всех семи мудрецов, с добавлением твоей собственной, не послужит тебе мазью для заживления кожи.

– Девушка – христианка! – воскликнул грек.

– Подожди, Хилон. Ты человек неглупый. Мы знаем, что Юния Силана и Кальвия Криспинилла обвинили Помпонию Грецину в принадлежности к христианскому суеверию, но мы также знаем, что суд оправдал ее от возводимого обвинения. Неужели ты снова хочешь предъявить его? Как убедишь ты нас, что Помпония, а с нею и Лигия могут принадлежать к числу врагов человеческого рода, отравителей колодцев и фонтанов, почитателей ослиной головы, – людей, убивающих младенцев и предающихся отвратительнейшему разврату? Подумаешь, Хилон, ведь тезис, который ты выставляешь, способен отразиться в качестве антитезиса на твоей спине!

Хилон развел руками в знак того, что он здесь не виноват, после чего сказал:

– Господин! Скажи по-гречески следующее: Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель.

– Хорошо... Я говорю!.. И что же?

– А теперь возьми первые буквы каждого слова и сложи их вместе.

– Рыба! – воскликнул изумленный Петроний.

– Вот почему рыба стала символом христиан, – наставительно произнес Хилон.

Все молчали. Но в доказательстве грека было что-то столь убедительное, что оба друга не могли прийти в себя от изумления.

– Виниций, – спросил Петроний, – не ошибаешься ли ты? Действительно ли Лигия нарисовала рыбу?

– Клянусь всеми подземными богами, я сойду с ума! – воскликнул раздраженный Виниций. – Если бы она нарисовала птицу, я сказал бы, что это была птица!

– Значит, она христианка, – повторил Хилон.

– Значит, Помпония и Лигия отравляют колодцы, – воскликнул Петроний, – убивают похищенных на улице детей, предаются разврату! Вздор!! Ты дольше был в их доме, Виниций, я был там мало, но я хорошо знаю Помпонию и Авла, достаточно знаю и Лигию, чтобы сказать: клевета и вздор! Если рыба есть символ христиан, с чем спорить трудно, и если они действительно христиане, то клянусь Прозерпиной, что христиане совсем не такие, какими мы представляем их себе.

– Ты говоришь, как Сократ, – сказал Хилон. – Кто говорил с христианином? Кто знает их учение? Когда я шел три года тому назад из Неаполя в Рим (о, зачем я не остался там!), ко мне присоединился в пути один человек, врач по имени Главк, о котором говорили, что он христианин, и я убедился на деле, что это был добродетельный и честный человек.

– Не от этого ли честного человека ты узнал теперь, что значит рыба?

– Увы! Нет, господин. По дороге в одной гостинице кто-то ткнул этого доброго человека ножом, а жену его и ребенка увели в рабство торговцы невольниками; защищая их, я и потерял оба пальца. Но у христиан, говорят, бывают чудеса, поэтому я надеюсь, что пальцы отрастут и у меня.

– Как? Ты христианин?

– Со вчерашнего дня, господин, со вчерашнего дня. Сделала меня христианином рыба. Какая в ней, однако, сила! Через несколько дней я буду самым ревностным христианином, и меня посвятят во все тайны. Тогда я узнаю, где скрывается девушка. Может быть, мое христианство будет лучше оплачено, чем моя философия. Я обещал также Меркурию, если он поможет мне отыскать беглянку, принести в жертву двух баранов, однолеток и одномерок, которым велю вызолотить рога.

– Твое вчерашнее христианство и твоя старая философия позволяют, значит, верить и в Меркурия?

– Я всегда верю в то, во что мне нужно верить, и в этом моя философия, которая должна, конечно, прийтись по вкусу Меркурию. К несчастью, этот бог так недоверчив! Он не верит обетам даже целомудренных философов и, наверно, предпочел бы получить баранов раньше, между тем это ведь немалый расход. Не каждый среди мудрецов – Сенека, мне это сделать трудно, и если благородный Виниций в счет тех денег, которые обещаны мне, даст... немного...

– Ни одного обола, Хилон, – сказал Петроний, – ни обола! Щедрость Виниция превзойдет меру твоих надежд, но лишь в том случае, если Лигия будет найдена, то есть когда ты укажешь место, где она скрывается. Меркурий должен дать тебе кредит на два барана, хотя я и не удивляюсь, что он делает это неохотно, как бог, не лишенный ума.

– Послушайте меня, достойные господа! Открытие, сделанное мною, велико, потому что хотя я и не отыскал еще девушки, зато нашел дорогу, по которой ее следует искать. Вы разошлись по городу и окрестностям множество вольноотпущенников и рабов, но дал ли вам хоть один какое-нибудь указание? Нет! Один я дал вам его. И скажу больше. Между вашими рабами могут быть христиане, о чем вы и не подозреваете; суеверие это распространено повсюду; и эти рабы, вместо того чтобы помогать, будут мешать вам и затруднять поиски. Нехорошо и то, что меня видят здесь, поэтому ты, благородный Петроний, вели молчать своей Евнике, а ты, равно благородный Виниций, пусти слух, что я продаю тебе мазь, намазав которой лошадь, можно быть уверенным в победе на состязании в цирке... Я один буду искать, и я один найду беглецов, а вы верьте мне и знайте, что, если я и получу немного вперед, это будет служить мне поощрением: я всегда буду уверен, что получу больше, и тем больше будет моя надежда, что обещанная награда не минет меня. Да! Как философ, я презираю деньги, хотя их не презирают ни Сенека, ни Музоний, ни Корнут, которые не теряли, однако, пальцев, защищая друзей, и могут писать сами и оставить имена свои в памяти потомства. Кроме раба, которого я намерен купить, кроме Меркурия, которому я обещал двух баранов (а ведь вы знаете, как подорожал теперь скот), самые поиски требуют больших расходов. Выслушайте меня с терпением. За эти несколько дней на моих ногах появились раны от усиленной ходьбы. Я заходил в кабачки, чтобы поговорить с людьми, к булочникам, мясникам, продавцам оливок, к рыбакам. Я исходил все улицы и переулки; побывал в притонах беглых рабов; проиграл около ста ассов в свайку; был в прачечных и столовых, видел погонщиков мулов и каменщиков; видел людей, которые лечат болезни мочевого пузыря и дергают зубы, говорил с торговцами сухими фигами, побывал на кладбищах... И знаете зачем? Затем, чтобы повсюду рисовать рыбу, смотреть людям в глаза и слушать, что они мне скажут, увидев этот знак. Долго я ничего не мог заметить, пока не встретил случайно у фонтана старого раба, который черпал воду и плакал. Подойдя, я спросил его о причине слез. Когда мы сели на ступеньке около бассейна, он сказал мне, что всю свою жизнь собирал сестерцию за сестерцией, чтобы выкупить любимого своего сына, но его господин, некий Панса, когда увидел деньги, отнял их, а сына оставил по-прежнему у себя в неволе. «И я плачу, – говорил старик, – и хотя готов повторять: да будет воля Божья, все же, старый грешник, не могу удержать слез». Тогда, толкаемый предчувствием, я омочил палец в воде и нарисовал рыбу, а он сказал мне: «И моя надежда во Христе». Я же спросил: «Ты узнал меня по знаку?» Он ответил: «Да, и пусть будет мир с тобою». Тогда я стал тянуть его за язык, и бедняга разболтал мне все. Его господин, Панса, сам вольноотпущенник великого Пансы, возит по Тибру в Рим камень, который наемные люди и рабы переносят с барж к строящимся домам ночью, чтобы не стеснять уличного движения. Среди них работает много христиан, а также и его сын, но так как эта работа слишком тяжела, старик хотел выкупить своего сына. Панса предпочел удержать и деньги и раба. Рассказав это, он стал плакать, я же смешал с его слезами свои, что мне легко было сделать, во-первых, потому, что у меня доброе сердце, во-вторых, от боли в натруженных ходьбой ногах. При этом я жаловался, что, придя

несколько дней тому назад из Неаполя, никого не знаю из братии, не знаю, где они собираются для совместной молитвы. Он удивился, что братья в Неаполе не дали мне писем к римским братьям, но я уверил его, что меня обокрали по дороге. Тогда он сказал, чтобы я пришел ночью на реку, он познакомит меня с братьями, а те доведут до дома молитвы и к старшим, которые управляют христианской общиной. Услышав все это, я так обрадовался, что дал ему сумму, необходимую для выкупа сына, в надежде, что щедрый Виниций вернет мне ее вдвойне...

– Послушай, Хилон, – прервал его Петроний, – в твоём рассказе ложь плавают по поверхности правды, как масло по воде. Я не спорю, ты принес важные известия. Я даже думаю, что по пути розыска Лигии сделан большой шаг вперед, но не портить своих новостей ложью. Как зовут старика, от которого ты выведал, что христиане узнают друг друга при помощи знака рыбы?

– Еврикий, господин, бедный, несчастный старик! Он напомнил мне лекаря Главка, которого я защищал от убийц, – и этим он особенно растрогал меня.

– Верю, что ты познакомился с ним и сумел использовать это знакомство, но денег ты ему не давал. Ты ему ничего не дал, понимаешь! Ничего! Ни одного асса!

– Но я помог ему тащить ведра и говорил с ним о его сыне с величайшим сочувствием. Да, господин! Разве что-нибудь можно скрыть от пронизательности Петрония? Да, я не дал ему денег, вернее, дал, но в душе, в мысли, что, если бы он был истинным философом, должно было бы удовлетворить его вполне... Я дал ему денег потому, что считал такой поступок нужным и справедливым, потому что подумай, господин, как бы он хорошо настроил ко мне всех христиан, какой легкий доступ к ним представился бы мне, с каким доверием все отнеслись бы ко мне...

– Действительно, – сказал Петроний, – ты должен был поступить так.

– Я затем и прихожу, чтобы сделать это.

Петроний обратился к Виницию:

– Вели отсчитать ему пять тысяч сестерций, но в душе, в мысли...

Виниций сказал:

– Я дам тебе мальчика, который понесет нужную сумму, а ты скажешь Еврикию, что это твой раб, и ты отсчитаешь при нем старику деньги. А так как ты все же принес важное известие, то получи столько же для себя. Приди за мальчиком и за деньгами сегодня вечером.

– Вот истинный цезарь! – воскликнул Хилон. – Позволь, господин, посвятить тебе мой философский труд, но позволь также прийти сегодня вечером за одними деньгами, без мальчика, потому что Еврикий сказал, что все баржи уже разгружены, а новые придут из Остии лишь через несколько дней. Мир да будет с вами! Так прощаются христиане... Куплю себе рабыню, то есть я хотел сказать: раба. Рыбу ловят на приманку, а христиан на рыбу. *Rax vobiscu!* рах!... рах!... рах!...⁵⁰

⁵⁰ Мир с вами! Мир!... Мир!... Мир!... (лат.)

XV

Петроний к Виницию:

«С верным рабом посылаю тебе из Анциума это письмо, на которое, хотя рука твоя более привычна к мечу и копью, чем к стилó, надеюсь, ты ответишь без особой задержки с этим же рабом. Я оставил тебя напавшего на верный след и полного надежды, поэтому думаю, что ты или теперь уже успокоил свои страстные желания в объятиях Лигии, или успокоишь их прежде, чем настоящий зимний ветер подует с вершин на Кампанью. О, мой Виниций! Пусть учительницей твоей будет золотая богиня Киприды, а ты будь учителем этой лигийской утренней зорьки, которая бежит от знойного солнца любви. Запомни раз навсегда, что мрамор сам по себе, хотя бы и самый дорогой, ничто, и лишь тогда становится ценным, когда его претворит в художественное произведение рука скульптора. Будь таким скульптором, *carissime*!⁵¹ Любить недостаточно, нужно уметь любить и нужно уметь научить любви. Ведь наслаждение испытывает и чернь, и даже зверь, но настоящий человек тем именно и отличается от них, что претворяет его в некое благородное искусство. Предаваясь наслаждению, он знает об этом, помнит божественное происхождение любви, и таким образом не только питает свое тело, но и душу. Не раз, когда я здесь подумаю о тщете, суете и скуке нашей жизни, мне приходит в голову, что, может быть, ты избрал благое и что не двор цезаря, а война и любовь – вот ради чего стоит родиться и жить.

Ты был счастлив в войне, будь так же счастлив и в любви. Если тебе интересно, что делается при дворе, я время от времени буду писать об этом. Сейчас мы сидим в Анциуме и лелеем божественный голос, чувствуем ненависть к Риму, на зиму собираемся переехать в Байи, чтобы выступить публично в Неаполе, жители которого – греки, которые сумеют оценить нас лучше, чем волчье племя, населяющее берега Тибра. Стекутся люди из Помпеи, Путеола, из Кум, из Стабий, не будет недостатка в аплодисментах и венках, и все это послужит поощрением к предполагаемой поездке в Ахайю.

Память маленькой августы? Да, мы ее оплакиваем еще. Поем гимны собственного сочинения столь прекрасно, что сирены от зависти попрятались в глубочайших пещерах Амфитриты⁵². Нас, пожалуй, послушали бы дельфины, если бы им не мешал морской шум. Наше страдание и тоска не успокоились до сих пор, поэтому мы показываемся людям во всяких видах и позах, каким учит скульптура, при этом внимательно следя за тем, красивы ли мы и умеют ли люди оценить нашу красоту. Ах, мой друг, мы умрем, как шуты и комедианты.

Здесь все августиане и все августианки, не считая пятисот ослиц, в молоке которых купается Поппея, и десяти тысяч слуг. Иногда бывает весело. Кальвия Криспинилла стареет; говорят, она упросила Поппею позволить ей принимать ванну после августы. Нигидий Лукан дал пощечину, подозревая ее в связи с гладиатором. Спорус проиграл Сенециону в кости свою жену. Торкват Силан предложил мне за Евнику четырех коней, которые в этом году, несомненно, выиграют состязание в цирке. Я не согласился! И тебе благодарен, что ты не принял ее. Что касается Торквата Силана, то бедняга даже не подозревает, что он теперь тень, а не человек. Смерть его решена. И знаешь, в чем его вина? Он – правнук божественного августа. И для него нет спасения. Таков наш мир!

Мы ждали здесь, как тебе известно, Тиридата, между тем от Волгеца получено оскорбительное письмо. Он покори́л Армению и требует, чтобы она была отдана Тиридату, если же на это не согласятся, то он все равно не слушает и сделает по-своему. Совершенное издевательство! Поэтому мы решили воевать. Корбулон получит такую власть, какая была у вели-

⁵¹ дражайший! (*лат.*)

⁵² Амфитрита – в греческой мифологии богиня моря, супруга Посейдона.

кого Помпея во время войны с морскими разбойниками. Одно время Нерон колебался: боится, по-видимому, славы, какую в случае победы может стяжать Корбулон. Думали даже предложить верховное начальство над легионами нашему Авлу. Но этому воспротивилась Поппея, для которой добродетель Помпонии, по-видимому, как бельмо в глазу.

Ватиний обещает нам какие-то особенные игры гладиаторов, которые он собирается устроить в Бенеvente. Вот к чему, вопреки пословице: *ne sutor supra crepidam*⁵³, доходят сапожники в наше время! Вителлий потомок сапожника, а Ватиний – родной сын! Может быть, сам еще тянул дратву! Гистрион великолепно вчера играл Эдипа. Он еврей, и я спросил у него, не одно ли и то же – христиане и евреи? Он мне ответил, что у евреев стародавняя религия, тогда как христиане – новая секта, недавно возникшая в Иудее. Во времена Тиверия распяли там одного человека, число последователей которого растет с каждым днем, и они считают его богом. Кажется, никаких других богов, особенно наших, они знать не хотят. Не понимаю, каким образом это могло бы им повредить.

Тигеллин проявляет ко мне явную враждебность. До сих пор ничего не может со мной поделаться, но есть у него одно важное преимущество. Он больше дорожит своей жизнью и вместе с тем больший негодяй, чем я, что сближает его с Меднобородым. Эта парочка раньше или позднее споется наконец, и тогда моя песенка спета. Когда это будет – не знаю, но так как это должно случиться непременно, то срок мне безразличен. Пока необходимо развлекаться. Жизнь сама по себе была бы неплохой, если бы не Меднобородый. Из-за него человек иногда становится противен самому себе. Ошибочно считать борьбу из-за его милостей каким-то цирковым состязанием, какой-то игрой, победа в которой льстит самолюбию. Я часто объяснял себе это таким образом, однако порой мне кажется, что я похож на Хилона и нисколько не лучше его. Когда он перестанет быть тебе нужным, пришли его ко мне. Я полюбил его острую диалектику. Приветствуй от меня свою божественную христианку и попроси от моего имени, чтобы она не была по отношению к тебе рыбой. Напиши мне о своем здоровье, напиши о любви, умеи любить, научи любить и прощай».

Виниций Петронию:

«Лигии нет до сих пор! Если бы не надежда, что я скоро найду ее, ты не получил бы ответа, потому что когда жизнь отвратительна, то и не хочется писать. Я хотел убедиться, не обманывает ли меня Хилон, и в ту ночь, когда он пришел за деньгами для Еврикия, я завернулся в военный плащ и незаметно пошел за ним и за мальчиком, которого послал с ним. Когда они пришли наконец в условленное место, я издали следил, укрывшись за колонной, и убедился, что Еврикий не вымышленная Хилоном личность. Внизу, у реки, несколько десятков людей разгружали при свете факелов большую баржу и складывали камень на берегу. Я видел, как Хилон подошел к ним и стал говорить с каким-то стариком, который вдруг упал к его ногам. Другие окружили их, издавая крики изумления. На моих глазах мальчик передал мешок Еврикию, который, взяв его, стал молиться, протягивая к небу руки, а рядом с ним опустился на колени еще кто-то, должно быть, его сын. Хилон говорил что-то, чего я не мог расслышать, и благословил стоявших на коленях и всех других, делая в воздухе знаки в виде креста, который они, по-видимому, чтят, потому что все преклоняли при этом колени. Мне очень хотелось сойти к ним и пообещать три таких мешка тому, кто выдал бы мне Лигию, но я побоялся испортить Хилону его работу и, минуту поколебавшись, отошел.

⁵³ Пусть сапожник судит не выше сапога (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.